# СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

4

1938

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

АПРЕЛЬ 1938 г. 4

Редакция: Москва, Пушкинская, д. 15а


## Задачи прокуратуры в навигацию 1938 года

Последние два года водный транспорт не выполняет правительственного плана перевозок. Количество аварий судов увеличивается, причиняя ежегодно государству огромные убытки. Убытки от аварий за 1937 год превышают 47 млн. руб. Неудовлетворительность работы водного транспорта характеризуют огромные непроизводительные простои тоннажа, значительные хищения и порча грузов. В 1937 г. водный транспорт закончил свою работу с убытком в 274 млн. руб.

Неудовлетворительная работа водного транспорта подверглась суровой, но справедливой критике на I сессии социалистического парламента нашей страны. Давая оценку работе водного транспорта, тов. Жданов указал:

«... Транспортные средства, находящиеся в ведении Народного Комиссариата Водного Транспорта, используются крайне неудовлетворительно. Аварии, на рост которых неоднократно обращали внимание Наркомвода и правительство, и партия, и советская общественность, эти аварии продолжают оставаться бичом водного транспорта. Убыточность, которая сопутствовала деятельности Наркомвода в 1936 году и объяснялась им всякого рода ссылками на различные объективные условия, как, например, на мелководье 1936 года, эта убыточность не имела тенденции к снижению и в 1937 году, как будто во всех отношениях благоприятном для навигации как по морям, так и по рекам Советского Союза.

Я хотел бы обратить внимание на крайне неудовлетворительное состояние с делом выдвижения и подготовки молодых кадров на водном транспорте... Мы народ терпеливый, но надо с той мели, на которой сидит Наркомвод в течение нескольких лет, слезать побыстрее...» [1]

Выступление тов. Жданова получило полное одобрение I сессии Верховного Совета СССР.

Не менее резкую критику работы водного транспорта дал в своем выступлении на сессии Верховного Совета т. Молотов:

«... Напомним товарищам из Наркомвода, что скоро начинается новая навигация, она начнется всего через каких-нибудь два-три месяца. Это будет последнее испытание для теперешних руководителей Наркомвода. Еще не поздно, чтобы тов. Пахомов, нарком водного транспорта, исправил положение, занялся по-настоящему ремонтом судов, развернул решительную борьбу с авариями, по-настоящему взялся за ликвидацию убыточности водного транспорта, а главное — за подбор и воспитание кадров водного транспорта» [1].

Троцкистско-бухаринские вредители и диверсанты причинили водному транспорту нашей страны большие потери. Практика эксплоатации флота на износ, вывод из строя судов, приведение в негодное, запущенное состояние путевого и портового хозяйства, судоремонтных предприятий, разложение трудовой дисциплины, дезорганизация планирования, разгон честных и преданных водницких кадров — были основными формами и методами подрывной работы врагов народа на водном транспорте.

Критика недостатков и неудовлетворительная оценка работы водного транспорта в значительной мере относятся и к работе судебно-прокурорских органов водного транспорта.

Неудовлетворительность работы судебно-прокурорских органов водного транспорта заключается в том, что они в ряде случаев своевременно не вскрыли и не разоблачили врагов народа, орудовавших на различных участках водного транспорта, не сумели во-время и метко направить судебную репрессию против подлинных виновников, срывающих работу водного транспорта: злостных нарушителей трудовой дисциплины, аварийщиков, разгильдяев и расхитителей социалистической собственности. Наряду с этим имела место практика необоснованного привлечения к ответственности честных специалистов за производственные неполадки, за случайные ошибки, за мелкие должностные проступки.

Прокуроры водного транспорта в ряде случаев объективно способствовали разгону честных водницких кадров, зря привлекая к ответственности и осуждая честных специалистов за мелкие преступления.

Прокуроры бассейнов совершенно неудовлетворительно осуществляли надзор прокуратуры за применением устава о дисциплине, не реагировали на незаконные увольнения, зачастую штампуя приказы начальников пароходств, самоустраняясь от тщательной проверки всяких клеветнических заявлений, подменяя подлинную

[1] Речь депутата А. А. Жданова на I сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва, «Правда», от 18 января 1938 г.

[1] Речь т. Молотова об образовании правительства СССР на I сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва, «Правда», от 20 января 1938 г.

большевистскую бдительность трусливой подозрительностью.

Ярким примером необоснованного привлечения к уголовной ответственности может служить дело капитана Туницына, безаварийно проработавшего на водном транспорте 56 лет. Туницын был осужден к длительному сроку лишения свободы за аварию, хотя виновниками этой аварии являлись другие лица. Осуждению Туницына содействовали клеветнические заявления ряда лиц, в том числе некоторых работников Политотдела. Только после вмешательства Главной прокуратуры водного транспорта дело было прекращено Верховным Судом СССР.

Клеветники и перестраховщики не всегда встречали должный отпор со стороны прокуроров водного транспорта. Шесть месяцев ходила без работы машинистка Днепровского бассейна только за то, что она по ошибке вместо фамилии «Стасюк» (вновь назначенного начальника пароходства) на одной из бумаг напечатала подпись «Сердюк» — бывшего начальника пароходства, разоблаченного как враг народа. За эту ошибку были уволены машинистка и начальник канцелярии как «за восхваление врагов народа», и, несмотря на все обращения к прокурору, уволенные полгода ходили с клеймом пособников врагам народа.

Наконец, одним из крупных недостатков работы прокуратуры водного транспорта является то, что осуждение злостных аварийщиков, злостных нарушителей трудовой дисциплины, процессы по этим делам проходили кабинетно, оторванно от всей суммы общественно-политических мероприятий, проводимых на водном транспорте. Происходившие процессы не были использованы для мобилизации водницкой общественности на борьбу за укрепление трудовой дисциплины на водном транспорте.

Органы прокуратуры водного транспорта не уделяли серьезного внимания профилактической работе, предупреждению преступлений на водном транспорте, вследствие слабой работы своей по линии общего надзора и слабой работе с общественностью — группами содействия, контрольными постами и т. д.

---

Партия и правительство систематически оказывали и оказывают водному транспорту огромную материальную и организационную помощь. Образцом исключительной заботы о водном транспорте и его кадрах является опубликованное недавно постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О работе водного транспорта», осуществляющее указания сессии Верховного Совета, ведущее водный транспорт от позорного отставания к подъему до уровня передовых отраслей народного хозяйства.

Особенное внимание в постановлении Совета Народных Комиссаров СССР уделяется вопросу установления железной дисциплины, ликвидации мелкобуржуазной расхлябанности и упорядочения системы руководства на водном транспорте. Это постановление является ярким примером сталинской заботы о кадрах, о преданных делу партии Ленина — Сталина партийных и непартийных большевиках, о стахановцах водного транспорта.

Борьба со всеми, кто будет вольно или невольно пытаться сорвать полное осуществление постановления Совета Народных Комиссаров, определяет ответственные задачи, стоящие перед прокуратурой водного транспорта, определяет содержание и формы ее работы в навигацию 1938 года.

Речной транспорт в 1938 г. должен перевезти 76,7 млн. тонн грузов, сделав 39,5 млрд. тонно-километров. План перевозок в 1938 г. для морского транспорта определен в 34 млн. тонн грузов при 20 млрд. тонно-миль.

Основным и решающим в выполнении этого боевого задания правительства является настоящая большевистская подготовка к навигации. Между тем первые дни навигации в ряде бассейнов (Московско-Окский, Нижне-Волжский, Аму-Дарьинский) показали неподготовленность к навигации. В результате мы уже сейчас имеем ряд серьезных аварий. Так, например, в Московско-Окском пароходстве в первом же рейсе потерпел аварию баркас, груженный сахаром, аварию, причинившую государству ущерб свыше 400 тыс. руб. В Нижне-Волжском пароходстве при пробном пробеге парохода «Папанин» пароход сел на мель, сломав правое колесо. В конце марта в Каспийском пароходстве затонул пароход «Пушкин». На Черноморском пароходстве получил серьезное повреждение ледокол № 5 и т. д.

Все эти факты свидетельствуют о том, что трудовая дисциплина на водном транспорте продолжает оставаться на недопустимо низком уровне. Эти факты свидетельствуют о неподготовленности ряда пароходств к навигации. Эти факты свидетельствуют о том, что водницкие массы еще не мобилизованы на подлинную борьбу с бичом водного транспорта — аварийностью.

Вся работа прокуратуры водного транспорта должна быть направлена на оказание помощи водному транспорту в выполнении боевого задания правительства, путем беспощадного выкорчевывания остатков вредительских элементов, организации твердой борьбы против нарушителей трудовой дисциплины, аварийщиков, расхитителей грузов и охраны законных прав честных и преданных тружеников от бюрократических извращений и преступлений карьеристов-перестраховщиков.

Прокуратуры бассейнов силами своего актива провели обследование готовности пароходств и решающих пристаней к текущей навигации. Однако проделанную работу нельзя признать удовлетворительной. Прокуратуры бассейнов в ближайший отрезок времени должны добиться устранения недостатков, выявленных обследованиями. В соответствии с решением СНК максимальное внимание должно быть обращено на борьбу за улучшение путевого хозяйства и обстановки, из-за неисправного состояния которых в прошлую навигацию произошло около 1 500 аварий. Первые аварии текущей навигации, приведенные выше, также в большинстве произошли по вине работников пути, не обеспечивших безопасного плавания судов.

Задачей прокуратуры водного транспорта в борьбе с авариями является своевременное и меткое нанесение удара методами судебной репрессии по злостным аварийщикам, пьяницам, «лихачам», не допуская огульного и необоснованного привлечения работников водного транспорта за незначительные проступки и ошибки. Судебная репрессия по делам об авариях даст

должный эффект в деле укрепления трудовой дисциплины только при быстром и высококачественном проведении следствия, при правильной организации судебных процессов и совместной с политотделами и профессиональными организациями мобилизации общественного внимания по каждому проведенному процессу. Каждый судебный приговор по делам о нарушителях трудовой дисциплины должен быть доведен до широких масс водников, должен мобилизовать водницкую общественность на борьбу за оздоровление водного транспорта, на борьбу с преступной халатностью, с разгильдяйством, наносящими огромный ущерб водному транспорту. Уметь распознать и разоблачить врага, который будет пытаться подрывать мощь нашего флота, подставляя в качестве виновников честных работников, уметь выявить очаги аварийности и добиться их ликвидации — является ответственнейшей задачей прокуратуры водного транспорта в текущей навигации. Прокуратура должна освободиться от собственных недостатков, главнейшим из которых является неуменье правильно и метко направлять удар уголовного преследования. Надо решительно покончить с огульным привлечением к ответственности, с привлечением к ответственности по пустяковым основаниям, сосредоточив все свое внимание на серьезных делах и серьезных преступлениях. Нужно беспощадно бить по врагу, но врага нужно уметь точно и безошибочно находить и разоблачать.

Одной из главных причин невыполнения плана перевозок являются огромные непроизводительные простои тоннажа, имевшие место как по вине водников, так и клиентуры водного транспорта. Работа прокуратуры в области борьбы с виновниками простоев в прошлые навигации была явно неудовлетворительна. Виновники простоев оставались безнаказанными, прикрываясь различного рода «объективными причинами», либо отделываясь уплатой штрафа, но опять-таки за счет государства. К делам о простоях прокуратуры бассейнов должны приковать свое внимание и нанести крепкий удар по тем, кто будет срывать нормальную эксплоатацию флота.

Постановление СНК требует от Наркомвода и пароходств резкого улучшения обслуживания пассажиров. Борьба за выполнение постановления СНК в этой области, за культурное обслуживание пассажиров также является важным объектом надзора прокуратуры водного транспорта.

Многомиллионные убытки ежегодно несет водный транспорт от хищения, порчи, утраты и засылки грузов. При отсутствии к этому оснований, в прошлую навигацию прокуратуры бассейнов ослабили свое внимание борьбе с этим видом преступности. Следствие по делам этой категории тянется недопустимо долго, а качество его продолжает оставаться на низком уровне, что приводит к значительному числу отмен и изменений приговоров. Каждый посягающий на социалистическую собственность, на сохранность грузов должен понести суровое наказание. Мобилизовать водницкие массы на борьбу с хищениями за сохранность грузов является боевой задачей каждого прокурора, каждого следователя водного транспорта. И эту задачу можно успешно выполнить, только имея крепко сколоченный и правильно организованный актив.

Сталинская забота о кадрах водного транспорта, выраженная в выступлениях тт. Молотова и Жданова, а также в постановлении Совета Народных Комиссаров, должна занять первостепенное место в работе прокуратуры водного транспорта и в области общего надзора. Совершенно неудовлетворительной была деятельность прокуратур бассейнов по надзору за дисциплинарной практикой. Прокуратуры бассейнов не боролись с неосновательным наложением дисциплинарных взысканий, с незаконными увольнениями. Прокуратуры бассейнов должны обеспечить безусловное выполнение пароходствами постановления СНК в части рассмотрения в срок жалоб уволенных водников и восстановления на работе неправильно уволенных. Необходимо обязательно проводить систематический просмотр прокурором всех приказов о наложении дисциплинарных взысканий, немедленно опротестовывая незаконные приказы. Общественно-политическая работа прокуратур бассейнов и участков, создание вокруг них общественного актива в прошлую навигацию были неудовлетворительными. Резкое и коренное улучшение на этом участке является непременным условием для повышения качества работы прокуратуры в целом. Организационное укрепление групп содействия, сигнальных постов, укрепление связи с рабкорами газет дадут возможность своевременно и метко выявлять лиц, подрывающих трудовую дисциплину, срывающих план перевозок, создающих простои и аварии на водном транспорте.

Выявляя в процессе ли расследования уголовных дел либо в порядке общего надзора отдельные неполадки и болезненные стороны системы водного транспорта, прокуроры должны, не ограничиваясь привлечением виновных к ответственности, добиваться устранения этих недостатков.

Ярким проявлением заботы партии и правительства о водном транспорте является назначение на пост Народного комиссара водного транспорта одного из лучших сынов нашей партии, верного ученика и соратника великого Сталина Николая Ивановича Ежова.

Под руководством сталинского наркома т. Ежова партийные и непартийные большевики, стахановцы водного транспорта добьются оздоровления, решительного перелома и наведения большевистского порядка на водном транспорте. Обязанностью всех работников водной прокуратуры является оказание всемерной, действенной и серьезной помощи успешному проведению навигации.

А. ГЕРЦЕНЗОН

# Посягательства на социалистическую собственность и их юридическая квалификация[1]

К пятилетию действия исторического закона 7 августа 1932 г. были отмечены крупнейшие успехи в деле борьбы с хищениями социалистической собственности. Сталинская Конституция закрепила эти успехи в своих исторических формулировках. Констатируя успехи в деле борьбы с хищениями социалистической собственности, мы не должны забывать, что враги народа из банды троцкистско-бухаринских негодяев пытались осуществлять вредительство и в области применения закона 7 августа 1932 г. Это проводилось ими путем неправильной квалификации преступлений, нарочито неверной трактовки закона, вредительского направления репрессии не против подлинных расхитителей социалистической собственности, а отдельных неустойчивых трудящихся.

Одной из форм этого вредительства явилось всяческое замазывание юридического анализа закона 7 августа 1932 г., подмена этого анализа псевдо-политической трескотней. Между тем, для правильного проведения уголовной политики в деле борьбы с хищениями социалистической собственности в соответствии со Сталинской Конституцией и социалистическим уголовным законодательством, необходим прежде всего четкий политический и юридический анализ закона 7 августа 1932 г. Настоящая статья и является попыткой освещения юридического анализа закона 7 августа на основе действующего законодательства и судебной практики.

Постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятое 7 августа 1932 г., не включено ни в положение о государственных преступлениях, ни в уголовные кодексы союзных республик. Это постановление действует в качестве самостоятельного уголовного закона общесоюзного значения, представляя собою законченную стройную систему норм социалистического уголовного права, посвященных охране социалистической собственности. Из текста закона явствует, что предусмотренные им преступления являются преступлениями государственными. На январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1935 г. товарищ Сталин указывал, что хищения социалистической собственности являются «контрреволюционным безобразием». Положение о государственных преступлениях рассматривает контрреволюционные преступления как посягательство на основы социалистического государства и его важнейшие завоевания — политические, хозяйственные и иные. Посягательство на социалистическую собственность как посягательство на основу советского строя объективно не может иначе рассматриваться, как посягательство контрреволюционное. Однако не только непосредственно сами хищения социалистической собственности являются государственными преступлениями, но и попытки развала колхозов со стороны кулацко-капиталистических элементов являются преступлениями государственными. Это вытекает из того, что подобного рода преступления посягают на основные завоевания социалистического государства; с другой стороны, в самом постановлении 7 августа 1932 г. в части III (пункт первый) указывается: «...приравнять эти преступления к государственным преступлениям». Таким образом закон 7 августа 1932 г. предусматривает борьбу с особым видом государственных преступлений.

Переходя к анализу отдельных видов хищений социалистической собственности, квалифицируемых по закону 7 августа 1932 г., следует прежде всего остановиться на хищениях государственного имущества. Закон 7 августа 1932 г. в специальной своей части особо не выделяет ответственность за хищения государственного имущества, а говорит об этом лишь в вводной части. Считая само собою разумеющимся, что по закону 7 августа 1932 г. ответственность в первую очередь определяется за хищение государственного имущества, законодательство в первом и во втором разделах специальной части закона приравнивает к государственному имуществу грузы на транспорте и имущество колхозов и кооперативов. Тем самым постановление особо резко подчеркивает значение уголовной ответственности за хищение государственного имущества. В конечном счете объект преступного посягательства по закону 7 августа 1932 г. может быть определен следующим образом:

а) государственное имущество;

б) приравненные к государственному имуществу грузы на железнодорожном транспорте;

в) приравненное к государственному имуществу имущество колхозов и кооперативов.

Сталинская Конституция дает развернутую формулировку видов социалистической собственности. Согласно Конституции СССР социалистическая собственность может иметь форму государственной собственности (всенародное достояние) или форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

В соответствии с этим следует признать, что объектом хищения социалистической собственности может явиться:

Государственная собственность (всенародное достояние): этой собственностью является земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах (ст. 6 Конституции СССР).

Кооперативная собственность: к этому виду собственности относятся общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их

[1] Настоящая статья представляет главу из подготовляемого к печати коллективного учебника по особенной части советского уголовного права.

общественные постройки, составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций (ст. 7 Конституции СССР).

В ряде постановлений правительства, а также в циркулярах, издававшихся прокуратурой Союза и Народным комиссариатом юстиции, объект хищений неоднократно уточнялся, конкретизировался и детализировался. Эти постановления и циркуляры, говоря о различных видах хищений, особо оговаривают хищения хлеба, семян, посевов, урожая, сельскохозяйственных машин, лошадей, горючего, инструментов, машин, ценностей в различных формах, скота, молочных продуктов, хлопка и т. д. Сущность этого перечня каждый раз состояла в придании особого значения борьбе с каким-либо видом хищения: в период сева — хищением семян, в период уборки — хищением урожая, в торговле — хищением товаров, в сберегательных кассах — хищением облигаций и т. д. Указаниями на тот или иной непосредственный объект хищения, даваемыми в упомянутых постановлениях и циркулярах, подчеркиваются задачи борьбы с различными видами хищений в различные периоды и на различных участках социалистического хозяйства. Сам по себе такой перечень не вызывался особой необходимостью, так как в рассматриваемом законе объект преступного посягательства при хищении определен с исчерпывающей ясностью.

Если вопрос об объекте хищения социалистической собственности решается сравнительно просто, то значительно сложнее обстоит дело с вопросом об объективных признаках хищения социалистической собственности. Сам закон 7 августа 1932 г. говорит о хищении как воровстве. Однако было бы ошибочным сводить применение этого закона лишь к случаям кражи социалистической собственности. Закон 7 августа 1932 г., как показывает изучение судебной практики, должен быть распространен и на некоторые иные формы посягательств на социалистическую собственность. Сюда должны быть отнесены случаи, когда преступление с объективной стороны состоит:

а) в хищении, совершаемом путем кражи, иными способами хищения имущества, а равно и путем присвоения, подлога и иным аналогичным способом;

б) в иных посягательствах на социалистическую собственность — в форме истребления имущества, повреждения имущества и т. п.;

в) в действии или бездействии должностного лица, способствующего или не препятствующего хищению.

В первой группе случаев закон 7 августа 1932 г. применяется, непосредственно исходя из самого текста постановления. Во второй группе случаев речь идет о приравнении к хищениям такого рода посягательств на социалистическую собственность, которые наносят ей ущерб и не выражаются непосредственно в хищениях. В третьей группе случаев для применения закона 7 августа 1932 г. необходимо наличие ряда специальных условий, благодаря которым деяние приравнивается к преступлениям, предусмотренным этим законом.

Хищение социалистической собственности может производиться как путем краж (тайного похищения чужого имущества), так и иными способами, объединяемыми родовым понятием похищения (сюда относятся случаи, обычно квалифицируемые как бандитизм, разбой, мошенничество и т. д.). Судебная практика разрешает вопрос о квалификации этого рода хищений следующим образом:

«а) Если основным объектом преступлений является социалистическая собственность, действия осужденных должны быть квалифицированы по закону 7 августа 1932 г. вне зависимости от способа посягательства на социалистическую собственность (бандитские налеты, разбой и т. п.).

б) Если в ряде преступлений, совершенных осужденными, часть преступлений имела своим объектом социалистическую собственность, а другая часть не была связана с хищениями социалистической собственности, то действия таких осужденных следует квалифицировать в подлежащих случаях по закону 7 августа 1932 г. и соответствующим статьям УК» (постановление президиума Верховного суда РСФСР от 10 июля 1934 г., протокол № 30).

Таким образом, случаи разбойных нападений, бандитских налетов и т. д. должны квалифицироваться по закону 7 августа 1932 г. в случаях, когда объектом посягательства является социалистическая собственность и когда нападения, налеты являлись по сути дела формой, способом хищения социалистической собственности. В случаях совокупности преступлений квалификация должна производиться в соответствии со ст. 49 УК РСФСР, и преступления должны квалифицироваться по закону 7 августа 1932 г. и по статьям УК. 58 пленум Верховного суда СССР, вновь подчеркнул, что «в случаях хищений социалистической собственности, сопровождающихся бандитизмом, разбоем и убийствами, квалификация таких преступлений должна производиться и по закону 7 августа 1932 г., и по соответствующим статьям УК».

Также непосредственно подпадают под действие закона 7 августа 1932 г. присвоения и растраты, совершенные должностными лицами, посягающими на социалистическую собственность. Постановление президиума Верховного суда РСФСР от 28 мая 1933 г. указывает: «Тяжесть судебной репрессии по закону 7 августа направить не по отдельным случаям незначительных растрат и хищений..., а по случаям крупных, злостных и организованных хищений и растрат...»

Вторую группу посягательств на социалистическую собственность, приравниваемых в смысле наказуемости к хищениям, квалифицируемым по закону 7 августа 1932 г., составляют преступления, наносящие ущерб социалистической собственности (порча, повреждение, истребление), но не являющиеся непосредственной формой ее хищения. Среди постановлений этого рода необходимо указать прежде всего постановление третьей сессии ЦИК СССР 6 созыва от 30 января 1935 г. (С. З. № 6, ст. 41): «Применять к лицам, уличенным в саботаже сельскохозяйственных работ, краже семян, во вредительском преуменьшении норм высева, вредительской работе по пахоте и севу, ведущей к порче полей и снижению урожая, в умышленной поломке тракторов и машин, в уничтожении лошадей, как к расхитителям колхозной собственности, постановление 7 августа 1932 г.». Далее следует отметить, что по закону 7 августа трактористы отвечают как в случаях хищения семян, горючего, запасных частей, инструментов и продукции, так и в случаях злостного невыполнения

правил, повлекших за собой порчу машин, аварию тракторов (ст. 30 приложения 1 к пост. СТО от 21 сентября 1933 г.).

Из разъяснений и циркуляров руководящих органов юстиции подобного же рода необходимо указать на квалификацию случаев невыполнения обязательств поставки зерна, разбазаривания хлеба, сокрытия его от государства и т. д.— виновные в этих деяниях отвечают в зависимости от конкретных условий по ст. 58-14 или по закону 7 августа (пост. коллегии НКЮ от 8 августа 1935 г.).

Третью группу посягательств на социалистическую собственность, приравниваемых в смысле наказуемости к хищениям, квалифицируемым по закону 7 августа, составляют, как указывалось выше, различные виды должностных преступлений. Третья сессия ЦИК СССР 6 созыва в своем постановлении от 30 января 1933 г. установила, что «всякий обман в деле учета колхозной продукции, колхозного труда и колхозного урожая должен рассматриваться как пособничество кулаку и антисоветским элементам, как попытка расхищения колхозного имущества, ввиду чего должен караться по закону 7 августа 1932 г.».

Помимо этого в законодательном порядке был принят ряд постановлений о применении закона 7 августа 1932 г.:

1) в случаях незаконного расходования поступившего гарнцевого сбора (пост. ЦИК и СНК СССР от 9 февраля 1933 г., С. З. № 2, ст. 9);

2) в случаях злостного расходования, разбазаривания или умышленного сокрытия подлежащего сдаче хлопка (пост. СНК РСФСР от 2 ноября 1934 г., С. У. № 41, ст. 258);

3) в случаях незаконного расходования молочных продуктов, поступивших по обязательным поставкам (пост. СНК СССР, С. З. 1934 г. № 60, ст. 439).

Аналогичного рода указания делались НКЮ РСФСР и Верховным судом РСФСР. Наиболее важными из них являются: выдача поддельных квитанций, плохое хранение квитанций и неправильная их выдача, в результате чего произошло разбазаривание хлеба (пост. коллегии НКЮ РСФСР от 8 июля 1933 г.), незаконное расходование заготовленного мяса и мясопродуктов (циркуляр НКЮ 1935 г. № 25).

Среди этих циркуляров и постановлений НКЮ РСФСР и Верховного суда РСФСР большое значение имело постановление президиума Верховного суда РСФСР от 28 мая 1933 г. (протокол № 29), установившее уголовную ответственность должностных лиц по закону 7 августа за способствование и невоспрепятствование хищениям. Указывая, что этот закон должен применяться в случаях крупных, злостных, организованных хищений, Верховный суд РСФСР предложил применять суровые меры наказания «как в отношении непосредственных воров и растратчиков, так и тех лиц, которые своей бездеятельностью и слабостью руководства и контроля способствовали и попустительствовали этим преступлениям. Должностных лиц счетного аппарата и работников правлений кооперативных центров, не принявших необходимых мер борьбы к предотвращению растрат и хищений, неуклонно привлекать к уголовной ответственности по ст. 109 УК, а в особо злостных случаях явного непринятия мер к охране кооперативной собственности привлекать к ответственности по постановлению правительства 7 августа наравне с виновными, привлекаемыми к ответственности непосредственно за хищения и растраты».

Таким образом, квалификация деяния по закону 7 августа возможна не только в случаях совершения самих хищений (активные действия), но и в тех случаях, когда виновный своим действием или бездействием *способствовал* хищениям, явно не препятствовал хищениям, облегчил возможность их совершения расхитителями и т. д. Такого рода деяния *приравниваются* к хищениям.

58 пленум Верховного суда СССР отметил: «Подтвердить к неуклонному исполнению всех судебных органов неоднократно данные директивы о том, что по закону от 7 августа 1932 г. должны квалифицироваться случаи злостных, крупных растрат и присвоений, и что закон от 7 августа 1932 года должен применяться в отношении руководителей государственных и кооперативных органов, не принявших необходимых мер к охране социалистической собственности и тем самым создавших благоприятные условия для ее расхищения».

Уголовная ответственность за хищения социалистической собственности предполагает наличие у виновного умысла. Виновный должен: а) сознавать, что он посягает на социалистическую собственность, что посягательство направлено на расхищение социалистической собственности в любой форме и б) желать этого расхищения. Таким образом, хищение квалифицируется по закону 7 августа не только в тех случаях, когда виновный ставит перед собою контрреволюционную цель или сознательно допускает наступление контрреволюционных последствий, но и тогда, когда он не ставит перед собой этих целей, а преследует исключительно корыстные цели. В этом корыстном умысле, направленном на расхищение социалистической собственности, объективизируется особая опасность расхитителя. Хищения социалистической собственности квалифицируются по закону 7 августа в случаях, когда виновный обнаруживает:

а) корыстный умысел;

б) косвенный контрреволюционный умысел;

в) прямой контрреволюционный умысел.

Естественно, что при определении меры наказания содержание умысла у расхитителя социалистической собственности играет существеннейшую роль. Так, 42 пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 25 февраля 1933 г. указал: «В случаях же умышленного уничтожения леса и лесных насаждений путем поджогов, также порубок леса и лесных насаждений, совершаемых в организованном порядке, систематически или в виде промысла, с причинением крупных убытков, или хотя и с незначительным фактическим убытком, но с очевидной контрреволюционной целью для подрыва общественной социалистической собственности, или совершенных классово-враждебными элементами, применять закон 7 августа 1932 года об охране общественной (социалистической) собственности».

Еще более определенно сформулировал возможность совершения хищений с контрреволюционным умыслом 58 пленум Верховного суда СССР. Пленум счел необходимым «заострить внимание судебных органов на необходимости усиления бдительности по делам о хищениях социалистической собственности главным образом в тех случаях, когда хищения производятся

с контрреволюционной целью и похищенные ценности идут на усиление деятельности вредительских, диверсионных групп. Троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические агенты фашизма и иностранных разведок используют хищение социалистической собственности для своих диверсионно-вредительских целей, в виду чего все судебные органы должны мобилизовать себя для ожесточенной борьбы с целью выкорчевывания врагов народа». Этот последний вид хищений социалистической собственности, указанный в постановлении 58 пленума Верховного суда СССР, является одной из форм прямой контрреволюционной деятельности и должен рассматриваться как вредительский или диверсионный акт.

Особо следует остановиться на вопросе о субъективной стороне преступления, выявляемой у должностных лиц, способствующих или непрепятствующих хищениям социалистической собственности. В уже цитированном постановлении президиума Верховного суда РСФСР от 28 мая 1933 г. указано, что должностные лица отвечают по закону 7 августа «в особо злостных случаях явного непринятия мер к охране кооперативной собственности». В этом же духе изложено и другое постановление президиума Верховного суда РСФСР, от 20 января 1933 г.: «Сторожа предприятий, складов и колхозов, виновные в халатном отношении к своим обязанностям, способствовавшем совершению или необнаружению хищения, должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 111 Уголовного кодекса. Случаи содействия сторожей хищениям должны квалифицироваться по закону 7 августа 1932 г., причем при наличии сговора с расхитителями, принадлежности сторожа к классово-враждебным элементам должна без ослабления применяться высшая мера социальной защиты. В случае установления, что меры охраны в предприятиях, совхозах, колхозах и т. п. не принимались в целях облегчения производства хищений, к виновным должно применяться постановление 7 августа 1932 года, как к прямым соучастникам в хищении социалистической собственности».

Итак, при квалификации хищений социалистической собственности по закону 7 августа у виновного должно быть установлено наличие корыстного умысла, причем в ряде случаев ее исключена возможность и наличия у него контрреволюционного умысла в том объеме, как он очерчен выше. Для квалификации хищения по закону 7 августа достаточно установление у виновного корыстного умысла. Наличие у расхитителя прямого или косвенного контрреволюционного умысла при квалификации преступления по закону 7 августа влияет на характер репрессий. Наконец, при наличии у расхитителя контрреволюционного умысла решающее значение для квалификации преступления играет выявление конкретного содержания этого контрреволюционного умысла; в соответствующих случаях преступление должно квалифицироваться как вредительство, диверсия и т. д.

Субъектами хищения социалистической собственности являются, как указано в самом законе, враги народа. Товарищ Сталин в своем докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК в 1933 г. указал, что на организацию и проведение хищений социалистической собственности идут представители вышибленных из колен последних остатков умирающих классов, это — «промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы» [1]. К числу их нужно отнести троцкистско-бухаринских бандитов, которые, как показывают материалы судебной практики, нередко прибегают к хищениям социалистической собственности для организации вредительских и диверсионных актов.

Субъектом хищения может быть и лицо, формально являющееся к моменту совершения преступления трудящимся. Однако самый факт совершения им крупного, злостного хищения социалистической собственности превращает такого «трудящегося» во врага народа, ибо только враг народа может посягать на основу советского строя — социалистическую собственность.

Если исходить из анализа общего состава похищения имущества — кражи, то следует признать похищение оконченным с момента, когда имущество выбыло из законного владения и перешло в незаконное обладание виновного. Таким образом общий состав кражи позволяет различать оконченное и неоконченное преступление — в виде приготовления к краже и покушения на кражу. Это правило не в полной мере может быть распространено на состав преступления, предусмотренного законом 7 августа. К числу посягательств на социалистическую собственность, квалифицируемых по этому закону, относятся все виды похищения социалистической собственности и, в частности, бандитские и разбойные нападения, мошенничество, присвоения и растраты и т. д. Так как некоторые из этих категорий преступлений по существу сконструированы в виде «усеченных составов», то следует признать, что и общее понятие хищения социалистической собственности не требует для признания преступления оконченным обязательного наступления преступного результата. Самый факт покушения на социалистическую собственность может быть рассматриваем как законченный состав преступления. Об этом имеется прямое указание и в самом законе 7 августа: «Люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа». Таким образом, покушение на хищение социалистической собственности при наличии всех других необходимых для состава преступления условий может быть квалифицировано по закону 7 августа с применением предусмотренных им наказаний. От суда, конечно, зависит учет всех обстоятельств, в силу которых преступление не было доведено до конца; поэтому на определении наказания в конечном счете может отразиться наличие или отсутствие преступного результата, но сама уголовная ответственность за хищение социалистической собственности наступает независимо от этого обстоятельства.

Закон 7 августа ничего не говорит об ответственности соучастников хищения — организаторов, подстрекателей, пособников, также как не указывает на наказуемость недоносительства. Эти вопросы должны быть разрешены, исходя

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 507.

из общего учения о соучастии и недоносительстве в государственных преступлениях. В хищениях социалистической собственности роль соучастников при совершении преступления исключительно велика. Хищения, как правило, совершаются не в одиночку, а группой лиц, по предварительному сговору.

При совершении хищений социалистической собственности могут иметь место различные формы соучастия. Среди указаний Верховного суда РСФСР мы находим специальное упоминание о видах соучастия в хищениях социалистической собственности: «В борьбе за охрану социалистической собственности твердо применять закон от 7 августа 1932 года к организаторам и участникам крупных или систематических хищений бандами, организованными группами, кулацкими элементами, хищений, организованных с участием должностных лиц, а также в отношении профессиональных скупщиков и спекулянтов». В другом постановлении, от 17 декабря 1932 г. (протокол № 53) Верховный суд РСФСР «предлагает судам во всех случаях массовых хищений хлеба вскрывать всю систему имевших место хищений, выявить организаторов, не допуская к ним, а также к должностным лицам, принимавшим участие в хищении, никаких послаблений».

В хищениях социалистической собственности необходимо выявлять прежде всего роль «главных виновников», о которых упоминается в только что приведенном постановлении Верховного суда РСФСР. Сюда должны быть отнесены не только непосредственные исполнители, но и в первую очередь организаторы и подстрекатели хищений. Хотя Уголовный кодекс в разделе о соучастии специально не выделяет организаторов преступления, но в особенной части по ряду преступлений эти лица специально упоминаются; судебная практика также знает в качестве особого вида соучастников — организаторов преступлений. На необходимость специального выделения из числа соучастников организаторов преступления неоднократно указывал в своих выступлениях т. А. Я. Вышинский. 58 пленум Верховного суда СССР указал на «недостаточное выявление случаев хищений социалистической собственности, направление следствия по линии второстепенных лиц и непривлечение главных виновников и организаторов хищений, непривлечение руководителей государственных и кооперативных органов, не принявших мер к охране социалистической собственности, а также невыявление всех обстоятельств преступлений». Эти дефекты в судебно-следственной работе смазывают эффективность применения закона 7 августа, а в ряде случаев, как отмечает пленум, являются результатом сознательного контрреволюционного вредительства со стороны пробравшихся в органы юстиции врагов народа.

Судебная практика в ряде случаев рассматривает попустительство как форму непосредственного соучастия в хищениях. Если при хищении социалистической собственности должностные лица, на обязанности которых лежит организация охраны социалистической собственности или сама охрана, проявили явную, злостную халатность, не приняли мер к охране государственного и общественного имущества, что явилось условием, способствовавшим хищению, то эти должностные лица отвечают как непосредственные соучастники в хищении и их деяние в смысле наказуемости приравнивается по своей квалификации к хищениям социалистической собственности. Приведенные выше указания Верховного суда СССР и РСФСР особенно подчеркивают ответственность такого рода должностных лиц, «которые своей бездеятельностью и слабостью руководства и контроля способствовали и попустительствовали этим преступлениям». Постановление президиума Верховного суда РСФСР от 28 мая 1933 г. указывает, что должностных лиц надлежит «в особо злостных случаях явного непринятия мер к охране кооперативной собственности привлекать к ответственности по закону 7 августа 1932 г. наравне с виновными, привлекаемыми к ответственности непосредственно за хищения и растраты». Об этом же говорится и в постановлении Верховного суда РСФСР от 20 января того же года, в каковом постановлении указывается на ответственность сторожей колхозов и совхозов по закону 7 августа за явно халатное отношение к своим обязанностям, обусловившее возможность для расхитителей совершить посягательство на социалистическую собственность.

Закон 7 августа рассматривает хищения социалистической собственности как государственное преступление; товарищ Сталин в приведенных уже нами высказываниях по этому вопросу указал, что хищения являются «контрреволюционным безобразием».

Исходя из этих положений, должен быть решен вопрос о недоносительстве о готовящихся или уже совершенных крупных хищениях социалистической собственности, подпадающих под действие закона 7 августа. Такого рода недоносительство является уголовно-наказуемым и должно рассматриваться как недоносительство по контрреволюционным преступлениям — по ст. 58-12 УК РСФСР.

Верховный суд РСФСР специально оговорил ответственность за недоносительство по крупным хищениям. Так, в постановлении от 25 мая 1935 г. указано: «Учитывая, что хищение (воровство) социалистической (общественной) собственности является преступлением, направленным против основ советского строя, недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном хищении социалистического (общественного) имущества должно квалифицироваться по статье 58-12 УК». Для правильного применения этого указания Верховного суда РСФСР необходимо, чтобы недоноситель знал, что совершенное хищение по своим размерам (крупное хищение) или по условиям его совершения (систематичность) подпадает под действие закона 7 августа. Недоносительство за хищения социалистической собственности, квалифицируемое по статьям УК, преследоваться по ст. 58-12 не может. Таким образом, суд должен установить, в какой мере недоноситель мог знать об обстоятельствах и условиях известного ему хищения.

Постановление 7 августа, как уже указывалось, не вошло в Уголовный кодекс, а действует в соответствующих случаях наравне с кодексами и с теми его статьями, которые квалифицируют посягательства на социалистическую собственность. Поэтому необходимо точно определить с о о т н о ш е н и е этого постановления и статей Уголовного кодекса. Вопрос о конкуренции постановления 7 августа и статей Уголовного кодекса может возникнуть в следующих случаях:

а) когда речь идет о квалификации краж и других способов похищения государственного и общественного имущества, то есть в данном случае все акты корыстного отчуждения этого имущества в пользу виновного;

б) когда речь идет о квалификации иных посягательств на социалистическую собственность.

Общий принцип, который судебная практика кладет в основу разграничения постановления 7 августа и соответствующих статей УК, состоит в следующем:

Постановление 7 августа применяется к лицам, совершившим посягательство на социалистическую собственность в значительных (крупных) размерах или систематически, или организованно, или особо злостно. В этих случаях для квалификации посягательства на социалистическую собственность по постановлению 7 августа безразличен способ совершения преступления.

Иные случаи посягательства на социалистическую собственность, то есть незначительные по размеру, однократные и совершенные без особой злостности, квалифицируются по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Для квалификации преступления по соответствующим статьям Уголовного кодекса способ совершения преступления (кража, разбой, мошенничество, растрата) играет решающую роль.

Установить (лимитировать) общий для всех случаев р а з м е р хищений, квалифицируемых по постановлению 7 августа, конечно, не представляется возможным; это определение полностью зависит от условий места и времени совершения преступления. Поэтому следует признать бесплодными все попытки такого рода абстрактного определения ценностной грани при квалификации хищения. Правда, попытки подобного рода имелись и в судебной практике. Однако несмотря на всю заманчивость классификации всех хищений социалистической собственности по ценностному признаку (до такой-то суммы дело относится к компетенции общественного суда, до такой-то суммы — квалификация по статьям УК и свыше этой суммы — квалификация по постановлению 7 августа) она не может быть воспринята социалистическим уголовным правом как чисто механическая, оторванная от конкретной действительности, схоластическая попытка решений больших политических задач.

58 пленум Верховного суда СССР подчеркнул, что «установление в ряде случаев механических лимитов в области квалификации хищений социалистической собственности по сумме похищенного без учета всех обстоятельств преступления, значения предметов хищения и т. д.» приводит к смазыванию эффективности применения постановления 7 августа.

Остальные признаки, необходимые для квалификации хищений по постановлению 7 августа,— систематичность, организованность, особая злостность — твердо восприняты нашей судебной практикой. В уже приведенных выше указаниях руководящих органов юстиции подчеркивается, что совершения хищения систематически, хотя бы каждый отдельный акт хищения и не наносил серьезного ущерба социалистической собственности, должны квалифицироваться по постановлению 7 августа. Наличие организованности хищения и проявление особой злостности хищения также является обстоятельством, определяющим квалификацию преступления по этому постановлению.

Любое посягательство на социалистическую собственность в этом смысле — при соблюдении перечисленных условий — подпадает под действие постановления 7 августа.

Эти преступления квалифицируются по постановлению 7 августа в случаях, когда они совершаются в крупных размерах, систематически или организованно или совершаются особо злостно, с целью причинить существенный ущерб социалистической собственности как основе советского строя.

В заключение необходимо остановиться на разграничении квалификации посягательств на социалистическую собственность по постановлению 7 августа и по ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-14.

Как при экономической контрреволюции, так и диверсионных актах, а в ряде случаев и при контрреволюционном саботаже преступное действие направлено на социалистическую собственность и содержит контрреволюционный умысел, то есть умысел, направленный на свержение, подрыв или ослабление социалистического государства и его основных завоеваний. Посягательства на социалистическую собственность, квалифицированные по постановлению 7 августа, совпадают с этими преступлениями по объекту преступления и могут совпадать и по субъективной стороне преступления (прямой или косвенный контрреволюционный умысел). Отличие, следовательно, содержится в объективной стороне состава преступления. Возможны случаи, когда экономическая контрреволюция осуществляется путем широкого хищения социалистической собственности или когда саботаж в области поставок зерна и хранения собранного по поставкам зерна приводит к расхищению социалистической собственности. С другой стороны, повреждение государственного или общественного имущества иногда перерастает в диверсионные акты; вместе с тем судебная практика квалифицирует по постановлению 7 августа некоторые случаи истребления и повреждения государственного и общественного имущества.

Основные принципы разграничения преступлений, предусмотренных постановлением 7 августа и ст.ст. 58-7, 58-9, 58-14, сводятся к следующим:

1) Если посягательство на социалистическую собственность квалифицируется как государственное преступление, то решение вопроса о применении ст.ст. 58-7, 58-9, 58-14 или постановления от 7 августа решается в зависимости от конкретного объекта и способа действия виновного.

2) Если посягательство на социалистическую собственность осуществляется путем использования государственных учреждений и предприятий, противодействия нормальной их деятельности, то преступление квалифицируется как экономическая контрреволюция (ст. 58-7).

3) Если посягательство на социалистическую собственность осуществляется путем взрыва, поджога и другими аналогичными способами, то преступление квалифицируется как диверсионный акт (ст. 58-9).

4) Если посягательство на социалистическую собственность осуществляется путем сознательного неисполнения или небрежного исполнения обязанностей с контрреволюционной целью, то преступление квалифицируется как контрреволюционный саботаж (ст. 58-14).

5) Если посягательство на социалистическую собственность осуществляется путем хищения или иного незаконного обращения в обладание виновного имущества, принадлежащего государственным или общественным учреждениям и предприятиям, а также в некоторых случаях и путем повреждения этого имущества, то преступление квалифицируется по постановлению 7 августа.

Постановление 7 августа в качестве наказания за хищения социалистической собственности (I и II часть постановления) предусматривает «высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества». Таким образом, основным видом наказания за хищения социалистической собственности, квалифицируемые по постановлению 7 августа, является расстрел с конфискацией всего имущества.

Установив альтернативную санкцию — расстрел или лишение свободы, постановление 7 августа определяет абсолютно определенную санкцию при вынесении приговора к лишению свободы — 10 лет (ибо указание «не ниже 10 лет» вместе с тем является и максимальным пределом срока лишения свободы по этим преступлениям). Конструкция санкции в виде альтернативной с двумя абсолютно определенными санкциями подчеркивает мысль законодателя об особой опасности хищений социалистической собственности. Об этом же свидетельствует дважды повторенное в I и II части постановления 7 августа запрещение применять амнистию к расхитителям социалистической собственности.

Обобщая директивы руководящих органов юстиции по вопросу об обстоятельствах, отягчающих вину и требующих применения наиболее суровых мер наказания, необходимо дать следующий перечень этих обстоятельств:

1) крупные размеры похищенного;

2) организованность хищения (шайка, группа, банда);

3) систематичность хищения;

4) особая злостность хищения;

5) наличие прямого или косвенного контрреволюционного умысла;

6) принадлежность расхитителей к спекулянтам, уголовным преступникам, раскулаченным и иным врагам народа;

7) принадлежность расхитителей к должностным лицам, в особенности к ответственным должностным лицам;

8) руководящая роль (организатор, подстрекатель, главный исполнитель) в хищении;

9) распространенность хищения в данной местности и в данном учреждении, предприятии и организации.

При наличии этих и аналогичных им обстоятельств наказание должно применяться наиболее суровое. Судебная практика (которая, как будет показано ниже, одно время, в случаях, когда хищение социалистической собственности не содержало только что перечисленных признаков, довольно широко применяла правила, предусмотренные ст. 51 УК РСФСР о снижении наказания ниже низшего предела, установленного в соответствующих статьях) в данном случае определяла лишение свободы на срок ниже 10 лет или даже определяла иные, более мягкие меры наказания. В ряде случаев на практике имело место применение условного осуждения по постановлению 7 августа.

Хотя этот закон от 7 августа формально не запрещает применения ст. 51 и 53 УК, тем не менее следует признать, что это противоречило бы самой идее, заложенной в основу закона от 7 августа. Хищение социалистической собственности есть форма деятельности врагов народа, есть посягательство на основу советского строя. Признав данное деяние подпадающим под действие постановления 7 августа, суд тем самым констатирует, что имело место посягательство на основу советского строя и что совершено оно врагом народа. Применение после этого ст.ст. 51 и 53 УК явилось бы со стороны суда совершенно непоследовательным, по сути дела дискредитирующим применение постановления 7 августа.

Исходя из этих соображений, Верховный суд издал ряд указаний, рассмотренных уже выше, о том, что не все хищения социалистической собственности подлежат квалификации по постановлению 7 августа, а только некоторые, наиболее опасные их виды.

Постановление 7 августа в качестве дополнительного наказания предусматривает конфискацию всего имущества (при расстреле) и конфискацию имущества — при лишении свободы. По вопросу о применении конфискации по постановлению 7 августа Верховным судом СССР даны указания о том, что подлежит конфискации:

1) имущество, непосредственно похищенное осужденным и приобретенное за счет похищенного;

2) у кулацко-капиталистических элементов — все имущество осужденного и лиц, живущих на его иждивении, за исключением того имущества, которое вообще по закону не может быть обращено ко взысканию;

3) у трудящихся — имущество, принадлежащее лично осужденному, и его доля в общем имуществе семьи;

4) у колхозников — имущество, принадлежащее осужденному, включая и доходы по трудодням (постановление 42 пленума Верховного суда СССР от 26 февраля 1933 г. и 49 пленума Верховного суда СССР от 25 декабря 1934 г.).

Наконец, нужно указать, что по постановлению 7 августа не может быть применена амнистия.

Третья часть постановления 7 августа, как указывалось выше, имеет своей задачей охрану колхозов от классово-враждебных элементов, пытающихся развалить колхозы. Постановление в этой своей части указывает: «Повести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилия и угрозы и проповедуют применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с целью насильственного разрушения колхоза. Приравнять эти преступления к государственным преступлениям».

Объектом преступления в данном случае является колхозная система, с одной стороны, и личность колхозника, с другой стороны. Посягательство на колхозную систему есть посягательство на основные завоевания социалистического государства, на социалистическую собственность в ее кооперативно-колхозной форме. Поэтому данный вид преступления, приравненного к государственному, предусмотрен в по-

становлении об охране и укреплении социалистической собственности.

Если объектом преступления, как отмечено, по III части постановления 7 августа является колхозная система, так как виновный ставит своей целью насильственное разрушение колхоза, то, с другой стороны, вторым объектом посягательства является личность колхозника, так как виновный направляет свое деяние именно на эту личность как на представителя колхозной системы.

Поэтому объект преступления должен рассматриваться двояко:

а) колхозная система;

б) личность колхозника как представителя колхоза.

Субъектом преступления, согласно III части постановления 7 августа, являются противообщественные кулацко-капиталистические элементы. Не следует понимать это определение узко-формально: враги народа нередко маскируются под «трудящихся», используют разложившиеся элементы из среды трудящихся и т. д. Поэтому субъектом преступления является в данном случае и тот, кто, формально принадлежа к числу трудящихся, совершает посягательство на колхоз и колхозников.

С субъективной стороны III часть постановления 7 августа предполагает умышленную деятельность. Виновный должен сознавать:

а) что насилия и угрозы направлены на колхозников как представителей колхозной системы; б) что деяние виновного способно вызвать разрушение колхоза, и в) желать это насильственное разрушение колхоза.

Объективная сторона преступления состоит из а) насилия; б) угроз; в) проповедывания насилия или угроз.

Для состава преступления достаточно наличия одного из этих трех признаков. Эти деяния должны быть направлены на отдельных колхозников, причем необходимо, чтобы насилия и т. д. были связаны не с какими-либо отношениями, а исключительно с общественным положением колхозников как представителей колхозной системы. Для квалификации насилия над колхозниками по III части постановления 7 августа необходимо провести грань между этого рода насилиями и иными посягательствами, предусмотренными ст. 58-8 (террористический акт).

Если насилие над личностью колхозника связано с нанесением телесного повреждения, то преступление не может рассматриваться по III части постановления 7 августа, а должно квалифицироваться как террористический акт.

Угрозы могут выражаться в различного рода словах, жестах, угроза в данном случае может быть и письменной; во всех этих случаях угрозы носят явно террористический характер — запугать, устрашить колхозников.

Наконец, проповедь насилия и угроз по отношению к колхозникам является преступлением, которое, с одной стороны, состоит в подстрекательстве к организации насилий и угроз, а с другой стороны, иногда может рассматриваться и как организационная деятельность, направленная к совершению террористических актов; в некоторых случаях проповедь насилий и угроз может рассматриваться как контрреволюционная агитация и пропаганда. На практике правильность квалификации этих преступлений зависит от конкретных условий; в частности, должен быть учтен как способ и характер действия, так и намерения преступника, и в зависимости от этого уже может быть решен вопрос о квалификации деяния как одного из контрреволюционных преступлений.

Уголовный кодекс РСФСР в статье 73-1 предусматривает состав преступления, схожий с рассматриваемым.

Статья 73-1 в интересующей нас части предусматривает угрозы и насилия в отношении колхозников в связи с их общественной и производственной деятельностью, если «эти действия по характеру, обстановке их совершении или последствиям не могут рассматриваться как террористический акт». Состав преступления ст. 73-1, таким образом, весьма близко подходит к рассматриваемой нами III части постановления 7 августа. Основные отличия состоят в том, что по ст. 73-1 у виновного отсутствует цель разрушения колхоза, а само преступление непосредственно направлено на данного колхозника. По III же части постановления 7 августа виновный ставит перед собой контрреволюционную цель — разрушение колхоза, и посягательство на личность колхозника есть лишь форма выполнения этой цели. В этом основное отличие данного состава от всех иных, сходных с ним.

Общее правило о квалификации насилий и угроз по отношению к колхозникам, таким образом, сводится к следующему:

1) если это деяние было способом насильственного разрушения колхоза — применяется III часть постановления 7 августа;

2) если это деяние представляло из себя попытку террористического акта (приготовление, покушение) — применяется ст. 58-8;

3) если это деяние было направлено на колхозника и связано исключительно с его личной общественной и производственной деятельностью, но совершалось без контрреволюционных целей и не могло рассматриваться как террористический акт — применяется ст. 73-1, I или II часть.

4) если это деяние не было связано с общественной или производственной деятельностью колхозника, а было обусловлено личным отношением и состояло в насилии над личностью — применяется ст. 146 УК РСФСР;

5) если это деяние не было связано с общественной или производственной деятельностью колхозника, а было обусловлено личным отношением и состояло лишь в угрозах,— отсутствует состав преступления, так как по действующему Уголовному кодексу угроза сама по себе не наказуема, кроме перечисленных выше случаев.

Постановление 7 августа по III части предусматривает применение «в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам».

Вся история социалистического законодательства по вопросу о борьбе с хищениями социалистической собственности служит ярким выражением учения Ленина—Сталина о роли

репрессии в социалистическом строительстве. Эта роль репрессии сформулирована товарищем Сталиным в следующих словах: «Репрессии являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным»[1]. Во всех декретах советской власти, начиная с первых декретов о борьбе с хищениями государственного имущества и кончая постановлением от 7 августа, во всех высказываниях Ленина и Сталина о борьбе с хищениями социалистической собственности — постоянно подчеркивается, что жесткая репрессия в отношении злостных хищников должна сочетаться с широчайшими профилактическими мероприятиями, с воспитательным воздействием на отсталые элементы из среды трудящихся, с мобилизацией общественного мнения на борьбу с хищениями.

Несмотря на полную ясность вопроса о задачах и методах борьбы с хищениями социалистической собственности, в судебной практике в течение известного периода имели место серьезные извращения, затруднявшие борьбу с этим видом преступлений.

Эти извращения обусловливались не только тем, что некоторые судебно-прокурорские работники не уяснили себе политическое значение закона 7 августа, не поняли его роль в решительной борьбе с хищениями, или, наоборот, переоценили роль репрессии в борьбе с хищениями.

Корни извращений судебно-прокурорской работы в борьбе с хищениями социалистической собственности следовало искать гораздо глубже.

58 пленум Верховного суда СССР отметил, что «троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические агенты фашизма, пролезшие в ряде мест в аппарат органов юстиции, в контрреволюционных целях вредительски применяли закон от 7 августа, умышленно осуждая по этому закону трудящихся в случаях совершения ими незначительных хищений и не применяя закона к явным врагам народа. Вместе с тем в работе судебных органов до сих пор все еще имеет место политическая близорукость и головотяпство в применении закона от 7 августа, что играет на-руку врагам народа».

Пленум в своем постановлении дал важнейшие указания, которые должны обеспечить окончательное выкорчевывание вредительства при применении закона 7 августа.

К пятилетию применения исторического постановления 7 августа можно констатировать серьезнейшие успехи в борьбе с хищениями социалистической собственности. Суровая репрессия к врагам народа — расхитителям социалистической собственности, мобилизация общественного мнения вокруг борьбы с хищениями социалистической собственности, широкая профилактическая работа,— все это обусловило значительное снижение хищений в нашей стране.

А. ТРАЙНИН

# Общее учение о должностных преступлениях[2]

I. Понятие должностного преступления. II. Понятие должностного лица. III. Соучастие в должностных преступлениях. IV. Система должностных преступлений.

## I

### Понятие должностного преступления

§ 1. В эпоху Сталинской Конституции перед социалистическим государством встают задачи величайшего политического значения. При разрешении этих задач значительная роль принадлежит облеченному доверием народа и с ним неразрывно связанному должностному аппарату социалистического государства.

В царской России всесильное чиновничество распоряжалось и действовало бесконтрольно. «Отсталости России,— писал Ленин,— и ее абсолютизму соответствует полное бесправие народа перед чиновничеством, полная бесконтрольность привилегированной бюрократии»[3].

В современных государствах буржуазной демократии привилегированное чиновничество служит верным орудием и опорой власти в эксплоатации и подавлении народных масс. «Какими бы формами ни прикрывалась республика, пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т. е., если в ней не выполняется то, о чем заявляет программа нашей партии и Советская конституция, то это государство — машина, чтобы угнетать одних другими»[1]. Поэтому должностные лица буржуазного государства представляют собой бюрократический аппарат, поставленный над гражданами, аппарат, обеспечивающий и ограждающий классовое господство буржуазии. Во французском законе 1919 г., приравнявшем служащих частных предпринимателей — торговца или промышленника — к должностным лицам государства, с особой яркостью проявилось, в какой мере в буржуазной демократии частнокапиталистические интересы отождествляются с интересами государства.

§ 2. В государствах «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»,— в фашистских государствах — роль бюрократического аппарата как орудия насилия над волей, интересами и жизнью народных масс, особенно возрастает. «Фашизм отдает народ на растерзание наиболее коррумпированным, продажным элементам»... «На деле он превращает рабочих и безработных в бесправнейших парий капиталистического общества, разрушает их профессиональные союзы, лишает их права стачек и рабочей

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 390.

[2] Глава из подготовляемого к печати учебника. Печатается в порядке обсуждения.— Ред.

[3] Ленин, т. II, стр. 179.

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 376—377.

печати, насильно загоняет их в фашистские организации, расхищает фонды их социального страхования, а фабрики и заводы превращает в казармы, где царит безудержный произвол капитализма» (Димитров). Глубоко враждебный массам и ненавистный им, фашистский режим стремится удержать власть при помощи огромного военного, полицейского и административного аппарата «корпоративного» и «тотального» государства, аппарата, ложащегося тягчайшим политическим, моральным и финансовым бременем на трудящихся.

Для этой цели фашистское государство охотно расширяет круг лиц, относимых к бюрократическому аппарату.

С этой же целью фашистское государство всеми средствами обеспечивает замкнутый, кастовый характер чиновничества. Закон Гитлера 7 апреля 1933 г. ставил своей прямой задачей «восстановление профессионального чиновничества». Согласно этому закону чиновники, поступившие на службу после 9 ноября 1918 г. и не обладающие предварительной подготовкой или «другими требуемыми свойствами», как и чиновники «не арийского происхождения», подлежали увольнению. Путем массовых произвольных увольнений был создан замкнутый аппарат чиновников-профессионалов, обладающих всеми «требуемыми фашизму свойствами» — чуждостью народным массам и слепым повиновением фашистской олигархии.

§ 3. В социалистическом государстве уничтожена эксплоатация человека человеком. «Политическую основу СССР составляют советы депутатов трудящихся, выросшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата». «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства». «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом» (ст. ст. 2, 3 и 11 Сталинской Конституции). Свои исключительного масштаба политические и хозяйственные задачи социалистическое государство разрешает усилиями всего народа под руководством коммунистической партии, как ведущего, передового отряда трудящихся, при активном и руководящем участии должностных лиц советского государственного аппарата.

Неразрывная связь государственного аппарата и народных масс — одна из самых значительных и самых характерных черт социалистического демократизма. «Советский государственный аппарат,— говорит товарищ Сталин,— сливается с массами, ибо он не может и не должен стоять над массами, если он хочет сохранить себя именно как советский государственный аппарат, ибо он не может быть чужд этим массам, если он действительно хочет охватить миллионные массы трудящихся. В этом одно из принципиальных отличий советского государственного аппарата от аппарата буржуазного государства»[1].

Программа ВКП(б) указывает на необходимость «добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве все более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц». Эта задача блестяще разрешена. Широкое вовлечение народа в управление государством, постоянный контроль масс над деятельностью государственного аппарата в полной мере обеспечили «дальнейшее сближение органов власти с массами трудящихся». «На наших фабриках и заводах,— сказал товарищ Сталин в речи на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа 11 декабря 1937 года,— работают без капиталистов. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом на деле»[1].

§ 4. В теории уголовного права учение о должностных преступлениях вызывает значительные разногласия. В центре этих разногласий — вопрос об объекте должностных преступлений. Господствующее в буржуазной теории течение определяет должностное преступление как нарушение служебного долга. В германском проекте уголовного кодекса 1925 г. глава о должностных преступлениях так и озаглавлена — «Нарушение служебного долга». Однако сама постановка вопроса об едином объекте должностных преступлений содержит в себе логическую ошибку.

Нельзя отрицать того, что классификация преступлений в уголовных кодексах обычно производится по объекту посягательства: закон различает преступления против личности, имущества и т. д. Но это — не единственное основание для классификации. Существует ряд преступлений (к ним в первую очередь относятся должностные и воинские преступления), для которых характерно единство не объекта, а субъекта. Совершенно очевидно, что искание единого конкретного объекта в подобных деликтах, где возможное единство заключено лишь в своеобразии субъекта, неизбежно приводит к абстрактным, оторванным от жизни формулам. Поэтому необходимо с полной отчетливостью установить, что конкретный объект должностных преступлений, как и сами эти преступления, разнороден: в должностном присвоении таким объектом является имущество, в должностном незаконном задержании гражданина — личная свобода, в дискредитировании власти — престиж власти и т. д. Вместе с тем каждое должностное преступление посягает на важнейшую политическую ценность — на государственную дисциплину социалистического государства.

§ 5. «От всякого нового общественного порядка,— писал Ленин,— требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина. Было время, когда без крепостной дисциплины нельзя было вести хозяйство, когда была одна дисциплина — палка, было время господства капиталистов, когда силой дисциплины был голод. Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе»[2].

Если каждому гражданину социалистическое

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 9 изд., стр. 148.

[1] Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, Партиздат, 1937 г., стр. 10.

[2] Ленин, т. XXIII, стр. 121—122.

государство диктует обязанность блюсти новую дисциплину социалистического общежития, то, естественно, в особой мере долг дисциплинированности лежит на лицах, непосредственно призванных к выполнению государственных и общественных функций,— на должностных лицах. Но как общегражданская дисциплина, так и служебный долг в социалистическом обществе глубоко отличны от «долга» чиновников эксплоататорского общества, выражающегося в «верной службе» начальству и полном отрыве от народных «низов». В социалистическом государстве, напротив, долг служащего заключается в тесном контакте с массами, в преданном служении великому делу социалистического строительства. В соответствии с этим должностное преступление может быть определено как посягательство на правильную, отвечающую интересам социалистического строительства работу государственного и общественного аппарата со стороны работников этого аппарата.

§ 6. Посягательство на правильную работу государственного аппарата может достигать различной общественной опасности и в соответствии с этим получать разную правовую квалификацию. Оно может быть второстепенным нарушением служебной дисциплины,— например, опоздание на службу, не повлекшее за собой серьезных последствий,— и может быть серьезным нарушением государственных интересов,— например, злоупотребление властью, выразившееся в разбазаривании остродефицитных материалов. В первом случае есть основание говорить о дисциплинарном проступке, во втором — об уголовном преступлении. Установить абстрактную для всех форм должностной деятельности грань, отделяющую дисциплинарный проступок от должностного преступления,— и невозможно и нецелесообразно; в одной сфере деятельности, например, на транспорте, самое на первый взгляд незначительное нарушение дисциплины может легко перерасти и часто действительно перерастает в серьезное уголовное преступление. В других случаях это перерастание зависит от ряда дополнительных условий, прежде всего от факта и размера нанесенного ущерба[1]. Однако теоретическая условность грани, отделяющей дисциплинарный проступок от должностного преступления, ни в какой мере не может служить основанием для колебаний судебной практики: суд обязан руководствоваться законом, который и в этом случае не оставляет практики безоружной.

§ 7. Прежде всего необходимо учесть, что закон дает перечень и определение действий, образующих должностное преступление. Этому посвящена вся глава третья УК и ряд статей в других главах УК. Отсюда непосредственно следует то, что всякого рода должностные преступления, не отвечающие признакам, предусмотренным УК, не могут считаться должностными преступлениями. Но они могут, конечно, быть дисциплинарными проступками. Далее, примечание 1 к ст. 112 УК прямо указывает: «Действие второй части настоящей статьи не распространяется на те служебные упущения и проступки, которые по степени серьезности не требуют применения мер социальной защиты и влекут дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности» (С. У. 1928 г. № 139, ст. 907).

Наконец, случаи, когда нарушения дисциплины приобретают особую опасность в силу особого характера выполняемой должностными лицами работы, прямо определены в законе — ст. 59-3в, предусматривающей нарушения трудовой дисциплины работниками транспорта.

Безусловное и тщательное исполнение закона внесет надлежащую устойчивость в судебную практику, в которой еще весьма нередки случаи уголовного осуждения должностных лиц за второстепенные дисциплинарные нарушения.

§ 8. Создавая ряд привилегий для чиновничества и тщательно оберегая свой бюрократический аппарат от общественного контроля, буржуазные государства в то же время не скупятся на уголовно-правовые постановления, формально угрожающие наказанием за совершение должностных преступлений. Оттого можно отметить следующее типичное для капиталистических стран явление: широко развитую продажность должностных лиц, систематический произвол и злоупотребления всех органов власти, почти полное отсутствие дел о преступлениях должностных лиц и — в то же время многочисленные статьи в уголовных кодексах, предусматривающие уголовную ответственность должностных лиц.

В конструкции должностной ответственности можно отметить две основных тенденции.

Некоторые буржуазные кодексы в борьбе с должностными преступлениями выдвигают общее положение, согласно которому каждое общеуголовное преступление влечет за собой повышенную ответственность, если оно совершено должностным лицом. Этим путем идет проект германского уголовного кодекса 1925 г. и ныне действующий польский УК 1932 г.

Так, германский проект допускает возможность повышения санкции в полтора раза по сравнению с установленной в соответственной норме санкцией за любое преступление, совершенное должностным лицом при исполнении служебных обязанностей (§ 181). «Должностное лицо,— поясняет объяснительная к проекту записка это положение,— во время исполнения вверенных ему государством функций в особой мере обязано избегать совершения преступления». Суд, кроме того, может лишить должностное лицо права занимать всякую или определенную должность на время от 1 до 5 лет, если должностное лицо приговорено к заключению сроком не ниже 3 месяцев.

Ст. 291 действующего польского УК устанавливает такое же положение: «Если должностное лицо совершило какое-либо преступление при исполнении служебной обязанности или в связи с ее исполнением, то суд может определить наказание на половину выше высшего размера наказания, установленного за данное преступление».

---

[1] УК РСФСР в редакции 1926 г. давал яркую иллюстрацию условности этой грани: он не только различал злоупотребления, превышение, бездействие власти и халатное отношение к службе и в качестве уголовного преступления, и в качестве дисциплинарного проступка, но даже должностной подлог, казалось бы, типичное уголовное преступление, допускал в форме дисциплинарного проступка. А порой закон шел далее и всецело предоставлял суду разграничение уголовного и дисциплинарного проступка (ст. ст. 113 и 121).

Другие кодексы такого общего положения не выдвигают, но весьма казуистический перечень отдельных видов должностных преступлений они пополняют общим постановлением о наказуемости всякого должностного правонарушения. Так, французский Code pénal в ст. 166 провозглашает: «Всякое преступление, совершенное должностным лицом при исполнении служебных обязанностей, есть злоупотребление властью» (forfaiture) и далее, в ст. 167: «Всякое злоупотребление властью, за которое законом не установлено более тяжелое наказание, карается лишением прав». Вместе с тем французский УК предусматривает длинный ряд конкретных видов злоупотребления властью (ст. 189 и сл.).

§ 9. В государствах фашистской диктатуры террористические методы управления сочетаются с самой беззастенчивой демагогией. Оттого и в уголовных кодексах фашистских государств содержатся многочисленные постановления об уголовной ответственности, постановления, только прикрывающие фактическую безответственность наемников фашизма. Так, итальянский уголовный кодекс в нескольких главах предусматривает должностные преступления. Много норм, предусматривающих преступления должностных лиц, рассеяно по всему итальянскому УК (ст. ст. 387, 388, 263 и др.).

§ 10. При отмеченном Лениным (см. § 1) «полном бесправии народа перед чиновничеством», при фактической «полной бесконтрольности привилегированной бюрократии» царское Уложение о наказаниях 1885 г. также содержало обширные постановления — 183 статьи, предусматривавшие должностные преступления. При этих условиях законодатель, естественно, имел достаточный простор, чтобы, с одной стороны, устанавливать общие понятия превышения власти, бездействия власти (ст. ст. 338—350), противозаконных действий в отношении вверенного имущества (ст. ст. 351—360), с другой стороны, особо предусматривать злоупотребления чиновников разных категорий, чиновников суда и следствия (ст. ст. 426, 434), чиновников по делам межевым (ст. ст. 435—445), чиновников полиции (ст. ст. 446—459), чиновников крепостных дел и нотариусов (ст. ст. 460—469) и т. д. Не введенное в действие царское Уголовное уложение 1903 г. упростило эту систему, но лишь отчасти. Уголовное уложение дает общее определение превышения власти (ст. 636), бездействия власти (ст. 639), но далее, несмотря на наличие общих норм, предусматривает ряд конкретных случаев превышения и в особенности бездействия власти (неопубликование указов, непринятие мер к предупреждению преступлений и др.). Как и новейшие проекты, Уголовное уложение предусматривает разглашение служебных тайн, незаконное лишение свободы, и, конечно, взяточничество и должностной подлог.

§ 11. В государстве социалистической демократии совершенно нетерпимы взяточничество, растраты, бюрократизм, халатное отношение к служебным обязанностям и другие должностные преступления, отражающие давление мелкобуржуазной стихии и наносящие серьезный ущерб социалистическому строительству. До конца должно быть искоренено это наследие капиталистического общества. Должностные лица, которым социалистическое государство непосредственно вверяет осуществление величайшего плана построения нового мира, должны являть образцы подлинного социалистического демократизма, всегда оправдывая доверие масс, образцы подлинной социалистической дисциплинированности, постоянно действуя в согласии с требованиями закона и интересами социалистического строительства.

Попытки внести разложение в государственную дисциплину — одна из форм классовой борьбы со стороны предательских и вредительских элементов, проникающих в советский аппарат с целью подрыва социалистического строительства. Величайшая бдительность и беспощадная борьба с этими врагами народа — одно из важнейших условий укрепления государственной дисциплины.

## II. Понятие должностного лица

§ 12. Как было отмечено выше (§ 4), отличительной особенностью должностных преступлений является их субъект — должностное лицо. Поэтому является совершенно необходимым определить круг граждан, являющихся должностными лицами. Ст. 109 не дает перечня[1] тех категорий работников, которые должны считаться должностными лицами — в этом положительная сторона редакции ст. 109. Однако определение должностного лица, даваемое ст. 109, довольно сложно и оставляет некоторый простор для колебаний судебной практики.

Согласно ст. 109 (примечание) «под должностными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные должности: а) в государственном (советском) учреждении, предприятии, а равно б) в организации или объединении, на которые возложены законом определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных или других общегосударственных задач».

В первой части (п. а) мысль законодателя выражена кратко и точно: закон считает должностными лицами всех, занимающих должность в государственном учреждении или предприятии. Закон не проводит различия между отдельными категориями служащих. Вопросы тарифной ставки, служебного положения, значительности или незначительности служебной роли стоят вне уголовной квалификации: чуждая советскому быту «табель о рангах» чужда и законам о должност-

[1] Законодательства капиталистических стран пытаются дать перечень должностных лиц. Так, § 359 действующего германского законодательства дает довольно подробное описание должностных лиц, относя к ним в частности нотариусов и исключая адвокатов и стряпчих. Иллюстрацией перечневой системы может служить и ст. 209 французского Code pénal, которая при определении бунта пытается перечислить в законе, кто является представителем власти. Перечневой системе следовало и царское Уголовное уложение 1903 г.: «Служащим, указывала ст. 636 Уложения, почитается всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной в качестве должностного лица или полицейского, или иного стража, или служителя, или лица сельского, или мещанского управления». Судебная практика показала, что такого рода перечневая система не облегчает, а лишь усложняет работу суда.

ной ответственности. Лицо, состоящее директором треста, и лицо, состоящее в нем счетоводом, одинаково занимают должность в государственном учреждении; они, следовательно, одинаково являются должностными лицами.

Далее, согласно прямому указанию примечания к ст. 109, не имеет значения, временно или постоянно занимает лицо должность в учреждении или в предприятии. Равным образом (ибо в законе нет и этого ограничения) не имеет значения, занимает ли лицо должность по назначению или по выбору (например народные заседатели), штатную или внештатную.

Наконец, и другое различие чуждо примечанию к ст. 109 — различие отдельных государственных органов: где бы лицо ни состояло на службе — в органе административном, судебном, просветительном, хозяйственном и т. д. — лицо, занимающее в нем должность, есть лицо «должностное» в смысле ст. 109 (примечание).

Таким образом, по пункту «а» ст. 109 (примечание) может быть формулирован следующий тезис: должностным является лицо, занимающее любую (платную и бесплатную, постоянную и временную, по назначению и по выбору) должность в любом государственном (судебном, следственном, административном, хозяйственном, просветительном и т. д.) учреждении или предприятии.

§ 13. Менее отчетливо примечание к ст. 109 во второй своей части, дающей материальное определение должностной службы и приравнивающей к государственным учреждениям и предприятиям также и (п. «б») «организации и объединения, имеющие по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных и других общественных задач».

Для правильного понимания этой части определения необходимо прежде всего учесть следующее: если п. «а» ст. 109 (примечание) говорит о должностных лицах государственных учреждений, то п. «б» определенно имеет в виду работников общественных организаций. Последовательно встает другой вопрос: является ли служащий каждой общественной организации должностным лицом в смысле ст. 109 УК? Закон вводит лишь одно ограничение. Закон говорит об организациях, имеющих определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении общегосударственных задач. Отсюда с полной определенностью следует, что служащие организаций иного рода (например, религиозных общин), на которые советским законом не возложено осуществление общегосударственных задач, не являются должностными лицами.

Это понимание непосредственно вытекает и из «Положения о добровольных обществах и союзах», утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г.: сюда «Положение» относит лишь те общественные организации, которые «ставят своей задачей активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны». Совершенно ясно, что религиозные общины ни в каком смысле «Положением» 1932 г. к советским общественным организациям не отнесены.

§ 14. Помимо отмеченного ограничения — к общественным относятся лишь организации, содействующие осуществлению общегосударственных задач — никаких иных ограничений круга общественных организаций, служащие которых признаются должностными лицами, закон не вводит. Следовательно, работники всех общественных организаций, удовлетворяющих признакам пункта «б», то есть организаций, осуществляющих общегосударственные задачи, являются должностными лицами. Сюда следует отнести работников кооперативных, профессиональных[1] организаций, добровольных обществ (МОПР, Осоавиахим) и т. п.

Это понимание круга должностных лиц было проведено еще в 1918 г. в декрете «О взяточничестве». Этот подписанный В. И. Лениным декрет, перечисляя лиц, могущих нести ответственность за взяточничество, устанавливал следующее: «Лица, состоящие на государственной или общественной службе в Российской социалистической федеративной республике (как-то: должностные лица советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профессиональных организаций и т. п. учреждений и организаций или служащие в таковых)»...[2].

Признание должностными лицами служащих общественных организаций имеет глубокое принципиальное значение: в нем нашла реальное выражение отмеченная выше органическая связь должностного аппарата социалистического государства с народными массами. «Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова, — говорит товарищ Сталин, — состоит из советов плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных объединений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением»[3].

§ 15. Республиканские УК в определение должностного лица, даваемое ст. 109 УК РСФСР, порой вносят дополнения, которые вряд ли содействуют уяснению и без того сложной формулы ст. 109.

Так, ст. 97 УК Украинской ССР сочетает с общей формулой ст. 109 попытку дать перечень некоторых организаций и лиц, на которых распространяется постановление о должностных лицах. Ст. 97 специально упоминает «о товариществе с исключительным или преобладающим участием государственного капитала, о кооперативных организациях, хозяйственной организации общественного характера». Каково, однако, значение этого перечня? Следует ли отсюда, что работники не названных в этом перечне орга-

---

[1] Согласно примечанию 2 к ст. 109 «должностные лица профессиональных союзов за совершенные ими служебные преступления (растрата, взятка и т. д.), если они привлечены к ответственности по постановлениям профессиональных союзов, отвечают как за преступления по должности». В судебной практике это ограничение не нашло отражения, так как по существу, конечно, не может быть различной оценки преступлений со стороны суда и профессиональных организаций.

[2] Распубликован в № 293 «Известий Всероссийского центрального исполнительного комитета советов» от 12 мая (29 апреля) 1918 г.

[3] Сталин, Вопросы ленинизма, 9 изд., стр. 149

низаций,— например, руководители спортивного общества — не являются должностными лицами? Вряд ли сами авторы приведенного перечня сделают такой вывод. Но в таком случае этот перечень теряет практическое значение и способен лишь внести затруднения и ошибки в судебную практику.

К сожалению, и некоторые другие республиканские УК пошли частью по пути УК Украины. Так, ст. 133 (примечание) Таджикской ССР дополнительно к общему определению ст. 109 указывает: «Лица, занимающие должности в органах управления, в кассах общественной взаимопомощи колхозов, в отношении ответственности приравниваются к должностным лицам». Совершенно тождественное дополнение содержится в Узбекском УК (ст. 140, прим.). УК Грузии, повторяя вслед за УК Украины упоминание об обществах с участием государственного капитала в кооперативных организациях, кроме того в особом примечании втором (ст. 114) говорит, что и работники обществ взаимного кредита отвечают как должностные лица. Об обществах взаимного кредита особо упоминает и УК Армении (ст. 143, прим. 2).

§ 16. Анализ ст. 109 (примечания) дает основание утверждать — и это утверждение относится ко всем республиканским УК,— что должностными лицами по общему правилу являются служащие государственных и общественных учреждений. Этот тезис, основанный на мысли и тексте ст. 109, требует некоторого уточнения.

Прежде всего законодатель не мог иметь в виду признание должностными лицами всех без исключения работников государственных и общественных учреждений и предприятий: такое понимание привело бы к политически нецелесообразному чрезмерному расширению круга должностных лиц. Очевидно, необходимо внутри лиц, состоящих на службе в учреждении или предприятии, провести грань, отделяющую должностных лиц от работников другой категории. Основание для проведения этой грани указано в законе. Действительно, ст. 109 говорит не в общей форме о лицах, р а б о т а ю щ и х в том или ином учреждении, а о лицах, з а н и м а ю щ и х временную или постоянную д о л ж н о с т ь в государственном или общественном учреждении. Из этого указания закона необходимо сделать вывод, что к должностным лицам в смысле ст. 109 (примечания) могут быть отнесены лишь лица, входящие в состав аппарата административного управления и хозяйственного руководства учреждения или предприятия. Поэтому рабочий на предприятии или рядовой колхозник, являясь весьма ценными производственными единицами, в то же время не могут считаться должностными лицами и следовательно не могут нести ответственности за должностные преступления.

§ 17. Приведенное понимание находит опору в таком авторитетном и огромного политического значения документе, каким является утвержденный СНК и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. «Примерный устав сельскохозяйственной артели». Действительно, ст. 17 примерного устава указывает: «За бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за невыход без уважительных причин на работу, за недоброкачественную работу и за другие нарушения трудовой дисциплины и устава правление налагает на виновных взыскания согласно правилам внутреннего распорядка»[1]. Следовательно, рядовые колхозники отвечают за плохую работу перед должностными лицами колхоза — правлением, которое и может налагать на виновных взыскания, предусмотренные ст. 17[2].

В этом смысле, правда, без прямых ссылок на текст закона, даны указания НКЮ. Так, в приказе НКЮ от 5 января 1937 г. в качестве одного из основных дефектов судебной практики по делам о должностных преступлениях отмечается неправильность привлечения к уголовной ответственности «рядовых рабочих, рядовых колхозников». В более позднем приказе от 29 апреля 1937 г. НКЮ снова указывает: «Рядовые рабочие и колхозники отвечают за упущения по работе по правилам внутреннего распорядка или устава сельхозартели».

§ 18. Далее необходимо учесть следующее: быть должностным лицом в смысле ст. 109 (примечания) отнюдь не означает возможности быть субъектом любого должностного преступления. В одних случаях это положение не вызывает сомнений. Так, например, совершенно очевидно, что директор треста, бесспорное должностное лицо, не может, однако, отвечать по ст. 114 главы о должностных преступлениях, предусматривающей вынесение неправосудного приговора. Но это положение в полной мере сохраняет силу и в ряде других случаев. Особенно важно подчеркнуть, что не всякое должностное лицо может нести уголовную ответственность по ст. ст. 109 и 110 и частью 111, предусматривающим злоупотребление властью, превышение и бездействие власти: это положение, вносящее политически ценное ограничение в порядок ответственности должностных лиц, находит опору в законе. Действительно, ст. ст. 109—111 говорят в основном о противозаконном использовании (или неиспользовании при бездействии) своей власти.

Отсюда следует, что должностное лицо, не располагающее в той или иной мере властью, не может нести ответственности по ст. 109 и 110 и частью 111 (бездействие власти), хотя, будучи должностным лицом, оно может отвечать по ст. ст. 111 (халатность), 116, 117 и 119.

§ 19. Ряд спорных проблем, связанных с определением круга должностных лиц, является пря-

---

[1] Ст. 17 дает примерный перечень этих взысканий: переделать недоброкачественную работу без начисления трудодней, предупреждение, выговор, порицание на общем собрании, занесение на черную доску, штраф в размере до 5 трудодней, перемещение на низшую работу, временное отстранение от работы. В тех случаях, когда все принятые артелью меры воспитания и наказания оказываются недействительными в отношении неисправных членов артели — правление ставит перед общим собранием вопрос об их исключении из артели.

[2] По разъяснению пленума Верховного суда СССР от 27 марта 1935 г., к должностным лицам в колхозах и совхозах относятся лишь лица, выполняющие «административно-хозяйственные или оперативно-распорядительные» функции. Такого рода ограничительные критерии вряд ли, однако, разрешают вопрос. Достаточно отметить, что приведенной формулой не охватывается такая бесспорная категория должностных лиц, как счетоводы: счетоводы административно-хозяйственных или оперативно-распорядительных функций не выполняют.

мым результатом недостаточного учета отмеченного факта, недостаточного учета того, что глава о должностных преступлениях предусматривает разнородные составы, и поэтому вполне мыслимо положение, когда должностное лицо может отвечать не по всем, а лишь по некоторым постановлениям главы о должностных преступлениях. Так, например, часто возникающий вопрос о том, является ли должностным лицом конюх, сторож, курьер и т. д., может быть правильно решен лишь в том смысле, что все они являются должностными лицами, но что отвечать, в частности, за злоупотребление, превышение и бездействие власти они не могут, так как не могут рассматриваться в качестве лиц, наделенных определенной сферой власти.

Это положение находит частично признание в приведенном выше приказе НКЮ от 24 января 1927 г. «о должностной ответственности конюхов, мастеров, сторожей и т. п.» по ст. 111 УК. Приказ ограничивается допущением их ответственности по ст. 111 УК[1]. Однако трудно найти в законе и в жизни надлежащие основания для исключения должностной уголовной ответственности сторожа и по другим (помимо ст. 111) статьям о должностных преступлениях. Так, например, сторож, получивший вознаграждение за то, что разрешил пользование легковой машиной, находящейся в охраняемом им гараже, может отвечать по ст. 117. Равным образом, может и должен отвечать по ст. 116 конюх, присвоивший деньги, данные ему для закупки фуража. Таким образом, действительно широкий круг должностных лиц, предусмотренный ст. 109 (примечанием), находит свои грани не в попытках новых искусственных определений понятия должностного лица, а в самом законе — в постановлениях о составах отдельных должностных преступлений, по которым вовсе не каждое должностное лицо может нести уголовную ответственность.

§ 20. Наконец, необходимо отметить следующее: нельзя требовать во всех случаях признания работника должностным лицом предварительного формального назначения этого лица на определенную должность: если работник государственной или общественной организации фактически выполняет обязанности, присвоенные должностному лицу, то уже в силу этого фактического положения он может рассматриваться как должностное лицо. Так, например, рядовой колхозник, систематически выполняющий поручения по реализации на рынке колхозной продукции, может отвечать за должностное преступление (например, за растрату по ст. 116), не занимая формально должности члена правления, завхоза и т. п.

Этот принцип нашел признание и в самых первых и самых последних директивах по применению ст. 109 (примечания). Так, в разъяснении пленума Верхсуда РСФСР от 7 февраля 1927 г. было указано: «Суд вправе в случаях, когда обстоятельствами дела будет установлено, что лицо, вступившее в эти договорные отношения с государственными и общественными учреждениями и предприятиями, в осуществлении возложенных на него прав и обязанностей фактически было снабжено административными функциями или функциями должностного лица или оно, на основании выданного ему мандата и т. п., действовало как должностное лицо, приравнивать данное лицо к должностным в смысле его ответственности за совершенные им преступления».

Равным образом приказ НКЮ от 29 апреля 1937 г. указывает «в отдельных случаях, когда рабочий или колхозник, исполняя постоянную работу (конюх, пастух, мастер, сторож, тракторист и пр.) или отдельное поручение, связанное с возложением на него ответственности за сохранность или правильное использование вверенного ему имущества, допускает такую халатность или небрежность, результатом которой является особо серьезный ущерб для предприятия или колхоза, или когда в допущенном им устанавливается явная халатность, такая халатность или небрежность может быть квалифицирована по ст. 111 УК».

В самом УК тот же принцип отражен в ст. 116, приравнивающей в отношении ответственности за растрату к должностным лицам также и лиц, «выполняющих какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения».

Таким образом и в законе, и в понимании руководящих судебных органов с полной отчетливостью выступает значение материального предметного признака: реальная работа данного лица, реальное выполнение должностных функций определяют уголовную ответственность в качестве должностного лица.

§ 21. Среди круга должностных лиц особую, более узкую группу образуют представители власти. В ряде случаев УК говорит не в общей форме о должностных лицах, а о представителях власти. Таковы ст. ст. 73, 75, 76, отчасти ст. 113. Конечно, всякий представитель власти есть вместе с тем должностное лицо, но не наоборот: не всякое должностное лицо является представителем власти. Только небольшой сектор общего круга должностных лиц может рассматриваться в качестве представителя власти, в смысле ст. 73 и др. Закон дает возможность определить этот сектор.

Действительно, если исходить из конкретного содержания статей, в которых закон упоминает о представителях власти, не трудно будет установить, что во всех этих случаях речь идет о власти в узком смысле. Так, сопротивление власти, оскорбление власти, неповиновение власти, естественно, предполагает наличие органов власти, правомочных издавать обязательные для граждан распоряжения или приказы. Отсюда необходимо притти к выводу, что представителями власти в смысле УК являются лишь депутаты законодательных учреждений, члены правительства, должностные лица РККА, советов (например, член сельсовета), НКВД, следственно-прокурорских или судебных органов. Должностные лица общественных организаций подобного рода властью не наделены, как не наделены ею и работники государственных учреждений иного назначения, например, хозяйственные и просветительные организации. Это положение, разумеется, также не следует понимать в абсолютном и формальном смысле. Так, например, если в отдаленный район страны прибыла экспедиция, то ее начальник может фактически оказаться един-

[1] Возможность ответственности сторожа по ст. 111 УК в судебной практике не вызывает сомнений. Так, например, приговором нарсуда Островского района от 7 апреля 1936 г. признан виновным по ст. 111 сторож веревочной мастерской, неосторожными действиями которого был вызван пожар.

ственным представителем власти на месте. В подобных случаях, естественно, вопрос должен решаться в зависимости от реального положения, а не применительно к формальным признакам.

### III. Соучастие в должностных преступлениях

§ 22. Постановление общей части — об умысле, соучастии, приготовлении и т. д. обычно распространяется не на все преступления, предусмотренные особенной частью, если о том нет иных указаний в законе. В УК нет никаких указаний на то, чтобы постановление о соучастии (ст. ст. 17, 18 УК терпели изменения в тех случаях, когда речь идет о должностных преступлениях. Следовательно, они в полной мере применимы и к должностным преступлениям. Теоретически, однако, вопрос несколько сложнее.

Дело в том, что некоторые теоретики [1] склонны оспаривать самую возможность соучастия частных лиц в должностных преступлениях. Эти авторы исходят из проводимого ими общего взгляда на существо должностного преступления; из тезиса, что должностной деликт есть нарушение служебного долга, делается вывод, что в так называемых «чистых» должностных преступлениях (злоупотребление властью, превышение власти и т. д.) частные лица, служебных обязанностей не несущие, соучаствовать не могут. Уже в этом положении кроется логический дефект. Прежде всего, служебное положение является одинаково необходимым условием для совершения любого должностного деликта — как «чистого», так и смешанного, как, например, превышения власти, так и должностного подлога. Если из этого факта делать вывод о невозможности соучастия, то оно одинаково невозможно во всех без исключения должностных преступлениях,— вывод, на который не решаются и крайние сторонники «нарушения служебного долга».

Необходимо лишь иметь в виду следующее: исполнителями должностных преступлений могут быть лишь должностные лица. Эта особенность, однако, также вызывается не своеобразным соотношением прав и обязанностей должностного лица, а тем, что в реальной действительности, в повседневной жизни лишь должностные лица и являются исполнителями служебных функций: они отдают распоряжения, они подписывают документы и т. д., они только поэтому фактически и могут совершать преступления. Так лишь лицо, выносящее приговоры, может выносить и заведомо неправосудные приговоры. Таким образом, единственные исполнители должностных действий, должностные лица, естественно, и единственные исполнители должностных преступлений [2].

§ 23. Бесспорный факт, что исполнителем служебного преступления может быть лицо, несущее службу, отнюдь не ведет, однако, к заключению, что и подстрекателями и пособниками могут быть также лишь служащие. Должностные преступления вовсе не единственные, где лишь специальный субъект способен на исполнение преступления.

Сюда относятся в первую очередь и воинские преступления. Правда, примечание 2 к ст. 193-1, дающей общее определение воинского преступления, специально оговорено: «Соучастие в воинских преступлениях лиц, не упомянутых в настоящей статье, влечет за собой ответственность по соответственным статьям настоящей главы». Однако вряд ли есть необходимость в подобном специальном указании [1].

Действительно, если особо оговаривать применение к той или иной группе преступлений ст. ст. 17—18 о соучастии, естественно, может встать вопрос о необходимости особо оговорить и применение постановлений о приготовлении, покушении, невменяемости и т. д. Правильным поэтому необходимо признать обратное положение: поскольку нет иных указаний в законе, все постановления общей части, в том числе и ст. ст. 17—18, полностью применимы как к воинским, так и должностным преступлениям, так и вообще ко всей особенной части.

Таким образом, и юридически и фактически вполне возможно соучастие частных лиц в должностном преступлении, например, подстрекательство к постановлению неправосудного приговора или пособничество к злоупотреблению властью.

Судебная практика с полным основанием всецело допускает уголовную ответственность частных лиц за соучастие в должностных преступлениях.

### IV. Система должностных преступлений

§ 24. Должностным преступлениям в УК РСФСР, как и других советских республик, посвящена особая глава. Она в сжатых — за исключением ст. ст. 109 и 119 — формулах охватывает типические составы должностных преступлений (злоупотребление властью, превышение и бездействие власти) и некоторые специальные деликты (постановление неправосудного приговора, взяточничество, дискредитирование власти и др.). Но главой «должностные преступления» не исчерпываются все должностные преступления, предусмотренные УК.

Следуя основной идее — классифицировать преступления по группам и главам соответственно одному какому-либо элементу, признаваемому основным в данном деликте, законодатель некоторые преступления должностных лиц, посягающих на хозяйственные интересы, отнес к «хозяйственным преступлениям» (ст. ст. 128, 129, частью 133), нарушение валютных правил и содействие переходу границ должностными лицами — к особо опасным преступлениям против порядка управления (ст. ст. 25 и 27 «Положения»), один из видов хищения имущества (ст. 162-д) — к имущественным преступлениям, непредставление сведений при ревизиях гербового сбора (ст. 186) к главе VIII о нарушениях. С другой стороны, в главу о должностных преступлениях

---

[1] См. Жижиленко, «Должностные преступления», стр. 14, а также Ширяев, «Взяточничество и лиходательство», стр. 251.

[2] И в общеуголовных преступлениях вполне мыслимо положение, когда исполнителями может быть лишь определенный круг лиц. Так, например, по общему правилу изнасилование может быть исполнено лишь лицом другого пола; однако ответчать за соучастие в изнасиловании может, конечно, всякое лицо, и никаких теоретических дискуссий по этому поводу не возникает.

[1] В. Меньшагин рекомендует в новый УК СССР внести аналогичную оговорку к должностным преступлениям («Социалистическая законность», 1937 г., № 5). Правильнее было бы, напротив, исключить эту оговорку из ст. 193-1.

оказался включенным деликт, который может быть учинен частным лицом, такова дача взятки (ст. 118).

Необходимо кроме того учесть, что некоторые специальные законы содержат особые постановления об ответственности должностных лиц; например, Положение 1933 г. о государственных комиссиях по определению урожайности, постановление СНК СССР о товарообмене. Совершенно особо следует отметить «Положение о выборах в Верховный Совет СССР», предусматривающее злоупотребление должностных лиц при производстве выборов.

§ 25. Деликты, включенные в специальную главу о «должностных преступлениях», кажется целесообразным разделить на 3 группы.

В п е р в у ю группу должны быть отнесены о б щ и е должностные преступления, то есть такого рода преступления должностных лиц, которые не касаются той или иной с п е ц и а л ь н о й сферы должностной деятельности (например, судебной деятельности), а напротив, могут иметь место при отправлении должностных функций в любой области — хозяйственной, административной, судебной и т. д.

В первую группу общих должностных преступлений должны быть отнесены: злоупотребление властью, превышение и бездействие власти, халатное отношение к служебным обязанностям, дискредитирование власти, взяточничество, собирание и разглашение сведений.

Во в т о р у ю группу должны быть отнесены специальные должностные преступления, то есть преступления, которые могут быть совершены лишь в определенной, указанной в законе, области. Таковы: ст. 114 — постановление неправосудного приговора, ответственными по которой могут быть лишь судьи, и ст. 115 — незаконное задержание, привод на допрос, ответственными по которой могут быть лишь должностные лица органов дознания и следствия.

Сюда же необходимо отнести и то преступление должностных лиц, которое предусмотрено ст. 112 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» и которое также касается одной специальной сферы деятельности — организации производства выборов в Верховный Совет.

Наконец, т р е т ь ю группу образуют деликты смешанного типа, по которым должностные лица несут квалифицированную ответственность за общеуголовное преступление. Таковы должностная растрата и должностной подлог (ст. ст. 116 и 120).

§ 26. Таким образом, может быть намечена следующая схема должностных преступлений по Уголовному кодексу:

I. О б щ и е д о л ж н о с т н ы е п р е с т у п л е н и я:

1) злоупотребление властью;
2) превышение, бездействие власти и халатное отношение к службе;
3) дискредитирование власти;
4) взяточничество (и провокация взятки);
5) собирание и разглашение сведений.

II. С п е ц и а л ь н ы е д о л ж н о с т н ы е п р е с т у п л е н и я:

1) постановление неправосудного приговора;
2) незаконные задержания, привод и допрос;
3) подделка избирательных документов и заведомо неправильный подсчет голосов.

III. К в а л и ф и ц и р о в а н н ы е д о л ж н о с т н ы е п р е с т у п л е н и я:

1) должностная растрата;
2) должностной подлог.

§ 27. Составы преступлений, предусмотренных уголовными кодексами отдельных республик, довольно пестры. Так, украинский УК специально предусматривает бюрократизм, то есть формальное отношение к исполнению служебных обязанностей (ст. 91-1), сутяжничество представителей государственных или общественных организаций, нарушение лицами строевого состава милиции правил караульной или конвойной службы (статьи 109-1, 109-2), а также особо растрату почтовых отправлений, совершенную работниками органов связи. О бюрократизме, не употребляя этого термина, говорят Узбекский УК (ст. 145-1 — «пренебрежительное отношение к нуждам и запросам трудящихся»), УК Грузии (ст. 117 — «формальное отношение к служебной деятельности»). УК Азербайджана, как и УК Украины, предусматривает бюрократизм, определяя его как небрежное, недобросовестное или формальное отношение к службе.

Злоупотребления работника связи предусмотрены также УК Таджикской ССР (ст. 135).

Необходимо отметить еще и другие специальные составы, предусмотренные УК отдельных республик. Так, ст. 154 УК Узбекской ССР предусматривает непредставление должностными лицами в срок требуемых сведений. УК Таджикской ССР специально оговаривает сознательное преувеличение планов расходования хлеба и зернофуража. Этот же деликт предусмотрен ст. 151-1 УК Азербайджанской ССР. УК Туркменской ССР в статье 116-1 предусматривает сообщение неверных сведений о законтрактованных и засеянных хлопковых площадях. Нельзя, наконец, не подчеркнуть постановлений УК Узбекской ССР, в которых нашла отражение проводимая советской властью национальная политика: ст. 155 УК Узбекской ССР предусматривает отказ должностного лица в принятии или рассмотрении заявлений на каком-либо из государственных языков или иное стеснение прав граждан в пользовании этими языками. С другой стороны, ст. 155-1 предусматривает нарушение должностными лицами постановлений по узбекизации государственного аппарата.

Несколько особое положение занимает УК Белоруссии: в УК Белоруссии нет специальной главы о хозяйственных преступлениях. Поэтому глава пятая Белорусского УК, предусматривающая должностные преступления («служебные злочинства»), предусматривает и такие деликты, как, например, поломка тракторов, убой лошадей (ст. 205-1, 205-2) и некоторые другие.

§ 28. Как нетрудно заметить при более близком рассмотрении названных выше составов, все они также укладываются в приведенную выше схему. Действительно, бюрократизм, непредставление сведений естественно относятся к общим должностным преступлениям, напротив, такие деликты, как преувеличивание планов расходования зерна или растрата почтовых отправлений как деликты, касающиеся одной определенной сферы деятельности, должны быть отнесены к специальным должностным преступлениям.

Таким образом, приведенная выше схема должностных преступлений может быть использована при систематике должностных преступлений всех республиканских уголовных кодексов.

# Прокуратура ж.-д. транспорта в борьбе с крушениями и авариями

Главная транспортная прокуратура проанализировала данные о крушениях и авариях за сентябрь — декабрь 1937 г. Эти данные свидетельствуют о том, что за этот период времени крушения и аварии по сети железных дорог росли из месяца в месяц.

Главная транспортная прокуратура поручила прокурорам дорог проверить наиболее аварийные очаги, проверить и свою собственную работу. Эта проверка выявила ряд станций, где аварийность приняла довольно серьезные размеры.

Если взять, к примеру, станцию Ленинград-Сортировочная-Московская, то окажется, что за указанный выше период времени на этой станции имело место 240 случаев столкновений, сходов на горке, взрезов стрелок, наездов, отправления поездов без хвостовых вагонов, приема по неготовому маршруту, приема на занятый путь, боя вагонов на горках, повреждения вагонов и прямых аварий и крушений.

Если взять станцию Москва-Сортировочная Ленинской ж. д., то там имели место до 853 случаев брака в работе, в отдельных случаях завершавшиеся авариями, столкновениями, боем вагонов на горках.

На станции Люблино за период времени с 1 сентября по 1 января 1938 г. имел место 171 случай брака (?).

На станции Ворожба Московско-Киевской ж. д. за время с 1 сентября по 31 декабря 1937 г. зарегистрировано 27 случаев брака. На станции Витебск Западной ж. д.— 79 случаев, а на станции Ясиноватая Южно-Донецкой ж. д.— 199 случаев брака за период времени с 1 сентября по 15 декабря 1937 г.

Примерно такое же положение с авариями, крушениями и браком в работе установлено и по другим аварийным очагам на дорогах: Московской Окружной (ст. Лихоборы), Ярославской (ст. Всполье и Рыбная), Кировской (ст. Кемь и Кандалакша), Северной (ст. Волга), Казанской (ст. Юдина), Калининской (ст. Подмосковная и Новосокольники), Белорусской (ст. Гомель), Горьковской (ст. Горький и Киров), Куйбышевской (ст. Сызрань, Батраки и Кинель), Южно-Уральской (ст. Бердяуш и Златоуст), Московско-Донбасской (ст. Узловая), Южно-Восточной (ст. Лихая), Ворошиловской (ст. Ростов-на-Дону и Тихорецкая), Орджоникидзевской (ст. Грозный и Минеральные воды), Северо-Донецкой (ст. Красный лиман и др.).

Что представляет собой аварийный очаг? Каждый из них дает довольно яркую картину, а вместе с тем и ответ, почему именно аварии и крушения, большой брак в работе имеют место в этих пунктах.

Если, к примеру, взять ст. Ленинград-Сортировочная-Московская, то окажется, что стрелочное хозяйство станции находится в запущенном состоянии, что на этой станции подлежит замене, но не заменяется, большое количество стрелочных переводов, крестовин, стрелок. Месячный осмотр стрелочного хозяйства начальником станции не производится, нет и квартальных комиссионных осмотров, книга записей неисправностей СЦБ начальником станции не проверяется. Многие стрелочные посты не имеют выписки из технико-распорядительного акта. Сигналисты и стрелочники не имеют представления о технико-распорядительном акте в той части, которая касается их работы.

На станции имеют место значительные нарушения трудового режима. Стрелочники и сигналисты работают в 2-3 смены. Борьба с бракоделами и аварийщиками ведется извращенными методами. Вместо применения к ним устава о дисциплине, на станции широко практикуется удержание из прогрессивной надбавки. Вместо лишения аварийщиков этой надбавки, им она выплачивается, хотя и в уменьшенных размерах. Установлено, что 39 человек, допустивших аварии и брак в работе, не только не получили того или иного взыскания, но продолжали получать прогрессивную надбавку, которая может выдаваться только за безаварийную работу.

Если взять ст. Ховрино Октябрьской ж. д., то там систематически нарушаются самые элементарные требования правил технической эксплоатации, должностные инструкции и отсутствуют надлежащий контроль и инструктирование агентов, связанных с движением поездов. Бой вагонов на горках происходит вследствие неправильной расстановки сил, необеспечения сцеплений своевременным торможением, неправильной расстановки и распределения башмаков. Неопытному и несдавшему испытания по правилам технической эксплоатации башмачнику Вавилову доверили руководство бригадой, в которой работают пять молодых неопытных башмачников. На станции с ведома начальника станции грубо нарушается специализация путей, предусмотренная технико-распорядительным актом. Состояние станционных путей и стрелок явно неудовлетворительно. Во многих стыках имеются выколы рельсов, забитые концы рельсов, немало перекосов, доходящих до 12 мм в прямых частях пути. Стрелочное хозяйство не проверяется ни ежедневно, ни ежемесячно, ни поквартально. Там с июля вообще не было осмотра стрелок, в то время когда последний осмотр дал 198 дефектов у 25 стрелок. На 2-м пути вовсе утеряна книга СЦБ и не возобновлена.

На станции Люблино Дзержинской ж. д. механизированная горка, сданная в эксплоатацию в ноябре 1936 года, имеет ряд существенных дефектов, порождающих бой вагонов, но эти дефекты не устраняются. Ручные стрелочные переводы находятся в неудовлетворительном состоянии. Свыше 15 стрелок имеют такие дефекты, как зазоры в пятках перьев, достигающие 30 мм, укороченные упорные болты и т. д. Не все централизованные стрелки имеют закладки,

не связанные между собой, и поэтому некоторые из них не могут быть при надобности поставлены в нужном направлении. Стрелочные фонари большинства стрелок загрязнены и закопчены; у многих стрелок фонари не укреплены и свободно вращаются; не укреплены также на многих стрелках штопорные кольца и фонарные тяги. Стрелочники не снабжены нужным количеством петард, ручные фонари у многих стрелочников неисправны, с разбитыми стеклами, а ряд работников, связанных с движением поездов, вовсе не обеспечен сигналами. Книги осмотра стрелок ведутся небрежно. Только за 21 октября в книге имеется запись о неисправности ряда стрелок, но и эта запись никого не натолкнула на своевременное устранение этих дефектов. Понадобилось две недели времени, чтобы обратить внимание на отмеченные в книге дефекты. Технико-распорядительный акт станции имеет ряд серьезных недочетов: распорядительные пункты имеют по несколько различных наименований, нет ясной формулировки границ станции, вовсе не предусмотрен порядок приготовления маршрута, нет указаний о нормальном положении ряда стрелок. Начальник станции не реагирует и не принимает никаких мер к устранению организационно-технических мероприятий, к пересмотру технико-распорядительного акта, и, естественно, что станция дает большой брак в работе и значительное количество случаев аварий и крушений.

Станция Сортировочная Ленинской ж. д. также содержит стрелочное хозяйство в достаточно запущенном состоянии: стрелки загрязнены и имеют многочисленные неисправности. Некоторые стрелки не имеют замков, не имеют стрелочных указателей.

Дежурные по станции и по горке в большинстве случаев, вступая на дежурство, стрелок не осматривают, а также не осматривают аппаратуру СЦБ, ограничиваясь стандартной записью об исправном их состоянии. Там даже практикуется срыв пломб с аппаратуры СЦБ для срабатывания педали вручную.

Такое положение, которое, к сожалению, наблюдается и на других аварийных очагах, приводит к крушениям и авариям, которые в подавляющем большинстве случаев и являются результатом приема поездов на занятый путь, отправления на занятый перегон поездов, проезда сигналов, порчи паровозов в пути, неправильного формирования поездов, плохого состояния пути, неограждения мест производства ремонта пути, грубого нарушения правил технической эксплоатации.

Как на одну из важнейших причин крушений и аварий, нужно указать на частые, и притом грубейшие, нарушения правил технической эксплоатации. Достаточно указать хотя бы на такой факт, что на Калининской ж. д. на 97 станциях из 179 систематически грубейшим образом игнорируются правила технической эксплоатации. Особо выделяются по значительному количеству случаев нарушений правил технической эксплоатации станции: Подмосковная, Старая Русса, Великие Луки, Ржев.

Перед прокурорами железнодорожного транспорта с огромной силой встает вопрос о профилактической работе, направленной к предупреждению аварий и крушений. Однако эта предупредительная работа развернута в совершенно недостаточной мере. Даже в тех случаях, когда прокуроры используют ценнейший материал, который содержится в каждом почти деле, связанном с расследованием крушения и аварии, даже в тех случаях, когда прокуроры делают все практические выводы из материалов расследования конкретных дел о крушениях и авариях, даже в этих случаях прокуроры дорог и участков сплошь и рядом совершенно не контролируют реализацию командованием тех мероприятий, которые разработаны прокуратурой и которые вытекают из расследования дел об авариях и крушениях.

Приведем несколько примеров, подтверждающих нашу мысль.

Известно, что контрреволюционная троцкистская шпионская вредительская группа, орудовавшая на Южно-Уральской дороге и возглавлявшаяся японским агентом Князевым, немало поработала над тем, чтобы решающую и важнейшую станцию Бердяуш превратить в аварийное гнездо. После разоблачения шпиона Князева и его подрывной работы на дороге и на станции Бердяуш, естественно, напрашивался ряд мероприятий в порядке ликвидации последствий вредительства. Но это сделано не было.

За 1937 г. на этой станции имело место 12 крушений и 6 аварий. При расследовании этих крушений и аварий прокуратура дороги получила немало материалов для того, чтобы в порядке предупреждения выявить те организационно-технические неполадки, которые порождали эти крушения на станции Бердяуш. Не только выявить, но и поставить перед командованием. Не только поставить, но и добиться их реализации. Однако это сделано не было.

Уже в начале 1938 г. на запрос Главной транспортной прокуратуры о состоянии станции Бердяуш, прокурор дороги Новицкий в эпическом стиле доносит буквально следующее: «Как показала проверка, произведенная прокуратурой, действенных организационно-технических мероприятий по предотвращению крушений по станции Бердяуш не предпринято и на сегодня».

Позволительно спросить — по тем двенадцати крушениям и шести авариям, которые имели место уже в 1937 г., прокуратура дороги должна была по своей инициативе поставить перед руководством дороги те организационно-технические мероприятия, которые сами собой напрашивались из материалов расследования,— почему они не были подняты прокуратурой дороги?

Разве не прямой обязанностью прокуратуры дороги и участка является сигнализация командованию о тех недочетах, которые продолжают порождать крушения и аварии на той или иной станции. Пример со станцией Бердяуш достаточно красноречив и свидетельствует о безрукости прокуратуры дороги.

Здесь нужно подчеркнуть, что в тех случаях, когда прокуратура делает все необходимые выводы из расследования совершившихся крушений, она во многих случаях не доводит до конца начатую работу.

Можно указать здесь на прокуратуру Юго-Восточной ж. д. В конце 1936 г. станция Лихая Юго-Восточной ж. д. была выявлена как аварийный очаг. Прокуратурой дороги было возбуждено уголовное дело в отношении начальника станции, ревизора движения и других. В процессе расследования, по требованию прокуратуры, была организована комиссия, которая

разработала ряд организационно-технических мероприятий, которые должны были ликвидировать аварийность станции Лихой. Однако мероприятия эти в жизнь проведены не были, и на протяжении всего 1937 г. ст. Лихая продолжала оставаться аварийным очагом. Понадобился еще ряд крушений, в частности крушение 4 ноября 1937 г. поезда № 77, чтобы наконец были реализованы все мероприятия, долженствующие гарантировать безаварийность работы станции.

Такое же положение мы имели и на Южно-Донецкой ж. д. 8 декабря 1937 г. на ст. Иловайская на 27-м пути под движущимся составом лопнул рельс. Произошло крушение. При осмотре места крушения было установлено, что путь находится в состоянии, не гарантирующем безопасности движения. Прокуратурой был поднят вопрос о ремонте и закрытии движения по этому пути. Путь был закрыт, но ремонта произведено не было. Через некоторое время возобновлен был и прием поездов по этому пути без производства того ремонта, который требовала прокуратура. Пущенный по возобновлении первый поезд потерпел крушение.

Несмотря на то, что прокуратура видела, что поставленный ею вопрос не нашел своего разрешения, что она располагала всем необходимым для доведения до конца поднятых ею вопросов, начатое дело не было доведено до конца вследствие отсутствия надлежащего контроля и проверки реализации наших собственных предложений.

То же можно сказать и о прокуроре Киевского участка — Кравчуке, который представил дельный перечень мероприятий, намеченных по станции Фастов, в связи с материалами по конкретным делам о крушениях, но не обеспечил проведения этих мероприятий в жизнь.

Такое положение является прямым результатом того, что многие прокуроры железнодорожного транспорта не усвоили того положения, что дело не столько в том и не только в том, чтобы осудить людей после того, как крушение произошло, сколько в предупреждении крушений или аварий. Для того, чтобы развернуть по-настоящему эту важнейшую решающую работу, требуется:

1) систематическое изучение аварийных гнезд, систематическая сигнализация командованию об организационно-технических недостатках, вскрытых при расследовании дел о крушениях и авариях;

2) обеспечение всеми имеющимися в распоряжении прокуратуры средствами реализации этой сигнализации командным составом.

Сегодня в нашей работе не обеспечено еще выполнение этих двух условий и это отражается на качестве нашей работы по борьбе с крушениями и авариями на железнодорожном транспорте.

Останавливаясь на качестве работы прокуратур железнодорожного транспорта в деле борьбы с крушениями и авариями, в деле борьбы с виновниками крушений и аварий, с аварийщиками, нельзя отрицать, что прокурорско-следственный аппарат ведет большую и, в высокой степени, ответственную работу. Но именно потому, что партией и правительством нам, прокуратуре железнодорожного транспорта, доверен ответственнейший участок работы, мы обязаны по-большевистски вскрывать и недостатки в работе. Вскрывать, а не замазывать ошибки — вернейшая гарантия предотвращения этих ошибок в дальнейшем.

Если остановиться на таком важнейшем моменте, как привлечение к уголовной ответственности по делам об авариях и крушениях, то мы на основе анализа работы за истекший 1937 г. должны будем признать, что у нас здесь далеко не все благополучно. Это неблагополучие находит свое выражение в недостаточно обоснованном подходе в ряде случаев к делу привлечения к ответственности работников ж.-д. транспорта.

Если совершенно нетерпимо, что в результате неосновательного привлечения к ответственности и предания суду в 1937 г. линсудами было оправдано 800 человек, то еще в большей степени мы не можем и не должны мириться с отсевом привлеченных по делам о крушениях. В данном случае кивать не на кого, так как дела о крушениях ведем мы и делить ответственность за эти безобразия нам не с кем. Это происходит исключительно оттого, что прокуроры недостаточно руководят следствием, недостаточно внимания уделяют следственной работе, недостаточно серьезно относятся к решению вопроса о привлечении к уголовной ответственности людей. Сказывается здесь и недостаточная грамотность: техническая и юридическая.

Приведем несколько примеров.

Следователь прокуратуры Тюменского участка железной дороги имени Л. М. Кагановича Пыльнев вел следственное дело о крушении поезда № 961. Крушение произошло вследствие излома шейки оси у паровоза. При ознакомлении с материалами вы встречаете в протоколе допроса обвиняемого Маркова следующую запись, сделанную следователем Пыльневым:

Вопрос: «Признаете ли Вы себя виновным в том, что плохое состояние пути способствует авариям и именно аварии сегодня с поездом на 2 отделении»?

Ответ: «Если бы колеса не вертелись, то аварии не было бы, состояние пути не способствует авариям».

В постановлении от 4 сентября следователь Пыльнев излагает буквально следующее: «В пояснении своих оправданий, Вальнер ссылается на следующее: что трещина образовалась за период с 16 июня и 29 августа обломилась вовсе. Что в периоды работы машинистов вследствие отсутствия достаточного наличия подбивки ставили при нагреве букс, таковое на воду, отчего также возможны случаи образования трещин». В резолютивной части Пыльнев пишет: «Усматривая в пояснениях Вальнера абстрактное толкование вопросов, стоящих далеко от полной объективности основных и точных причин, порождающих трещину, а вследствие ее последовавшее крушение и принимая во внимание, что без вмешательства в затронутое дело научных экспериментов установить исходное положение дела затруднительно». И, наконец, в заключительном своем постановлении (о прекращении дела) Пыльнев пишет: «Считаю необходимым указать, что Вальнер, давая показания на предмет установления причин изломавшейся оси, давал при этом таковые далеко необъективные и полные абстрактности и необоснованности пояснения, что его пояснения чужды рассуждению

руководителя производства, что его пояснения не вскрыли сущности совершившегося, не проявили возможности облегчить производство следствия, а, наоборот, завуалировали объективность и полноту дела». Совершенно естественно, что если не руководить работой Пыльнева, не уделять ему внимания, не организовать изучение техминимума Пыльневым, не повышать его юридической грамотности, то он и такие как Пыльнев будут поставлять немалый процент брака в работе. Вместе с тем Пыльнев и его работа не вызывали никакой тревоги у прокурора дороги им. Л. М. Кагановича. Не лучше обстоит дело по части грамотности и на Оренбургской дороге. Участковый прокурор Челкарского участка т. Пустоветов в первоначальный акт о причинах крушения поезда № 728 12 сентября 1937 г. заносит: «После излома шейки оси вагона, шейка упала в лужу, кузов вагона просел на бандаж, вследствие чего посыпавшаяся земля из вагона дала сомнение наблюдавшему машинисту Гришину»... В графе «место начала схода и места остановки» заносится тем же Пустоветовым «облом шейки у вагона № 585400». Вот уж, где по праву можно сказать: «в огороде бузина, а в Киеве дядько».

В немалой степени в деле неосновательного привлечения к уголовной ответственности транспортников сказывается и то, что нашими работниками основательно забыто примечание к статье шестой уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик, которое требует от нас не рассматривать, как преступления действия, которые формально хотя и содержат в себе признаки преступления, но, в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий, не должны повлечь за собой уголовной ответственности. Этот важнейший принцип советского уголовного права и уголовной политики, к сожалению, часто упускается из виду. Здесь необходимо решительно отмести всякую попытку, хоть в какой-либо степени истолковать это, как ослабление борьбы с крушениями. Ни о каком ослаблении карательной политики с врагами народа, диверсантами, организаторами крушений, злостными нарушителями трудовой дисциплины на транспорте, злостными нарушителями правил технической эксплоатации, дезорганизаторами производства речи быть не может. Речь идет об искоренении практики формального и огульного подхода к делу привлечения к уголовной ответственности лиц ведущих профессий на транспорте без учета обстановки совершенного нарушения, его тяжести, его последствий, без учета личности допустившего нарушения, его работы в прошлом, его отношения к делу в настоящем.

Приведем только два примера, хотя их можно было привести буквально сотни. Прокуратурой Северо-Донецкой ж. д. в ноябре 1937 г. был привлечен к уголовной ответственности машинист Прохватилов по обвинению его в том, что он, следуя с поездом № 1083, заснул на паровозе, проехал входной светофор с красным сигналом и въехал на занятый путь на ст. Никитовка. Обвинение Прохватилова в том, что он заснул на паровозе, построено на показании одного свидетеля, стрелочника Русова, который заявил, что Прохватилов несвоевременно реагировал на его сигналы остановки. Вместе с тем Прохватилов объяснил, что не доезжая 8 метров до входного светофора, он увидел, как красный сигнал светофора сменился желтым, почему он и проследовал входной светофор. Это обстоятельство следователем не исследовано. К чему вдаваться в такие «подробности», когда на-лицо формальные признаки преступления: проезд сигнала. Вместе с тем внезапное изменение сигнального цвета на светофоре могло быть вызвано неисправностью светофора и устройств централизации. К этому нужно добавить, что столкновение было предотвращено образцовыми действиями самого Прохватилова. Прохватилов за последние два года неоднократно был премирован и награжден значком Почетного железнодорожника и... все же он был предан суду. По протесту Главной прокуратуры железнодорожного транспорта дело было прекращено Транспортной коллегией Верхсуда Союза.

Второй пример не менее показателен. В ноябре 1937 г. прокуратурой Дебальцевского участка Северо-Донецкой ж. д. за допущение простоя вагонов на шахте «Красная звезда» был привлечен к уголовной ответственности заведующий шахтой некто Штреккер. Обвинение сначала было предъявлено по ст. 54—14 УК УССР, затем переквалифицировано на ст. 97 УК. Но не в этом еще дело. Участковый прокурор по этому делу доносит в Главную прокуратуру железнодорожного транспорта: «Предполагается этим делом заострить внимание к вопросу своевременной погрузки, как самого Штреккера, так и другой клиентуры с вынесением меры наказания Штреккеру максимума незначительного срока принудработы, с оставлением его на прежней работе и поручением выправить работу... Вопрос о лишении свободы Штреккеру даже и не мыслится». Так пишет прокурор участка. Отступив на такую порочную позицию после предъявления обвинения Штреккеру в саботаже, прокурор продолжает: «имею непроверенные данные, что якобы Штреккера повышают в должности и он будет работать главным инженером треста «Буденуголь», в таком случае проведение процесса нецелесообразно». Главная прокуратура железнодорожного транспорта предложила дело прекратить, но позволительно спросить, что означают подобные действия прокурора, если не легкомысленное отношение к делу привлечения к уголовной ответственности? Конечно нужно бороться с клиентурой, срывающей работу транспорта, но нужно же уметь находить действительных дезорганизаторов, злостно срывающих работу железных дорог, но не отдавать под суд первого подвернувшегося под руку директора шахты.

Центральный орган нашей партии «Правда» в статье, посвященной положению на транспорте, писала, что «дело здесь только за людьми, что задача сейчас как раз в том, чтобы поднять всю армию железнодорожников, поднять и развить стахановское движение, сплотить лучших людей железнодорожного транспорта вокруг выполнения государственного плана».

Но и здесь прокуроры участков и дорог, располагая немалым количеством отдельных фактов отсутствия заботы о людях, неправильного и невнимательного подхода к людям, которые по существу решают вопрос безаварийности работы, не сигнализируют об этих фактах, не принимают мер к их устранению.

Достаточно показать это на тех же аварийных очагах, которые выше отмечались.

На станции Ленинград-Сортировочная-Московская для многих рабочих, связанных с движе-

нием поездов, не создано необходимых жилищных условий. В бараке №№ 3 и 7 в общежитии полы гнилые, крыши протекают, штукатурка отваливается, потолки провисают, комнаты нерегулярно и недостаточно отапливаются, водопровод в бараках не введен. В комнатах, где живут семейные, большая скученность. В общежитии № 7, в комнате № 8, на площади в 22 квадратных метра живут 12 человек, а в комнате № 19 на площади в 15 квадратных метров живут три семьи в составе шести взрослых и одного ребенка. Вместе с тем со стороны начальника станции, начальника жилищной дистанции достаточных мер к улучшению жилищных условий рабочих не принимается.

На станции Ховрино имеется шесть общежитий и большинство из них находится в антисанитарном состоянии. В общежитии № 10, № 42, в бараке № 8, в женском общежитии № 10 и в общежитии грузчиков помещения грязные, крыши протекают, стены просели, штукатурка отваливается, оконные переплеты перекосились. В общежитии № 10 печи топятся нерегулярно, прачечная занята под контору коменданта. В общежитии грузчиков на 18 человек имеется два стула и в комнате на площади 10 метров живут две семьи стахановцев — Рудченко и Сухарева, в составе шести человек. Во всех общежитиях совершенно недостаточно мебели, постельное белье грязное и ветхое и его недостаточно.

На станции Люблино жилищно-бытовые условия рабочих станции далеко неудовлетворительные. В бараках и вагонах, занятых под жилье, большая перенаселенность. В одном купэ классного вагона размещено по 5—6 человек. В бараке № 5, в комнате размером в 12 метров, живет по 6—7 человек.

На станции Сортировочная Ленинской ж. д. в общежитиях нет кипяченой воды, нет сушилок, нет мебели, отсутствует посуда.

При наличии этих фактов недостаточно внимательного отношения к людям, решающим проблему безаварийности работы, мы не имеем со стороны прокуроров участков и дорог своевременной и решительной постановки вопроса перед командованием о безобразиях, которые допускаются отдельными административными лицами.

Вместе с тем мы не можем проходить мимо такого рода фактов, не сигнализировать о них, не ставить о них вопроса перед командованием и не добиваться обеспечения необходимых условий, гарантированных нашим законодательством работникам транспорта. Это — немалая проблема.

В свете наших законов, директив партии и правительства, в свете Сталинской заботы о человеке, гарантий, записанных в Сталинской Конституции — защита прав трудящихся является сейчас одной из важнейших отраслей работы Прокуратуры, в том числе ее отряда, работающего на железнодорожном транспорте.

Надо сказать, что в достаточной мере забыты обязанности прокуроров — систематического изучения дисциплинарной практики и борьбы с ее извращениями.

Что мы имеем в ряде случаев в этом отношении? Мы наблюдаем, что дисциплинарные взыскания налагаются бессистемно, без соблюдения требований устава о предоставлении объяснений нарушителями дисциплины, без объявления взысканий лицам, на которых наложены эти взыскания.

Это именно наблюдается на станции Люблино, где на 333 человека рабочих ведущих профессий наложено за год 415 взысканий. При этом, налагая взыскания, администрация не учитывает предыдущей работы, степени тяжести совершенного проступка, а идет механическое применение дисциплинарных прав начальниками.

Не наблюдается и того, чтобы в соответствующих случаях взыскания снимались, если тот или другой работник выправил свою работу, стал дисциплинированным, стал давать образцы в работе. И получается, что в послужных списках отдельных лиц числятся буквально десятки примененных дисциплинарных взысканий.

Достаточно привести пример, когда на станции Оренбург в личном деле весовщика Наседкина, правда сейчас уволенного, числилось 100 дисциплинарных взысканий и к трудовому списку приложено было 10 листов, на которых занесены были эти 100 взысканий.

Дисциплинарная практика должна быть в поле зрения прокуроров дорог и участков все время. Необходимо обеспечить систематическое изучение дисциплинарной практики и обязательно реагировать на малейшее ее извращение, только тогда можно обеспечить правильное применение дисциплинарных взысканий.

При механическом же подходе, при наличии массовых случаев применения дисциплинарных взысканий, никакого эффекта в смысле укрепления трудовой дисциплины добиться нельзя.

Прокуратура призвана своевременно сигнализировать командованию об этом.

Если бы Прокуратура поставила надлежащим образом и качество расследования дел о крушениях, и сигнализацию об организационно-технических мероприятиях, и надлежащую защиту гарантированных прав работников, связанных с безопасностью движения поездов, если бы Прокуратура по-настоящему боролась за правильное применение дисциплинарного устава начальствующим составом, если бы делались все выводы из каждого случая крушения и аварии, то несомненно, вместе с командованием и политорганами Прокуратура добилась бы безаварийной работы нашего социалистического транспорта.

Н. ДУРМАНОВ

# Обзор изменений „Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик“ (1924—1937 г.)

Конституция СССР 1924 года отнесла к ведению Союза ССР в лице его верховных органов «Установление основ судоустройства и судопроизводства, а также основ гражданского и уголовного законодательства Союза» (пункт «н» ст. 1) и «право амнистии, распространяемое на всю территорию Союза ССР» (пункт «ц»).

В соответствии с этими положениями Конституции СССР вторая сессия ЦИК СССР 2-го созыва конкретно определила компетенцию Союза ССР в области уголовного законодательства, отнеся к ней издание «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», положений о преступлениях государственных и воинских и отдельных законодательных актов, указывающих союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой судебной политики.

Совокупность указанных законодательных актов и составляет те «Основы уголовного законодательства Союза», о которых говорит Конституция СССР 1924 г.

«Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» были приняты второй сессией ЦИК СССР 2-го созыва и утверждены и введены в действие постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.[1]

По вопросу о юридической природе «Основных начал» в первые годы их действия не раз высказывалось в корне неверное утверждение, что они не являются законом в полном смысле слова, то есть содержат не нормы, общеобязательные для всех лиц и учреждений Советского Союза, а лишь директивные указания союзным республикам о порядке издания уголовных законов, обязательные для законодательных органов этих республик.

Эта точка зрения сводилась в сущности, вопреки Конституции СССР, к отрицанию всего уголовного законодательства СССР, так как при таком взгляде на уголовное законодательство Союза ССР последнее для получения общеобязательной силы требовало реализации его в качестве законодательных актов Союзных республик.

Между тем ст. ст. 19 и 38 Конституции 1924 г. уже разрешали этот вопрос с предельной ясностью, устанавливая, что все декреты, постановления и распоряжения, издаваемые Центральным исполнительным комитетом СССР, «обязательны к непосредственному исполнению на всей территории Союза Советских Социалистических Республик» (ст. 19), что издаваемые Советом Народных Комиссаров СССР в пределах его компетенции декреты и постановления обязательны к исполнению на всей территории Союза Советских Социалистических Республик (ст. 38). Хотя Конституция СССР 1924 г. специально не указывала на то, что в случае расхождения общесоюзного закона и закона республиканского применяется закон общесоюзный, но это положение прямо вытекало из ст. 19. Союз Советских Социалистических Республик, являющийся добровольным объединением свободных и равноправных наций, есть с первого дня своего образования не союз государств, а единое союзное государство. И законы, издаваемые законодательными органами СССР, как выражающие единую волю всего советского народа, должны применяться на всей территории СССР.

В отношении «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», как и других законодательных актов СССР, носящих наименование «Основ» и «Основных начал», этот принцип специально подтвержден в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1927 г., которое, в частности, говорит: «Все прочие законы и распоряжения ЦИК СССР, Президиума ЦИК СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Совета труда и обороны, в том числе носящие название «Основ», «Основных начал» и т. п., а равно те, в которых содержится предложение правительствам союзных республик внести вытекающие из них изменения в законодательство республик, вступают в силу (вводятся в действие) в общем, установленном постановлением от 6 февраля 1925 г. порядке.[1]

Таким образом, «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» с момента их опубликования являются действующим общесоюзным законом и в случае расхождения какого-либо уголовного кодекса союзной республики с «Основными началами» должна применяться не статья уголовного кодекса, расходящаяся с «Основными началами», а соответственная статья «Основных начал». В частности, положение ст. 34 Уголовного кодекса РСФСР о том, что поражение прав не может быть соединяемо с условным осуждением, противоречит ст. ст. 20 и 36 «Основных начал», так как по смыслу этих статей сочетание правопоражения с условным осуждением допустимо. Поэтому в соответствующих случаях суды должны применять общесоюзный закон.

Из общего положения о времени вступления в силу (введения в действие) законов Союза ССР следует, что все изменения «Основных начал» вступили в силу (введены в действие) с момента издания законов СССР, устанавливающих эти изменения, а отнюдь не с момента внесения союзными республиками соответствующих этим общесоюзным законам изменений в уголовные кодексы этих республик.

«Основные начала» не являются только своего рода общей частью общесоюзного уголовного законодательства, как это иногда утверждалось. Их содержание гораздо шире. «Основные начала» прежде всего в соответствии с Конституцией

[1] Собр. законов СССР 1924 № 24, ст. 204, от 6 декабря 1924 г.

[1] Собр. зак. СССР 1927 № 32, ст. 326.

СССР 1924 г. определяли пределы уголовного законодательства как Союза, так и союзных республик, поскольку до закона 21 июля 1936 г. уголовное законодательство относилось как к компетенции Союза ССР, так и союзных республик. Далее, они содержат уголовноправовые нормы, относящиеся к общей части уголовного кодекса; указания союзным республикам об издании некоторых норм, относящихся к общей части (например до закона 7 апреля 1935 г. об определении возраста несовершеннолетних и малолетних), и, наконец, предусматривают право союзных республик в точно определенных «Основными началами» случаях отступать от норм «Основных начал», в частности, понижать давностные сроки по некоторым категориям преступлений, кроме наиболее тяжких (примечание 1 к ст. 10), повышать минимальный срок, установленный «Основными началами» для возможности применения условно-досрочного освобождения (примечание к ст. 38 в редакции постановления ЦИК и СНК СССР от 13 июля 1927 г.).

Изменения «Основных начал» коснулись всех этих видов содержащихся в них норм.

За истекшие 13 лет действия «Основных начал» в них внесены в законодательном порядке весьма существенные изменения, соответствующие тем новым задачам в области борьбы с преступлениями, которые вставали перед советским социалистическим государством.

Изменения «Основных начал» выражали собою дальнейшее развитие и укрепление социалистической законности, дальнейшее развитие принципа социалистического гуманизма, которым проникнуто все уголовное законодательство Союза и союзных республик и который не только не исключает, а, наоборот, требует усиления борьбы и применения беспощадной репрессии к врагам народа, чтобы обеспечить от их посягательств могущество и процветание родины, радостную и счастливую жизнь граждан социалистического общества.

Всего подверглось полному или частичному изменению и дополнению (включая и введение новых статей) 22 статьи «Основных начал» из общего числа их, считая вновь введенные,— 43, причем некоторые статьи изменялись несколько раз (ст. 10, 13, 18, 19-1, 19-2, 20, 38).

В период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929) вносятся существеннейшие изменения во многие статьи «Основных начал».

В 1926 г. изменения в «Основные начала» внесены постановлениями ЦИК и СНК СССР от 5 марта, которыми введено примечание к ст. 18 и изменено примечание к ст. 19 [1] от 13 августа, которым изменена ст. 10 (о давности) и ст. 20 (о поражении прав), и от 10 декабря, изменившим ст. 38 (об условно-досрочном освобождении).

Новое примечание к ст. 18 установило, что осужденные к лишению свободы на срок до 1 года военнослужащие отбывают наказание путем содержания в военно-исправительных частях (впоследствии упраздненных).

Примечание к ст. 19 внесло существенное изменение в систему мер наказания, которые могут быть применены к военнослужащим. Если первоначальная редакция допускала осуждение военнослужащих к принудительным работам, устанавливая лишь особый порядок их отбывания (в военно-исправительных частях), то закон 5 марта 1926 г. совершенно исключил применение этой меры к военнослужащим, указав, что в отношении военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава РККА принудительные работы заменяются лишением свободы на срок, равный одной шестой подлежащего применению срока принудительных работ.

Закон 13 августа 1926 г. внес весьма существенные изменения в нормы «Основных начал», регулирующие применение давности.

Десятилетний срок давности, применявшийся согласно редакции 31 октября 1924 г. лишь в отношении преступлений, по которым в законе определено лишение свободы на срок не ниже 5 лет, распространен и на все преступления, по которым в законе установлена санкция в виде лишения свободы на срок не ниже одного года.

При обсуждении этого изменения на сессии ЦИК СССР указывалось, что лишение свободы на срок «не ниже 5 лет» даже по весьма тяжким преступлениям в действующем уголовном законодательстве встречается редко. Законодатель, вводя это изменение, очевидно, исходил из того, что при определении давностных сроков правильнее основываться не на низшем, а на высшем пределе наказания, установленного законом за данное преступление. Однако в ст. 10 в редакции 13 августа 1926 г. все же сохранилось исключение из этого правила — при санкции в виде лишения свободы на срок не ниже 6 месяцев давностный срок был определен в 5 лет, хотя высший предел санкции (10 лет) таков же, как и в тех случаях, когда санкция гласит «не ниже одного года». Законом 25 февраля 1927 г. было внесено новое изменение в ст. 10, и эта непоследовательность была устранена.

Закон 13 августа 1926 г. существенно изменил порядок применения давности по контрреволюционным преступлениям.

По редакции ст. 10 от 31 октября 1924 г. применение давности по контрреволюционным преступлениям в каждом отдельном случае предоставлялось суду с тем, что в случае неприменения давности суд, по смыслу примечания 3 к ст. 10, вправе применить и высшую меру наказания, если последняя предусмотрена статьей закона, по которой квалифицировано совершенное преступление.

Закон 13 августа 1926 г., сохранив общий принцип, что по контрреволюционным преступлениям применение давности в каждом отдельном случае предоставляется суду, вместе с тем установил, что в случае неприменения давности суд обязан при назначении в этих случаях расстрела заменить его объявлением врагом трудящихся с лишением советского гражданства и изгнанием из СССР или же лишением свободы на срок не ниже 2 лет; исключение установлено законом лишь в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных «правительств» в период гражданской войны (агенты охранки, провокаторы, начальники белогвардейских карательных отрядов и т. п.); в отношении этих лиц как применение давности так и замена расстрела предоставлены усмотрению суда.

[1] Собр. зак. 1926 № 15, ст. 106, № 55, ст. 401, № 77, ст. 621.

Закон 13 августа 1926 г. существенно изменил объем поражения прав, исключив пункт «б» ст. 20. При наличии этого пункта поражение прав, в частности, заключалось и в поражении «права быть членом общественных и профессиональных организаций». Исключение пункта «б» означало, что вопрос о состоянии в дальнейшем осужденного членом общественных и профессиональных организаций подлежал разрешению уже не суда, выносящего приговор по данному делу, а самих профессиональных и общественных организаций, действующих в этом вопросе соответственно своим уставам. Таким образом закон сузил область поражения прав по судебному приговору. Дальнейшие изменения в ст. 20 внесены законом 27 февраля 1927 г. и рядом позднейших законодательных актов.

Изменения, внесенные законом 10 декабря 1926 г. в ст. 38 «Основных начал», означали усиление регламентирования союзным законодательством такого важного вопроса, как условно-досрочное освобождение.

Если первая редакция ст. 38 полностью предоставляла союзным республикам определение минимального срока меры наказания, по отбытии которого возможно применение условно-досрочного освобождения, то закон 13 июля 1927 г. установил в качестве такого минимального срока — отбытие не менее одной трети срока определенной судом меры наказания, предоставив одновременно союзным республикам право п о в ы ш а т ь, но не понижать этот минимальный срок; этим правом, в частности, воспользовались законодательные органы РСФСР, установив, что условно-досрочное освобождение может применяться по отбытии не менее одной трети срока назначенной судом меры уголовного наказания.

Вместе с тем закон 10 декабря 1926 г. установил, что порядок применения условно-досрочного освобождения в отношении лиц, осужденных судебными органами СССР, определяется законодательством СССР, а не законодательством союзных республик, как следовало из текста ст. 10 в редакции 31 октября 1924 г.

Закон 10 декабря 1926 г. таким образом установил известное единообразие в применении условно-досрочного освобождения на всей территории СССР и обеспечил устойчивость судебного приговора.

Третья сессия ЦИК СССР 3-го созыва 25 февраля 1927 г. после тщательного обсуждения внесла ряд изменений большого значения в «Основные начала». Проект этих изменений сначала рассматривался на второй сессии в апреле 1926 г. Сессия после обсуждения законопроекта сочла необходимым передать его на предварительное обсуждение союзных республик с тем, чтобы он был внесен на рассмотрение ближайшей сессии с учетом мнений союзных республик[1].

Поскольку изменение статьи о давности не терпело отлагательства, оно было проведено, как уже указывалось, постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1926 г., но на сессии ЦИК СССР в феврале 1927 г. статья эта подверглась новому изменению.

Третья сессия ЦИК СССР в конечном счете внесла изменения в ст. 3 (пределы общесоюзного и республиканского уголовного законодательства), ст. 9 (необходимая оборона), ст. 10 (давность), ст. 20 (поражение прав), ст. 31, 32 (отягчающие и смягчающие обстоятельства), ст. 38 (условно-досрочное освобождение), и ввела новую ст. 10-1 (погашение судимости)[1].

В редакции от 31 октября 1924 г. текст 1 части ст. 3 был таков: «Отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик, за исключением преступлений государственных и воинских».

Поскольку понятие государственных преступлений не было определено в самом тексте закона, делались попытки ограничить компетенцию Союза ССР в этой области только изданием положения о контрреволюционных преступлениях, вследствие чего понятие государственного преступления явилось бы идентичным понятию контрреволюционного преступления.

Отвергнув эти доводы, сессия точно записала в ст. 3, что государственными преступлениями являются: а) контрреволюционные преступления и б) особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления.

Затем третья сессия ЦИК СССР 3-го созыва совершенно точно определила, что уголовное законодательство по борьбе с государственными и воинскими преступлениями относится к исключительной компетенции законодательных органов Союза ССР и, наконец, разрешила еще один важный вопрос — должны ли общесоюзные уголовные законы, в частности Положение о преступлениях государственных и воинских, включаться в уголовные кодексы союзных республик или же применяться как самостоятельные законы, и, если должны включаться, то в качестве ли органической части Кодекса или же в качестве приложений к УК.

Сессия записала в ст. 3: «разделы о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) и воинских подлежат включению в уголовные кодексы союзных республик в тексте Положений, издаваемых Центральным исполнительным комитетом Союза ССР».

Таким образом сессия ЦИК СССР подтвердила единство уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, указав, что акты уголовного законодательства СССР включаются (исключением является закон 7 августа 1932 г.) в уголовные кодексы союзных республик в качестве их органической части (что, конечно, не исключает самостоятельного действия общесоюзного закона и обязательности применения его в случае расхождения с ним закона союзной республики); далее сессия установила, что законодательство о преступлениях государственных и воинских относится к исключительной компетенции Союза и что соответственные Положения должны включаться союзными республиками в их уголовные кодексы без изменений. Тем самым исключено право союзных республик дополнять или изменять эти разделы.

Вторую часть ст. 3, предоставляющую Президиуму ЦИК СССР право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой судебной политики, сессия сохранила почти

[1] Собр. зак. СССР 1926 № 30, ст. 194.

[1] Собр. зак. СССР 1927 № 12, ст. 122.

без изменения, добавив лишь, что соответствующие постановления Президиума ЦИК СССР вносятся на утверждение (по смыслу статьи — последующее) сессии ЦИК СССР.

Изменения ст. ст. 9, 31 и 32, имея целью дальнейшее укрепление революционной законности, пресекали возможные попытки нарушения и обхода закона.

Первоначальный текст ст. 9 исключая уголовную ответственность лиц, совершивших деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии необходимой обороны против посягательств на советскую власть, революционный порядок, либо на личность и права обороняющегося или другого лица. Сессия исключила наличие необходимой обороны против посягательств на революционный порядок из числа обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности. Изменение ст. 9 произведено, конечно, не потому, что революционный порядок граждане не должны охранять — это обязанность каждого гражданина СССР,— а потому, что наличие такой широкой формулировки в законе могло дать кому-нибудь повод к совершению беззаконий, к нарушению уголовного закона под предлогом борьбы с незначительными нарушениями революционного порядка, вплоть до мелких нарушений правил уличного движения. Все же опасные посягательства являются или посягательствами на советскую власть (в частности посягательства на социалистическую собственность — основу советского строя) или на граждан и их права, а исключение уголовной ответственности лиц, обороняющихся от этих посягательств, предусматривается ст. 9 «Основных начал».

Изменения ст. ст. 31 и 32 выразились в исключении пунктов «б» обеих статей, которые предусматривали в качестве обстоятельства, влекущего применение более строгой меры наказания, «совершение преступления лицом, в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплоатирующих чужой труд» (ст. 31), и в качестве обстоятельства, влияющего на смягчение меры наказания, совершение преступления рабочим или трудовым крестьянином (пункт «б» ст. 32).

В указанной формулировке эти пункты могли создать неправильное представление, что та или иная социальная принадлежность обвиняемого должна сама по себе влечь в одних случаях о б я з а т е л ь н о е усиление, в других — также о б я з а т е л ь н о е снижение наказания, безотносительно к характеру и опасности совершенного преступления, безотносительно к степени и характеру опасности личности преступника (рецидив, мотивы, и пр.). Разумеется, при введении пункта «б» ст. 31 и 32 такая цель не могла ставиться, но, как показал опыт, на практике иногда допускалось, в частности, огульное и безосновательное снижение наказания тяжким преступникам, только «принимая во внимание пролетарское происхождение». Чтобы пресечь всякую возможность таких грубых извращений уголовного закона, сессия исключила указанные пункты ст. ст. 31 и 32. Это не значило, что суды впредь не должны были учитывать в связи со всеми обстоятельствами дела, в частности, и социального положения обвиняемого. Требование учитывать личность обвиняемого содержится в сохраняющей свою силу ст. 30, которая указывает, что при определении наказания суд учитывает степень и характер опасности преступника и совершаемого им преступления, личность преступника, мотивы преступления.

На недопустимость снижения наказания или освобождения от ответственности по мотивам социального происхождения или положения виновного в отношении совершивших должностные преступления специально указал объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1927 г. в резолюции о работе ЦКК РКИ, принятой 9 августа 1927 г. по докладу т. Орджоникидзе. Резолюция в числе мероприятий по дальнейшему развертыванию борьбы партии с бюрократическими извращениями указывает на необходимость расширения работы судов в области борьбы с бюрократизмом, «неуклонно привлекая к народному суду работников советского аппарата, виновных в неоправдываемых излишествах, чиновничьем отношении к делу, не допуская при этом ни в коем случае возможности облегчения приговора или отказа от ведения судебного следствия в силу рабоче-крестьянского происхождения» «прежних заслуг» «связей» и т. п.[1].

Категорическое запрещение облегчения по этим же мотивам приговоров или прекращения судебного следствия в отношении лиц, совершивших преступления по должности, содержит резолюция XV съезда ВКП(б) о работе ЦКК РКИ[2].

Новое изменение внесено сессией ЦИК СССР в статью о давности (ст. 10), которая с тех пор действует в этой редакции.

Сессия значительно уточнила сроки давности, взяв в качестве определяющего момента высший предельный размер наказания, установленного санкцией статьи особенной части по данному преступлению. Поэтому во всех случаях, когда в законе установлена санкция, дающая суду возможность назначить лишение свободы на срок свыше 5 лет (в частности, такие санкции: лишение свободы на срок не ниже 3 лет, не ниже 1 года, не ниже 6 месяцев, до 8 лет, до 10 лет), устанавливается единый давностный срок в 10 лет. Во всех случаях, когда санкция дает возможность назначить лишение свободы на срок до 5 лет (в частности, когда в санкции значится лишение свободы до 5 лет, до 3 лет, до 2 лет) — давностный срок 5 лет, и, наконец, когда в санкции значится лишение свободы на срок не свыше одного года или другая, более мягкая мера наказания (принудительные работы, штраф, общественное порицание и пр.) — давностный срок 3 года.

Сессия внесла существенные добавления в перечень обстоятельств, прерывающих давность, указав, что давность прерывается как в случае совершения виновным в течение давностного срока другого не менее тяжкого преступления, так и в случае, если виновный скроется от следствия или суда. Сессия уточнила и вопрос о том, с какого времени в этих случаях следует исчислять давностные сроки, указав, что последние исчисляются со дня совершения нового преступления или со дня возобновления приостановленного производства.

В остальном сессия сохранила текст ст. 10 в редакции закона 13 августа 1926 г., в частности, оставив право союзных республик понижать давностные сроки по преступлениям, влекущим ли-

---

[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, М. 1933 г., стр. 361.

[2] Там же, стр. 411.

шение свободы на срок до 5 лет или другие более мягкие меры уголовного наказания. Этим правом воспользовались многие союзные республики, установив пониженные сроки давности, в частности, для преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения.

Новому изменению на февральской сессии ЦИК СССР 1927 г. подверглась и ст. 20, говорящая о поражении прав. Как уже отмечалось, законом 13 августа 1926 г. был исключен пункт «б», предусматривавший лишение права быть членом общественных и профессиональных организаций. Дополняя этот закон, сессия исключила также указание на лишение права исполнять общественные обязанности, очевидно, считая, что вопрос о возможности поручения той или иной общественной обязанности должен решаться самой общественной организацией в соответствии с ее уставом.

С другой стороны, сессия включила в статью указание на лишение права занимать выборные должности в общественных организациях, так как вопрос о возможности для осужденного вести руководящую работу в общественных организациях относится к компетенции суда, выносящего приговор в отношении этого преступника.

Небольшая поправка во втором абзаце ст. 22, предусматривающем, в частности, удаление из пределов союзной республики, именно, добавление слов «на срок» свидетельствует о том, с какой тщательностью устанавливают советские законодательные органы текст уголовного закона, уточняя каждое слово, которое может быть сочтено неясным и потому может вызвать недоразумение и искажение в применении закона, и требуя в свою очередь от всех учреждений и лиц, выполняющих закон, абсолютно точного его применения.

Наконец сессия ввела новую ст. 10-1 о погашении судимости, которая является ярким показателем социалистического гуманизма, которым проникнуто все советское уголовное законодательство.

Статьи, предусматривающие в той или иной степени возможность погашения судимости за истечением определенных сроков, имелись в большинстве кодексов союзных республик и до закона 25 февраля 1927 г. Но этот закон установил погашение судимости в результате истечения сроков со дня отбытия наказания и в качестве единой общесоюзной нормы. При этом указанный закон значительно, в сравнении с нормами УК союзных республик, расширил возможности погашения судимости.

Ст. 10-1 (воспроизводимая, в частности, ст. 55 УК РСФСР) признает не имеющими судимости: а) лиц, по суду оправданных; б) лиц, условно осужденных, которые в течение испытательного срока не совершили нового преступления; в) лиц, приговоренных к лишению свободы на срок не свыше 3 лет, и лиц, приговоренных к другим, более мягким мерам наказания (принудительные работы, общественное порицание и пр.), которые не совершили нового преступления после отбытия наказания в течение сроков, указанных в ст. 10-1.

Так, осужденные к лишению свободы на срок свыше 6 месяцев, но не более 3 лет, считаются не имеющими судимости, если они не совершили нового преступления в течение 6 лет со дня отбытия наказания; осужденные к лишению свободы на срок до 6 месяцев или к более мягким мерам наказания — по истечении 3 лет.

Таким образом ст. 10-1 позволяет подавляющему большинству осужденных в сравнительно короткий срок по отбытии наказания снять с себя судимость.

Закон не установил погашения судимости в силу одного только факта истечения сроков со дня отбытия наказания и несовершения в это время нового преступления лишь для более тяжких преступников, осужденных к лишению свободы на срок более 3 лет. Однако из этого не следует, что судимость ни при каких условиях, никогда не может быть с них снята. С многих граждан, осужденных к более длительным срокам наказания, но проявивших себя после отбытия наказания честными работниками и достойными членами социалистического общества, судимость была снята в порядке актов амнистии или помилования.

Через несколько месяцев после третьей сессии ЦИК СССР 3-го созыва, постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. «Об ограничении конфискации по суду»[1], изданным в исполнение постановления III съезда советов СССР в целях дальнейшего укрепления революционной законности, изменены ст. 25 и примечание к ст. 27 и введена ст. 25-1, которыми установлены строго определенные пределы применения судом конфискации имущества в качестве меры уголовного наказания.

Важнейшие изменения, внесенные законом 14 июня 1927 г., таковы:

1. Новая редакция ст. 25 установила, что конфискация имущества и в качестве основной и в качестве дополнительной меры наказания может применяться лишь в точно указанных в законе случаях.

Таким образом суды вправе применять конфискацию имущества лишь тогда, когда она прямо указана в санкции статьи особенной части, по которой квалифицировано данное преступление.

2. Конфискация может применяться в случаях, указанных в законе, лишь за государственные преступления, воинские, важнейшие должностные и хозяйственные и в случаях, устанавливаемых в порядке законодательства Союза ССР.

3. Если прежняя редакция ст. 25 в части определения количества инвентаря, предметов питания и денежных сумм, не подлежащих конфискации, отсылала к законодательству союзных республик, то вновь введенная законом 14 июня 1927 г. ст. 25-1 «Основных начал» точно установила единые для всего Союза нормы различных видов имущества, не подлежащего конфискации, и предоставила законодательству союзных республик лишь в некоторых случаях определенно количества и рода этих предметов.

В соответствии с этим существенное изменение внесено и в примечание к ст. 27 «Основных начал». Новая редакция статьи говорит, что на перечисленные в ст. 25-1 предметы не может быть обращено и взыскание наложенного судом штрафа.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 июля 1927 г.[2] внесено новое изменение в статью об условно-досрочном освобождении (ст. 38). Законом 25 февраля 1927 г. был восстановлен перво-

[1] Собр. зак. СССР 1927 № 35, ст. 365.
[2] Собр. зак. СССР 1927 № 44, ст. 446.

начальный текст статьи в редакции 31 октября 1924 г. Указанным постановлением от 13 июля 1927 г. восстановлена редакция, введенная законом 10 декабря 1926 г., изложение которой приводилось уже выше.

В 1928 г. изменяются лишь статьи «Основных начал», предусматривающие порядок применения мер уголовного наказания к военнослужащим.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 г.[1] исключены примечания к ст. 18 и 19 введены новые статьи 19-1 и 19-2, которые предусматривают порядок применения к военнослужащим и отбывания ими лишения свободы. Статьи подробно регламентировали порядок отбывания военнослужащими лишения свободы в военно-исправительных частях, впоследствии законом 27 мая 1934 г. упраздненных.

Большое принципиальное значение имеет введение ст. 19-2 «Основных начал», воспроизводящей с рядом существенных изменений примечание 2 к ст. 18, введенное постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г.[2].

Статья 19-2 гласит, что приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию.

Если этот военнослужащий проявит себя в действующей армии стойким защитником родины, допускается по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение его от ранее назначенной меры наказания или замена ее более мягкой мерой наказания. Таким образом, осужденный к лишению свободы военнослужащий, которому суд оказал высокое доверие, допустив направление его в действующую армию, имеет возможность выполнить священный долг гражданина СССР по защите отечества и своей доблестью на фронте в борьбе с напавшими на родину врагами загладить свою вину.

Глубокие изменения внесены законодательными органами Союза ССР в «Основные начала» в год великого перелома — в 1929 г. Эти изменения и дополнения соответствовали тем задачам, которые вставали перед уголовным законодательством Союза ССР и союзных республик в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства, проводившейся при бешеном сопротивлении всех врагов социализма, врагов народа.

Изменения «Основных начал», касавшиеся главным образом мер наказания и порядка их применения, осуществлены постановлениями ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г.[3] (изменение ст. ст. 20, 26, 31, 34, 35, 37) и от 6 ноября 1929 г.[4] (изменение ст.ст. 13, 18, 22, 38).

Важнейшей реформой явилось изменение видов, сроков и порядка отбывания лишения свободы как меры угловного наказания (ст.ст. 13, 18). Закон 6 ноября 1929 г. упразднил деление лишения свободы на соединенное со строгой изоляцией и не соединенное. Взамен этого деления установлено в качестве двух самостоятельных мер наказания — лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях и лишение свободы в общих местах заключения. Лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях установлено на срок от 3 до 10 лет, а в общих местах заключения на срок до трех лет; низший предел лишения свободы, как и по редакции 31 октября 1924 г., союзным уголовным законодательством определен не был.

Отступления от общего правила отбывания лишения свободы на срок от 3 лет и выше закон допустил лишь в исключительных случаях: а) когда судом признается, что осужденный на срок свыше 3 лет по степени своей общественной опасности не нуждается в направлении в лагерь и б) когда осужденный явно непригоден к физическому труду. В этих лишь случаях по особому определению суда допускается отбывание осужденными на срок от 3 лет лишения свободы и выше в общих местах заключения. Порядок организации исправительно-трудовых лагерей в отдаленных местностях, управление ими, организацию режима и пр. закон 6 ноября 1929 г. отнес к компетенции общесоюзного законодательства (примечание к ст. 18 «Основных начал»).

В связи с введением в качестве меры уголовного наказания лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях тем же законом внесены изменения и в статьи, определяющие применение ссылки и высылки (ст. 22), применение условно-досрочного освобождения (ст. 38). Именно в отношении тех осужденных к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях, к которым в качестве дополнительной меры применено судом удаление из пределов данной местности с обязательным поселением в определенных местностях (ссылка), согласно закону 6 ноября 1929 г. по отбытии срока лишения свободы применяется на срок ссылки, определенной судом в качестве дополнительной меры наказания, поселение в районе лагеря с наделением землей или предоставлением оплачиваемой работы (часть 3, ст. 22 «Основных начал»).

Условно-досрочное освобождение в отношении отбывающих лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в силу закона 6 ноября 1929 г. должно применяться в форме перевода осужденного на поселение в районе лагеря на неотбытый срок лишения свободы. Регулирование применения условно-досрочного освобождения к отбывающим лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях отнесено к компетенции общесоюзного законодательства.

Законом 13 октября 1929 г. расширен объем поражения прав как меры уголовного наказания введением нового вида этой меры — поражения родительских прав.

Применение этого вида поражения прав закон строго ограничил лишь случаями, когда установлено злоупотребление виновных родительскими правами, то есть когда, например, имело место понуждение отцом дочери к занятию проституцией. Следовательно, эта мера наказания имеет своей задачей пресечь осуществление родительских прав теми недостойными родителями, которые, как показали совершенные ими преступления, используют родительские права во вред детям.

Наряду со статьями, говорящими о лишении свободы в качестве меры уголовного наказания

---

[1] Собр. зак. СССР 1928 № 34, ст. 298.
[2] Собр. зак. СССР 1927 № 50, ст. 504.
[3] Собр. зак. СССР 1929 № 67, ст. 627.
[4] Собр. зак. СССР 1929 № 72, ст. 686.

не менее существенные изменения внесены законом 6 ноября 1929 г. в ст. 22, говорящую о ссылке и высылке.

Согласно ст. 22 в редакции 31 октября 1924 г. как высылка (удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такого запрещения), так и ссылка (удаление из пределов союзной республики и из пределов отдельной местности с поселением в тех или других местностях) могли назначаться на срок до 5 лет, причем низший предел этой меры в законе указан не был.

Новая редакция ст. 22, оставляя без изменений высший предельный срок высылки (5 лет), установила низший предел этой меры. Предельные же сроки ссылки изменены существенно; по закону 6 ноября 1929 г. она может назначаться на срок от 3 до 10 лет. Это изменение ст. 22 повысило значение ссылки, в особенности в качестве основной меры уголовного наказания в отношении тех общественно-опасных элементов, к которым необходимо применение длительных сроков наказания, но которые не нуждаются в обязательной изоляции.

В развитие ст. 22 «Основных начал» законодательство РСФСР (закон 10 января 1930 г.) ввело в качестве самостоятельной меры наказания ссылку, соединенную с принудительными (исправительно-трудовыми) работами на срок от 3 до 10 лет, причем последняя, как и ссылка, не соединенная с принудительными работами, указана в Уголовном кодексе РСФСР в качестве основной меры наказания по целому ряду статей особенной части УК (см. ст. 36 УК РСФСР). Аналогичные изменения внесены и в уголовные кодексы некоторых других союзных республик.

Ст. 22 «Основных начал» в редакции 6 ноября 1929 г. ввела, как уже указывалось, особый порядок отбывания ссылки, примененной как дополнительная мера к лицам, осужденным к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях в качестве основной меры наказания.

В статью «Основных начал», говорящую о порядке удовлетворения претензий за счет конфискуемого имущества, законом 13 октября 1929 г. внесено частичное изменение, касающееся вопроса об очередности удовлетворения этих претензий; в новой редакции статья ограничивается общей ссылкой на законодательство по этому вопросу Союза ССР и союзных республик.

Глубокие изменения внесены законом 13 октября 1929 г. в статьи «Основных начал», регламентирующие порядок применения уголовного наказания.

Новой редакцией ст. 31 дано определение повторности преступления в качестве отягчающего обстоятельства. Прежняя редакция статьи в общей форме указывала на то, что совершение преступления рецидивистом является отягчающим обстоятельством. Пункт «г» ст. 31 «Основных начал» в редакции 13 октября 1929 г. установил, что суд применяет более строгую меру наказания, если преступление совершено лицом, уже ранее совершившим какое-либо преступление. Таким образом в принципе каждое совершенное в прошлом преступление, хотя бы и не однородное и менее тяжелое, является обстоятельством, усиливающим вину преступника; закон при этом не требует, чтобы виновный был ранее осужден за это прежде совершенное преступление.

Из общего правила закон сделал существеннейшее исключение. Ранее совершенное преступление не является усиливающим вину обстоятельством, влекущим более строгую меру наказания, если оно покрыто давностью вследствие истечения давностных сроков, а также если виновный в силу истечения установленных ст. 10 «Основных начал» сроков со дня отбытия наказания считается несудившимся.

Кроме того, суд вправе не признать отягчающего значения за ранее совершенным преступлением, исходя из самого характера этого преступления, хотя бы и не имело места истечение давностных сроков и погашение судимости за прежнее преступление. В практике суды иногда не признают, например, отягчающего значения за ранее совершенным преступлением, когда оно резко отличается от позднее совершенного преступления и по степени опасности и по своему характеру и по субъективной стороне (например, если ранее совершено неосторожное легкое телесное повреждение, позднее умышленное должностное преступление).

Закон 13 октября 1929 г. в новой редакции пункта «д» ст. 31 усилил уголовно-правовую охрану детей, больных и престарелых, включив в число отягчающих обстоятельств, влекущих усиление наказания, совершение преступления в отношении лиц, находившихся на попечении преступника, либо находившихся в особо беспомощном состоянии по возрасту и иным условиям. В число отягчающих обстоятельств включено также совершение преступления в отношении лиц, подчиненных виновному.

Наряду с усилением мер наказания для более опасных преступников законы 13 октября и 6 ноября 1929 г. еще более расширили права суда в отношении смягчения наказания, полного освобождения от наказания и даже от уголовного преследования тех лиц, которые, как и совершенные ими деяния, не представляются в такой мере опасными в момент рассмотрения дела судом, чтобы являлась необходимость в применении мер уголовного наказания.

Вторая часть ст. 34, введенная законом 13 октября 1929 г., предоставила суду право, в случае, если он признает, что обвиняемый к моменту рассмотрения дела не представляется общественно-опасным, вовсе не применить к нему меры наказания, приведя в приговоре мотивы этого решения.

Соответственно с этим была исключена первая часть ст. 35 «Основных начал», предоставлявшая суду право в тех случаях, когда он признает целесообразным, совершенно освободить совершившего преступление от применения наказания, или же признает целесообразным, но не считает для себя возможным понизить меру наказания,— входить с ходатайством о том в соответствующий центральный исполнительный комитет.

Новая редакция ст. 37 расширила права суда при определении наказания в случае совершения условно-осужденным в течение испытательного срока нового, не менее тяжкого преступления, предоставив суду право как присоединять полностью или частично условно отсроченную

меру уголовного наказания к мере наказания, назначенной по новому делу, так и применить лишь меру наказания по новому приговору. По редакции ст. 37 от 31 октября 1924 г. соединение мер наказания было в этом случае обязательным.

Наконец, законом же 13 октября 1929 г.[1] введена новая ст. 6-1 в «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», устанавливающая, что уголовное преследование может быть прекращено во всякой стадии процесса в случае, если совершенные обвиняемым действия, хотя формально и заключают в себе признаки общественно-опасных деяний, но по своей маловажности и отсутствию вредных последствий или в силу конкретной социально-политической обстановки не имеют и не могут иметь общественно-опасного характера.

Сходные со ст. 6-1 «Основ» нормы содержались и ранее в уголовном (например, примечание к ст. 6 ст. 8 УК РСФСР) и уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик. Однако введение этой нормы, в равной степени имеющей отношение и к материальному и процессуальному уголовному законодательству, в качестве общесоюзного закона в более четкой форме, чем в действовавших до того времени кодексах союзных республик, несомненно имело большое принципиальное и практическое значение.

В период 1930—1934 гг. в «Основные начала» вносится сравнительно немного изменений, так как глубокая переработка норм этого закона в соответствии с задачами периода борьбы за коллективизацию сельского хозяйства была произведена в конце 1929 г. законами 13 октября и 6 ноября 1929 г.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1930 г.[2], вновь изменившим ст. 20 «Основных начал», в число видов поражения прав включено лишение права на пенсии, выдаваемые в порядке социального страхования и государственного обеспечения[3].

Закон строго ограничивает применение этой меры наказания, предусматривая назначение лишения прав на пенсию лишь за преступления, особо указанные законодательством Союза ССР и Союзных республик.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 31 мая 1930 г.[4], изданным в соответствии с законом 13 февраля 1930 г., предоставлено судам право применять лишение права на пенсии по всем преступлениям государственным, а постановлением ЦИК и СНК от 2 сентября 1930 г.[5] — по некоторым точно перечисленным в этом законе воинским преступлениям — в мирное время и по всем воинским преступлениям в военное время.

Законодательство РСФСР в соответствии со ст. 20 «Основных начал» допускает лишение права на пенсии также в случае осуждения за совершение корыстных преступлений к лишению свободы или к высылке с обязательным поселением в других местностях в качестве основной меры наказания или в случае назначения в качестве дополнительной меры наказания конфискации всего имущества (ст. 31 УК РСФСР). Законодательство УССР допускает применение этой меры в случае осуждения к лишению свободы на срок не ниже 3 лет или высылке с обязательным поселением в других местностях в качестве основной меры наказания или при применении конфискации всего имущества в качестве основной меры наказания (ст. 29 УК УССР) и т. д.

В период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства, поскольку осуществлялась ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, существовавшие ранее нормы, определявшие виды и количество имущества, подлежащего оставлению при применении в качестве меры уголовного наказания конфискации имущества, оказались неприемлемыми в отношении кулацких хозяйств.

Примечание 2 к ст. 25-1, введенное постановлением ЦИК и СНК от 12 сентября 1930 г., установило, что конфискации в кулацких хозяйствах не подлежит только имущество, на которое не может быть обращено взыскание по налогам, согласно примечанию к ст. 17 Положения о взыскании налогов.

Новое изменение, внесенное в содержание ст. 25-1 «Основных начал» постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1934 г.[1] «О взыскании невыполненных в срок единоличными хозяйствами государственных обязательных платежей и о конфискации имущества», установило, что при невыполнении в срок единоличными хозяйствами государственных обязательных натуральных поставок и неуплате денежных платежей взыскание обращается на все имущество единоличных хозяйств за исключением лишь дома, топлива, необходимого для отопления жилых помещений, носильного зимнего и летнего платья, обуви, белья и других предметов домашнего обихода, необходимых для неплательщика и его иждивенцев.

Законом 27 мая 1934 г.[2] в связи с упразднением военно-исправительных частей РККА изменена редакция ст. ст. 19-1 и 19-2 и исключены примечания 1 и 2 к ст. 19-1 (последние были введены законом 5 мая 1930 г.), говорившие об отбывании наказания в этих частях.

Закон 8 июня 1934 г., установив тягчайшие наказания за самое тяжкое злодеяние — измену родине, ввел и важнейшее изменение в наименование мер уголовной репрессии в советском уголовном законодательстве. Закон вместо прежнего термина «Основных начал» — «меры социальной защиты» — употребляет термин «меры уголовного наказания». Это изменение имеет глубокое принципиальное значение. После закона 8 июня 1934 г. все законодательные акты Союза ССР и союзных республик, определяющие уголовную ответственность, в том числе и вносящие изменения в «Основные начала», употребляют уже термин — «меры уголовного наказания».

Поэтому можно сказать, что исторический закон 8 июня 1934 г. внес весьма существенное

---

[1] Собр. зак. СССР 1929 № 67, ст. 626.

[2] Собр. зак. СССР, № 11, ст. 131.

[3] Закон предусматривал также лишение права на пособие по безработице, выдаваемое в порядке социального страхования, но эта норма через несколько месяцев, в связи с полной ликвидацией безработицы, потеряла всякое значение.

[4] Собр. зак. СССР 1930 № 31, ст. 339.

[5] Собр. зак. СССР 1930 № 45, ст. 464.

[1] Собр. зак. 1934 № 48, ст. 370.

[2] Собр. зак. 1934 № 29, ст. 223.

изменение и в содержание «Основных начал», хотя непосредственно текст «Основных начал» этим законом изменен не был.

Существенным изменениям подверглись «Основные начала» и в период завершения построения социалистического общества и издания новой Конституции СССР.

В 1935 г. отменена ст. 8 и изменена ст. 19 «Основных начал». Закон 7 апреля 1935 г., изданный в целях быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних, установил, что несовершеннолетние, начиная с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийствах или в попытках к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания.

Вместе с тем закон установил суровое наказание в виде тюремного заключения на срок не ниже 5 лет для тех, кто осмелится толкать несовершеннолетних на путь преступления или понуждать их к занятию спекуляцией, нищенством и т. п.

Острие закона 7 апреля 1935 г. направлено именно против тех негодяев, которые пытаются столкнуть детей и подростков с честного пути учебы и труда на путь преступления и антисоциальных действий. Закон 7 апреля 1937 г. отменил ст. 8 «Основных начал», согласно которой меры наказания к несовершеннолетним подлежали применению лишь в случаях, когда соответственными органами будет признано невозможным применение к ним мер медико-педагогического характера. По ст. 8 «Основных начал» определение возраста несовершеннолетних, определение случаев обязательного применения к ним мер наказания в случае совершения преступления, а также определение пределов смягчения для них мер наказания предоставлялось законодательству союзных республик. Причем в этом вопросе нормы уголовных кодексов союзных республик существенно различались между собой. Так, в частности ст. 50 Уголовного кодекса РСФСР, сохранявшая силу до издания закона 7 апреля 1935 г., устанавливала, что в отношении несовершеннолетних в возрасте от 16—18 лет срочные меры наказания обязательно снижаются судом на одну треть и при этом не должны превышать половины высшего предела санкции, предусмотренной той статьей Уголовного кодекса, по которой квалифицируется преступление обвиняемого. В ряде других союзных республик был установлен иной, чем в РСФСР, низший возраст для возможности привлечения к уголовной ответственности и иные пределы снижения наказания.

Закон 7 апреля 1935 г., преследуя цель быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних, охраняет детей и подростков от посягательств на них со стороны преступных элементов, устанавливая для последних суровые меры наказания, и вместе с тем не допускает безнаказанности тех несовершеннолетних, которые совершили опасное преступление из числа поименованных в законе 7 апреля 1935 г.

Изменение ст. 19 «Основных начал», произведенное законом 28 мая 1935 г.[1], которым эта статья дополнена вторым абзацем, увеличивает эффективность исправительно-трудовых (принудительных) работ без лишения свободы, в особенности по месту работы осужденного, как меры уголовного наказания. Новый абзац ст. 19 устанавливает, что время отбывания исправительно-трудовых работ, в том числе по месту работы осужденного, не засчитывается в общий трудовой стаж и стаж для определения квалификации, а также в стаж работы, дающий право по советским законам на получение пенсий, надбавок к заработной плате за выслугу лет и других льгот и преимуществ; во время отбывания исправительно-трудовых работ приостанавливается выплата надбавок к ставкам заработной платы за выслугу лет.

Повышая эффективность исправительно-трудовых работ — меры уголовного наказания, не соединенной с лишением свободы, закон 28 мая 1935 г. вместе с тем более глубоко отграничил исправительно-трудовые работы по месту службы от штрафа, видом которого иногда эта мера неосновательно считалась.

Введенные законом элементы отбывания исправительно-трудовых работ (невключение времени отбывания в срок работы и пр.) более четко определяют исправительно-трудовые работы, в том числе и по месту работы осужденного, как срочную меру наказания.

Закон 8 августа 1936 г.[1] в изменение ст. ст. 13 и 18 «Основных начал», которые различали два вида лишения свободы — в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях и в общих местах заключения, устанавливает в качестве вида лишения свободы также заключение в тюрьму, как наиболее суровый вид лишения свободы.

Заключение в тюрьму в силу закона 8 августа может применяться в качестве меры уголовного наказания в отношении осужденных за наиболее опасные преступления.

Еще до издания этого закона в санкциях некоторых общесоюзных законов, в частности, закона 7 апреля 1935 года,— в отношении лиц, подстрекающих или вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений или понуждающих их к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством, предусматривалась санкция в виде тюремного заключения.

Закон 8 августа 1936 г. установил тюремное заключение как вид лишения свободы, введя общую норму в «Основные начала».

Поскольку тюремное заключение может применяться в отношении осужденных за наиболее опасные преступления, закон предоставил право определения этой меры наказания лишь некоторым категориям судов: Верховному суду СССР, верховным судам союзных республик, краевым и областным судам, железнодорожным и водно-транспортным судам и военным трибуналам. По смыслу закона следует заключить, что такое же право имеют верховные суды автономных республик и суды автономных областей. Не имеют права вынесения приговоров к тюремному заключению народные суды.

Суды, которым предоставлено законом право определять лишение свободы в виде заключения в тюрьму, в случае признания ими необходимым применить именно эту меру уголовного наказания, должны сделать о том специальное указание в приговоре. Лишь при наличии такого

[1] Собр. зак. СССР 1935 № 30, ст. 235.

[1] Собр. зак. СССР 1936 № 44, ст. 370.

указания в приговоре осужденный может быть заключен в тюрьму после судебного приговора.

Закон 8 августа 1936 г., помимо заключения в тюрьму по судебному приговору, предоставил также право перевода в тюрьму в дисциплинарном порядке лиц, которые, отбывая лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях и исправительно-трудовых колониях, систематически нарушают в местах лишения свободы правила внутреннего распорядка, совершают побеги и т. п.

В то время как заключение в тюрьму по судебному приговору назначается на срок лишения свободы, определенный судом в пределах санкции статьи Уголовного кодекса, по которой осужденный признан виновным, перевод в тюрьму в дисциплинарном порядке допускается по постановлению начальника республиканского, краевого или областного управления НКВД СССР с санкции прокурора соответствующего лагеря лишь на срок до одного года, по постановлению начальника Главного управления лагерями НКВД СССР с санкции Прокурора Союза ССР на срок до двух лет.

Прокуратура имеет право опротестовать постановления о переводе в тюрьму в дисциплинарном порядке, причем в случае опротестования исполнение постановления приостанавливается.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. «Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан»[1], хотя и не изменяет текста «Основных начал», но вносит изменения в существо норм «Основных начал», определяющих применение штрафа, а частично и конфискации имущества в качестве мер уголовного наказания.

Закон 11 апреля 1937 г. дает точный перечень имущества, которое не может быть изъято по судебным решениям у отдельных граждан для покрытия их недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам.

В частности, не могут быть изъяты в этих случаях: жилой дом с хозяйственными постройками или его части; одна корова, а при отсутствии ее одна телка; у колхозников также домашняя птица, овцы, козы и свиньи в пределах половинной нормы, установленной Уставом сельскохозяйственной артели, с кормом для них; одежда, обувь, белье, постельные принадлежности, кухонная утварь, кровати, столы, стулья, сундуки, лампы, служащие для личного пользования недоимщика и его семьи; все детские принадлежности; продукты питания, необходимые для недоимщика и его семьи до нового урожая; средства, полученные по социальному обеспечению, и пособия по многодетности; инструменты, необходимые для продолжения кустарного промысла недоимщика. Очевидно и при применении штрафа в качестве меры уголовного наказания, поскольку в законе 11 апреля 1937 г. нет специального изъятия, взыскание штрафа не может быть обращено на предметы, перечисленные в этом законе.

Последнее весьма важное изменение внесено в «Основные начала» постановлением Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 2 октября 1937 г., изменившим ст. 18 «Основных начал».

Закон 2 октября 1937 г., отмечая, что действующим советским уголовным законодательством для борьбы со шпионажем, вредительством, с попытками организации взрывов, крушений, поджогов с человеческими жертвами и других диверсионных актов установлены в качестве мер уголовного наказания — лишение свободы на срок не свыше 10 лет, а для наиболее тяжких видов государственных преступлений — высшая мера наказания (расстрел), в целях дальнейшей борьбы с такого рода преступлениями и предоставления суду возможности избирать по этим преступлениям не только высшую меру наказания (расстрел), но и лишение свободы на более длительные сроки, в изменение ст. 18 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», устанавливает в качестве меры уголовного наказания лишение свободы на срок не свыше 25 лет.

Закон 2 октября 1937 г. имеет огромное значение для дальнейшей борьбы с тягчайшими государственными преступлениями врагов народа. Закон 2 октября отнюдь не смягчает тяжести репрессии в отношении врагов народа, совершивших перечисленные преступления, так как, сохраняя по этим преступлениям применение высшей меры наказания, он вводит лишение свободы на гораздо более длительные сроки, чем по законодательству, действовавшему до издания закона 2 октября 1937 г. Вместе с тем, исходя из принципов социалистического гуманизма, закон предоставляет суду возможность избирать по этим преступлениям не только расстрел, которого враги народа — подлейшие наймиты фашистских разведок, троцкистско-бухаринские и иные изменники, шпионы, диверсанты, вредители, убийцы, безусловно заслуживают, но и лишение свободы на длительные сроки до 25 лет.

«Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» основаны в качестве законодательного акта на Конституции СССР 1924 г., устанавливавшей, что уголовное законодательство относится как к компетенции Союза ССР, в лице его верховных органов, так и к компентенции союзных советских социалистических республик.

Сталинская Конституция СССР в пункте «х» ст. 14 отнесла к ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления «законодательство о судоустройстве и судопроизводстве, уголовный и гражданский кодексы». Следовательно, в силу Сталинской Конституции уголовное законодательство должно быть единственным для всего Союза ССР. Впредь же до издания общесоюзного Уголовного кодекса, предусмотренного Сталинской Конституцией, «Основные начала» сохраняют свое действие в качестве общесоюзного уголовного закона.

[1] Собр. зак. СССР 1937 № 30, ст. 120.

Ю. ПОЗАН

# Правовое положение женщины в буржуазных странах и в СССР

## I

Экономическое и политическое угнетение трудящейся женщины в странах капитала является одним из самых наглядных показателей террористического режима буржуазной диктатуры и непримиримости противоречий, раздирающих капиталистическую систему.

Беспощадная эксплоатация женского труда при мизерности его оплаты, отсутствие или крайняя убогость законодательства об охране материнства и о социальном страховании, хроническая безработица, голод и нищета — таковы типичные черты, характеризующие положение трудящихся женщин в условиях капитализма.

Общеизвестно, что во всех без исключения капиталистических странах труд женщин, как и труд детей, оплачивается значительно дешевле, чем труд взрослых рабочих — мужчин. Поэтому в погоне за прибылью капиталисты прибегают к широкому использованию женского и детского труда на своих предприятиях.

Так, в Англии за период с 1924 по 1929 г. количество работниц возросло на 11%, тогда как количество рабочих увеличилось только на 3,2%. Начавшийся в 1929 году мировой экономический кризис привел к весьма резкому увеличению удельного веса женского труда в английской промышленности.

В настоящее время женщины составляют основную массу среди рабочих английской текстильной, швейной, табачной промышленности, а в промышленности искусственного шелка применение женского труда достигает около 90%.

Во Франции женщины составляют свыше 40% всех занятых рабочих, причем применение женского труда составляет: в текстильной промышленности — 60—70%, в кожевенной — 75%, в резиновой — 50%, в промышленности искусственного шелка — 80%.

О степени применения женского и детского труда в кустарной промышленности капиталистических стран может свидетельствовать такой, например, факт, что на полумеханизированных предприятиях спичечной промышленности Северной Манчжурии женщины составляют 75% к общему составу рабочих, на предприятиях по производству папье-маше — 85% [1].

Но широкое вовлечение в производство женского труда, будучи прямым выражением бешеного наступления капитала на жизненный уровень рабочего класса, ни в какой степени не «снимает» проблему женской безработицы. Напротив, все без исключения капиталистические страны поражены массовой хронической безработицей, охватывающей миллионы трудящихся женщин. Уже в 1931 г. безработные женщины составляли в общей армии безработных: в США — 20%, в Англии — 25%, в Германии — 30% [2]. С тех пор, за годы экономического кризиса и депрессии особого рода, охвативших капиталистический мир, безработица среди женщин еще более возросла. Так, по опубликованным данным, в США насчитывалось в 1935 г. 5 миллионов молодых людей, в том числе почти половина девушек, которые нигде не учились и не могли найти работу. В Англии ряды безработных ежегодно пополняются новыми десятками тысяч безработной молодежи.

В Германии, Италии, Польше десятки тысяч девушек и юношей, оканчивающих средние и высшие учебные заведения, обрекаются систематически на хроническую безработицу.

Вместе с тем, нужно иметь в виду, что такие меры, как лишение уволенной работницы права на получение пособия, если у нее работает или получает пособие по безработице муж, удлинение сроков, в течение которых пособие вообще ни при каких условиях не выдается, и т. д.— ставят безработных женщин в капиталистических странах в неимоверно тяжелое положение.

Что касается условий труда работающих на капиталистических предприятиях женщин, то они также невероятно тяжелы. Изнуряющая работа в течение 12—14 часов, а в ряде случаев 15—16 часов (например на многих предприятиях Японии), отсутствие или фактическое несоблюдение законов об охране труда, значительно пониженная в сравнении с мужчинами оплата труда и, как следствие всего этого, огромная заболеваемость и потеря трудоспособности женщин — вот что составляет обычное явление во всех капиталистических странах.

Но совершенно исключительных размеров достигают экономическое и политическое угнетение трудящихся женщин в странах фашизма.

Так, в Германии заработная плата работницы составляет лишь около 50% заработной платы мужчины, причем фашистские «теоретики» с наглым цинизмом заявляют, что женский труд, как это «научно доказано», не может быть равен мужскому. Сотни тысяч женщин в Германии обречены на безработицу. Даже по данным фашистской статистики в октябре 1936 г. в Германии насчитывалось 258 тысяч безработных женщин. В эту цифру не входят 10 тыс. девушек, отправленных в 1936 г. для отбытия, почти без всякой оплаты, сельскохозяйственной повинности и принудительных работ у кулаков и помещиков, а также не входят 25 тыс. женщин, которые должны отбывать трудовую повинность в течение 1937 и 1938 гг.

Ярчайшим показателем бесчеловечной эксплоатации женского труда, а вместе с тем и показателем варварского режима фашизма, в целом, может служить введение в фашистской Германии так называемых «добровольцев» на фабрики, вербуемых из числа безработных женщин, домашних хозяек и др. на временную подмену фабричных работниц. «Дело сводится к тому, что «добровольцы» не получают никакой платы. Коренным же работницам, которых подменяют «добровольцы», это время засчитывается как отпуск. При этом работнице оплачивается не все «отпускное» время, а только 3 дня, если она проработала меньше 10 лет на фабрике, и 8—10 дней

[1] Аварин, Империализм в Манчжурии, т. II, стр. 146.

[2] См. БСЭ, т. 25, статья «Женский труд».

если она проработала свыше 10 лет. К «счастливцам», которые могут получить оплату за 8—10 дней такого «отпуска», относится очень незначительная часть работниц, так как редко кто в гитлеровской Германии работает больше 10 лет на одном предприятии» [1].

Подобное же положение имеет место в фашистской Италии, где труд женщины-работницы совершенно обесценен, где около 2 млн. батрачек подвергается неслыханной эксплоатации, находясь в рабской зависимости от своих хозяев, вплоть до того, что девушки-батрачки не могут вступать в брак без разрешения последних.

Кошмарно тяжелы условия женского труда в Японии, где использование рабочей силы детей в возрасте 12 лет и моложе представляет собою обычное явление.

Вот как описывает один японский публицист жизнь девушек-подростков, работающих на текстильных фабриках Японии:

«Молодые девушки, которые вербуются в охваченных голодом деревнях, составляют 82% всех рабочих текстильной промышленности. Деревенским девушкам приходится тяжело работать на фабриках, их плохо кормят и подчиняют дисциплине, напоминающей тюремную.

После 12 час. работы на фабрике девушка не может свободно располагать несколькими часами, оставшимися до отхода ко сну. Девушки не имеют права по своему желанию выходить из спальни. Питание слишком недостаточно для того, чтобы сохранить здоровье работниц. Малейшая попытка уклониться от работы наказывается с ужасной жестокостью: сторож спален срывает одежду с тела девушки и избивает ее до бесчувствия».

До каких пределов доходит эксплоатация и бесправие трудящихся женщин в Японии, видно из того, что продажа девушек рассматривается в этой стране, как вполне нормальное и законное явление.

По сообщению официальной статистики, в префектуре Акита в течение 1933 г. было продано девушек: «в публичные дома — 1 383, в домашние прислуги — 4 271, на фабрики — 2 682, на другие работы — 1 137. Таким образом, 9 475 девушек в возрасте от 14 до 25 лет, или 15% женского населения в этом возрасте, было продано всего лишь за один год». Иными словами, на каждые 100 хозяйств было продано от 6,2% до 20% к женскому составу населения префектуры.

Такого рода факты характерны для большинства сельскохозяйственных провинций Японии.

Газета «Токио-Асахи» от 31 октября 1934 г., указывая на факты массовой продажи крестьянами своих дочерей фабрикантам и другим эксплоататорам, сообщает: «Цена одной девушки достигает 500—800 иен, но с вычетом проезда и прочих расходов, крестьянину на руки выдается 150 иен. Хотя это плохой выход, но когда нечего есть, ничего не поделаешь».

60 тыс. проданных крестьянских девушек — таков «итог 1934 г. в японском сельском хозяйстве» [2].

На почве безработицы и крайнего обнищания в капиталистических странах наряду с огромным ростом самоубийств мужчин резко возросли самоубийства женщин.

По данным польской газеты «Час», в Польше за 1935 г. совершили самоубийства 1 653 женщины. В Германии за последние годы самоубийства женщин, совершенные под влиянием голода, и самоубийства на этой же почве целых семей стали заурядным явлением.

Вот несколько фактов:

«Супруги Веберы, проживавшие в Мангейме, доведенные нищетой до отчаяния, убили своих четырех детей, старшему из которых было 8 лет и младшему 11 месяцев, а затем покончили самоубийством» [1].

«27-летняя Клара Буркарт на почве невыносимо тяжелого материального положения перерезала кухонным ножом горло своей пятилетней дочери, а затем пыталась покончить самоубийством» [2].

«26-летний отец застрелил своих двух детей, тяжело ранил жену, после чего покончил с собой. В другом случае семья, состоящая из мужа, жены и сына, отравилась газом» [3].

Общеизвестно, что подобного рода факты получили за последнее время в капиталистических и в особенности в фашистских странах массовое распространение.

В один ряд с безработицей и нищетой должна быть поставлена и проституция — эта оборотная сторона капиталистической «цивилизации», уродующая и калечащая жизнь сотен тысяч женщин. Являясь постоянным и незбежным спутником капитализма, проституция, естественно, достигла в период мирового экономического кризиса и депрессии особого рода небывалого роста.

Достаточно сказать, что в одном лишь Нью-Йорке насчитывается до 20 тыс. торговцев «живым товаром». В официальных материалах, составленных в США в 1934 г. на основе изучения вопроса о состоянии проституции, отмечается, что за последние годы во многих американских городах значительно увеличилось число публичных домов, причем организация этих домов принимает все более и более открытый характер. Не отстает в своем росте и так называемая тайная проституция. Ряды проституток пополняются по преимуществу девушками, лишившимися работы и не находящими иного выхода из тяжелого экономического положения. Эти девушки получили даже специальное прозвище — «девушки депрессии».

То же самое наблюдается и во Франции, где необычайно широко распространена как регламентированная, так и тайная проституция. Даже по явно преуменьшенным данным буржуазной официальной статистики в одном лишь Париже число зарегистрированных проституток достигает 50 тыс. чел. Но к этому необходимо прибавить во много раз большее количество женщин, занимающихся проституцией тайно.

В Германии еще до прихода к власти фашизма количество проституток достигало более 1,5 млн. чел. За годы фашистской диктатуры это количество значительно увеличилось. В настоящее время проституция в Германии достигла небывалых размеров. Безудержный рост проституции вынудил муниципальные власти многих крупных городов к закрытию целого ряда притонов и других очагов разврата. Однако это привело лишь к тому, что проституция приняла более скрытый

---

[1] К. И. Кирсанова, Избирательный закон и женщина, 1937 г., стр. 13—14.

[2] «Известия» 13 февраля 1935 г.

[1] «Правда», 15 января 1937 г.

[2] «Правда», 2 марта 1937 г.

[3] «Правда, 10 февраля 1937 г.

характер, но отнюдь не уменьшилась. Широкому распространению проституции весьма способствовало то обстоятельство, что в результате проведенной фашистами кампании «о возврате работниц к домашнему очагу» были в первый же год прихода Гитлера к власти лишены работы 350 тыс. женщин, многие из которых вынуждены были встать на путь проституции. В дальнейшем число лишенных работы женщин увеличилось еще более.

Об огромном размахе проституции в Японии можно заключить хотя бы по тому, что, согласно опубликованным в 1935 г. японским министерством внутренних дел, несомненно, преуменьшенным данным, число проституток в Японии составляло на 1 февраля 1935 г. 332 тыс. чел., из которых свыше 50 тыс. находилось в лицензионных домах (домах терпимости) [1]. Эти лицензионные дома, состоящие в ведении министерства внутренних дел, дают значительные доходы государственной казне, в силу чего правительственные органы весьма заинтересованы в их существовании.

Тем не менее факт огромного роста официальной проституции заставляет министерство внутренних дел выдвинуть вопрос о реформе существования системы публичных домов путем преобразования их в рестораны, гостиницы, кафе и т. п., с оставлением в них обитательниц домов терпимости.

Совершенно очевидно, что эта «реформа», продиктованная, главным образом, тем, что сохранение широко развитой сети публичных домов, занимающих целые кварталы, «компрометирует Японию за границей», направлена не на действительную борьбу с проституцией, а лишь на изменение ее внешней формы. Однако даже и такой проект «реформы» вызвал бурные протесты защитников действующей системы, главный аргумент которых против «реформы» сводится к тому, что «цельность и сохранность японской семьи может быть поддержана только существованием лицензионной системы публичных домов» [2].

Так практичный и расчетливый буржуа заботится о «чистоте» своей семьи и «святости» домашнего очага за счет растаптывания жизни и уничтожения достоинства десятков и сотен тысяч женщин, вынужденных встать на путь проституции!

Такова картина беспримерного закабаления, голода и нищеты, переживаемых трудящимися женщинами в условиях капитализма. К этому необходимо добавить, что в области общественно-политической жизни женщина в буржуазных государствах является или совершенно бесправной или ей предоставлены весьма ограниченные, урезанные права.

Ленин в речи на IV общегородской конференции московских работниц, произнесенной в 1919 г., говорил, что «там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, там, где сохраняется власть капитала, привилегии останутся у мужчин» [3].

Правильность и бесспорность этого положения полностью подтверждаются как законодательством, так и избирательной практикой даже так называемых «демократических» буржуазных государств.

Достаточно напомнить, что в таких странах, как Франция, Бельгия, Италия, Швейцария, Югославия, Греция, Япония, Аргентина, женщины в силу закона лишены избирательных прав. Но и в тех странах, где женщинам формально предоставлены избирательные права, осуществление их настолько осложнено, что на деле права эти зачастую не имеют реального значения.

Известно, например, что в Англии, где, кстати сказать, женщины лишь с 1928 г. были уравнены с мужчинами в праве голосования, установлен целый ряд ограничений избирательного права, приводящих на деле к вытеснению огромной массы трудящихся женщин из рядов избирателей. Так, в силу ценза оседлости избирателем может быть лишь тот, кто не только проживает в течение определенного срока в данном избирательном округе, но, сверх того, является самостоятельным съемщиком квартиры или комнаты. С помощью этого «приема» десятки и сотни тысяч домашних работниц и других трудящихся женщин, живущих на «чужой площади», фактически лишаются избирательных прав в этой прославленной буржуазными юристами «классической стране гражданской свободы».

В Венгрии женщина может получить избирательное право лишь при следующих условиях: если она достигла 30-летнего возраста, не менее 10 лет состоит в венгерском гражданстве, не менее 2 лет проживает в одной местности и, сверх того, удовлетворяет определенным требованиям образовательного или имущественного ценза. Что же касается фашистских стран, то, как известно, женщины в них совершенно изгнаны из участия в политической жизни.

В первые же дни прихода к власти Гитлер с наглым цинизмом заявил, что женщина самой природой предназначена исключительно для устройства семейного очага, и под этим флагом изгнал всех женщин из германского парламента.

В фашистской Финляндии действует закон, согласно которому лишаются избирательных прав лица, получающие пособия по бедности, а также состоящие под опекой. Более того, в начале 1937 г. в Финляндии введен закон, дающий право приговаривать лиц, не имеющих работы, к принудительным работам на срок до 3 лет. Ясно, что в силу этих законов сотни тысяч трудящихся женщин лишаются избирательных прав, изгоняются из всякого участия в политической жизни.

Подобное положение наблюдается и в других странах фашизма.

Наряду с указанным выше политическим бесправием женщин в капиталистических странах, нельзя также не отметить наличие установленных буржуазным законодательством крупнейших ограничений прав женщин в сфере имущественных, семейных и личных отношений.

Так, по французскому гражданскому кодексу жена обязана повиноваться мужу и следовать за ним повсюду. Замужняя женщина не имеет права ни на продажу, ни на залог своего имущества без согласия мужа (исключение из этого правила установлено лишь в отношении распоряжения женою доходами от ее личного труда).

Германское гражданское уложение лишает женщину всякой самостоятельности в области

---

[1] «Правда» от 10 июля 1935 г.
[2] «Правда» от 8 июля 1935 г.
[3] Ленин, т. XXIV, стр. 467—468.

гражданско-правовых отношений. Это вытекает уже из того, что по вступлении в брак женщина обязательно теряет свою фамилию, имущество жены поступает в управление и пользование мужа, муж решает вопрос о местожительстве и т. п. Характерно, что по Германскому гражданскому уложению (§ 824) лицо, склонившее женщину к внебрачному сожительству, а затем оставившее ее, обязывается к возмещению женщине за причиненный вред лишь в том случае, если с его стороны было проявлено «коварство, угрозы или злоупотребление зависимостью». Во всех же иных случаях (а таковых, разумеется, подавляющее большинство) женщина не имеет права на какое-либо взыскание.

С жуткой откровенностью подчеркивалось исключительно бесправное положение женщины в царской России дореволюционным гражданским законодательством.

«Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома»,— гласила ст. 107 т. X, ч. 1 Свода Законов, а ст. 108 добавляла:

«Жена обязана преимущественным повиновением воле своего супруга, хотя притом и не освобождается от обязанностей в отношении к ее родителям».

Расторжение брака между супругами было чрезвычайно затруднено и неизбежно связывалось с очень сложными и унизительными для женщины формальностями.

Целый ряд ограничений в области обязательственного и наследственного права дополнял собою картину бесправия женщины в дореволюционной России.

От гражданских законов не отставало в этом отношении и царское уголовное законодательство, содержащее в себе целый ряд гнуснейших постановлений, безгранично унижающих человеческое достоинство женщины, обрекающих ее на положение вещи.

Это проявлялось, например, в том, что в случае «похищения» замужней женщины с ее согласия она подлежала уголовной ответственности наряду с похитителем и подвергалась тюремному заключению (ст. 1582 Уложения о наказании).

Из взгляда на женщину, как на вещь, находящуюся в неограниченном распоряжении своего хозяина, вытекало и то, что русское дореволюционное уголовное право (как впрочем и большинство современных буржуазных Уголовных кодексов) совершенно не знало такого преступления, как изнасилование мужем своей жены.

Известный буржуазный криминалист проф. Фойницкий писал по этому поводу:

«Предметом его (изнасилования.— *Ю. П.*) не может быть собственная жена виновного и даже женщина, с которою он состоит в продолжающейся половой связи; если совокупление с тою женщиной достигнуто путем насилия, то возможна ответственность лишь за последнее»[1]. Иными словами, в данном случае возможна ответственность за побои, телесные повреждения и т. п., но только не за изнасилование, как таковое.

Выражением подобного же собственнического отношения к женщине служит и постановление современного Французского уголовного кодекса о том, что жена, «изменившая» мужу, подлежит тюремному заключению, тогда как муж свободен от уголовной ответственности в случае нарушения им супружеской верности. Более того, он может быть освобожден от наказания даже в том случае, если убьет свою жену, заставши ее «на месте преступления».

Количество примеров такого же рода можно было бы значительно увеличить, но думается, в этом нет надобности, так как и приведенные достаточно показывают угнетенное, бесправное положение женщины в условиях капиталистического строя.

## II

Только Великая Октябрьская социалистическая революция в нашей стране принесла женщине полное освобождение от цепей векового рабства и угнетения.

Полное уравнение женщин во всех политических и гражданских правах с мужчинами являлось одним из мероприятий, проведенных пролетарским государством сразу же после свержения власти царизма в России.

Уже 20 декабря 1917 г. Советской властью издается декрет о браках и разводах, установивший свободу развода при наличии хотя бы одностороннего заявления одного из супругов. Тем самым было положено начало семейному раскрепощению женщины. Принятый в 1918 г. первый Кодекс законов об актах гражданского состояния построен целиком на признании равенства женщины с мужчиной в сфере брачного, семейного и опекунского права. Полное равноправие женщин в нашей стране получило свое законодательное закрепление и оформление уже в первой советской конституции, принятой 10 июля 1918 года на V Всероссийском съезде советов и предоставившей трудящимся женщинам избирательные права без всяких ограничений.

В 1919 г. в статье «Великий почин» Ленин писал:

«Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщин, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п.,— законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма»[1].

Но, придавая исключительно важное значение законодательным мероприятиям, обеспечивающим равноправие женщин, подчеркивая, что «мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области», Ленин в то же время неустанно учил нас, что одних законов еще недостаточно, что настоящее и полное освобождение женщины будет достигнуто лишь на основе социалистического преобразования нашего общества, на основе социалистического уклада нашего хозяйства.

19 ноября 1918 г., в речи на I Всероссийском съезде работниц, Ленин говорил:

«Женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти

[1] И. Я. Фойницкий, Курс уголовного права, Часть особенная, 1890 г., стр. 143.

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 343.

только социализм, только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли.

Только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин» [1].

В другой речи «О задачах женского рабочего движения» Ленин говорил:

«Положение женщины в Советской России теперь таково, что оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств. Но мы говорим себе, что, конечно, это только еще начало.

Положение женщины, при ее занятии домашним хозяйством, все еще остается стесненным. Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство, и было участие женщины в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина» [2].

С тех пор, как были произнесены эти слова, прошло 18 лет. За эти героические годы социалистического строительства, под гениальным руководством партии Ленина — Сталина, коренным образом преобразовалось лицо нашей страны. Союз Советских Социалистических Республик стал могущественной индустриальной державой и страной социалистического, самого крупного в мире сельского хозяйства. У нас окончательно уничтожены эксплоататорские классы, а тем самым уничтожена и возможность эксплоатации человека человеком. В беспощадной, непримиримой борьбе с троцкистско-зиновьевскими и бухаринско-рыковскими шпионами и предателями в нашей стране построено первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян. Социализм в СССР победил окончательно и бесповоротно во всех областях народного хозяйства, государственного управления, культуры и быта.

«Наше общество добилось того, что уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм» [3].

В исторической речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. товарищ Сталин говорил:

«На наших фабриках и заводах работают без капиталистов. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом на деле. На наших полях работают труженики земли без помещиков, без кулаков. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом в быту, это и называется у нас свободной социалистической жизнью» [4].

Величественные победы социализма в нашей стране записаны золотыми буквами на скрижалях Сталинской Конституции. Отличительной особенностью нашей Конституции является последовательно и до конца проведенный ею принцип социалистического демократизма, выражающийся в том, что предоставленные гражданам демократические свободы и права реально обеспечены социалистической системой нашего хозяйства, всей мощью нашего Советского государства.

Несомненно, что одним из ярких проявлений социалистического демократизма является осуществление в нашей стране полного равноправия женщин, равноправия не только юридического, но и фактического, равноправия, гарантируемого и обеспечиваемого великими завоеваниями социализма.

Это огромнейшее завоевание получило законодательное оформление в статье 122 Сталинской Конституции, которая гласит:

«Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов».

Гениальный прогноз Ленина блестяще подтвердился. Величайшие победы социализма, достигнутые под руководством коммунистической партии и вождя народов товарища Сталина, обеспечили женщинам нашей страны действительное и полное равенство с мужчинами во всех отраслях народнохозяйственной и общественно-политической жизни. Наша советская женщина наравне с мужчиной является активным строителем социализма. Об этом весьма красноречиво говорит прежде всего огромный рост женщин — работниц и служащих в различных отраслях нашего народного хозяйства. Если в 1929 г. число женщин, работающих в крупной промышленности, составляло 939 тыс., то в 1936 г. оно достигло 2 908 тыс., т. е. возросло более чем в 3 раза. За тот же период число женщин, работающих на транспорте, увеличилось со 104 тыс. до 446 тыс., т. е. возросло в 4,3 раза. В целом же по всему народному хозяйству количество работающих женщин за период с 1929 г. по 1936 г. возросло с 3 304 тыс. до 8 492 тыс. чел., т. е. в 2,5 раза.

При этом женщины составляли в 1936 г. 34% по отношению ко всем работающим [1].

Десятки и сотни тысяч женщин занимают командные посты в нашем хозяйстве. Уже в 1936 г. в одной только крупной промышленности работало 82 тыс. женщин в качестве инженеров и техников. В научно-исследовательских институтах женщины составляют 29% к общему количеству научных сотрудников, в числе профессоров и преподавателей в высших учебных заведениях женщины составляют 15%.

Не менее ярко проявляется роль женщины в колхозном строительстве. Коллективизация сельского хозяйства нанесла сокрушительный удар женскому неравенству, с корнем уничтожила основу темноты и отсталости женских масс деревни. Свыше 18 млн. женщин состоят в кол-

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 286.
[2] Ленин, т. XXIV, стр. 469.
[3] Сталин, О проекте Конституции Союза ССР», Партиздат, ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 16—17.
[4] Сталин, «Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы», «Правда», 12 декабря 1937 г.

[1] Статистический сборник «20 лет Советской власти», Партиздат, ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 91.

хозах и активно участвуют в развитии нашего социалистического сельского хозяйства.

10 ноября 1935 г. на приеме колхозниц-ударниц товарищ Сталин говорил:

«Только колхозная жизнь могла уничтожить неравенство и поставить женщину на ноги. Это вы сами хорошо знаете. Колхоз ввел трудодень. А что такое трудодень? Перед трудоднем все равны — и мужчины, и женщины. Кто больше трудодней выработал, тот больше и заработал. Тут уж ни отец, ни муж попрекать женщину не может, что он ее кормит».

И дальше:

«Трудоднями колхоз освободил женщину и сделал ее самостоятельной. Она теперь работает уже не на отца, пока она в девушках, не на мужа, когда она замужем, а прежде всего на себя работает. Вот это и значит освобождение женщины-крестьянки, это и значит колхозный строй, который делает женщину трудовую равной всякому мужчине трудовому».

Колхозный строй обеспечил женщине-крестьянке полную экономическую самостоятельность. Об этом красочно говорят следующие цифровые данные: из 377 трудодней, выработанных в 1936 г., на одно хозяйство приходится на колхозниц 135 трудодней, что составляет 35,8% ко всему количеству выработанных трудодней [1].

Всем памятны замечательные слова товарища Сталина о том, что «Женщины в колхозах — большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело» [2].

Это указание товарища Сталина удесятерило уверенность женских масс в своих силах и явилось мощным рычагом для выдвижения женщин на руководящую работу в колхозах. Уже в 1936 г. женщины составляли:

| | |
|---|---|
| Члены правлений колхозов | 18% |
| Зав. животноводческими фермами | 16% |
| Бригадиры животноводческих бригад | 22% |
| Звеньевые | 67% |
| Заведующие клубами | 11% |
| Агрономы МТС | 10% [3] |

Нет сомнения, что в дальнейшем выдвижение женщин на руководящую работу в колхозах будет еще более значительным.

Все эти данные наглядно показывают, что у нас полностью осуществлено право женщины на труд, что социализм открыл советской женщине широчайшие возможности для применения ее знаний и способностей на разнообразнейших участках производительного, творческого труда. Стахановское движение, выросшее на незыблемой основе общественной, социалистической собственности, новейшей техники и сталинской заботы о кадрах, широко охватило женские массы трудящихся, выдвинуло из среды работниц и колхозниц множество знатных людей, перекрывших все ранее существовавшие нормы производительности труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Совершенно правильно отмечает «Правда», что «За короткое время выросло в нашей стране множество героинь, выковался совершенно новый тип женщины свободного социалистического труда.

Гармонически развиваются ее физические, интеллектуальные и моральные качества. Она — активный строитель социализма, она — политическая сила, она — свободный и равноправный член семьи».

Только в нашей стране осуществлено в полной мере право женщины на образование и созданы все условия для выбора и получения интересующей ее специальности и квалификации.

Из года в год неуклонно растет число женщин, обучающихся в высших учебных заведениях и техникумах. Если в 1928 г. в вузах училось 48 тыс. женщин, то в 1936 г. это количество увеличилось до 198,5 тыс., т. е. в 4 раза, причем женщины составляют 40% к общему числу студентов вузов.

В техникумах число учащихся женщин возросло за период с 1928 г. по 1936 г. с 73 тыс. до 289 тыс. При этом весьма характерно, что наибольший рост учащихся-женщин имеет место в промышленности, строительных, транспортных и сельскохозяйственных учебных заведениях.

Нет надобности доказывать тот факт, что в отношении права на отдых и права на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и утраты трудоспособности, женщина в нашей стране полностью уравнена в правах с мужчиной. Эти права реально обеспечены введением 7-часового рабочего дня для подавляющего большинства предприятий, установлением обязательных ежегодных отпусков с сохранением зарплаты, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети курортов, домов отдыха, санаториев, обязательной системой социального страхования, бесплатной медицинской помощью и т. д.

Но наше социалистическое государство не только обеспечило женщине полное равноправие, оно, помимо этого, проявляет исключительную заботу о женщине-матери, воспитательнице молодого поколения. Советская система охраны материнства и младенчества вызывает чувство законной гордости и восхищения граждан нашей страны.

С первых же дней пролетарской революции задача охраны интересов матери и ребенка была выдвинута как одна из важнейших задач социалистического строительства в нашей стране. Уже в 1918 г. у нас было создано в 10 раз больше консультаций и в 50 раз больше яслей, чем их было создано за все время в царской России.

Предоставление 4-месячного отпуска по беременности работницам и служащим с сохранением заработной платы, выдача специальных пособий на кормление ребенка, льготы для беременных женщин, запрещение в отказе в приеме на работу в связи с беременностью и запрещение увольнения беременных женщин, широкая сеть родильных домов, детяслей и детсадов — все эти мероприятия охраняют здоровье матери и ребенка, облегчают женщине рождение и воспитание детей, делают радостным материнство.

Согласно Сталинскому Уставу сельскохозяйственной артели, беременные колхозницы полностью освобождаются от работы на месяц до родов и на месяц после родов, с сохранением

---

[1] Статистический сборник «20 лет Советской власти», Партиздат ЦК ВКП(б), стр. 93.

[2] Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10, стр. 534.

[3] Статистический сборник «20 лет Советской власти», Партиздат ЦК ВКП(б) 1937 г., стр. 93.

заработка в течение указанного периода. Тем самым впервые в истории человечества крестьянка получила право на отдых в связи с беременностью и возможность неограниченного пользования медицинской помощью.

Какая огромная работа проведена Советским государством в области охраны материнства и младенчества, можно видеть из следующей таблицы:

| | На 1 января | | Рост по сравнению с 1914 г. |
|---|---|---|---|
| | 1914 г. | 1937 г. | |
| Число коек в постоянных яслях | 550 | 627 817 | 1 141 5 |
| Число консультаций (учреждений) охраны материнства и младенчества | 9 | 4 175 | 463,9 |
| Число посещений в них за год (в тыс.) | 44 | 39 300 | 893,2 |
| Число родильных коек (врачебных и акушерских) в больницах и родильных домах | 6 824 | 81 342 | 11,9 |
| Число детских молочных кухонь | не было | 1 509 | — |

Эти цифры красноречиво говорят об огромных успехах, достигнутых нами в деле охраны материнства и младенчества.

Историческое постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов, изданное на основе крупнейших хозяйственных успехов, роста материального благосостояния и культурного уровня трудящихся масс, представляет собою новое выражение заботы партии и правительства о здоровьи и всемерной охране прав и интересов матери и ребенка.

Указанное постановление, запрещая производство абортов, усиливая уголовную ответственность за злостный неплатеж алиментов на содержание детей, заключает в себе, как известно, обширную программу мероприятий, направленных на дальнейшее улучшение обслуживания матери и ребенка, и предусматривает ассигнование для указанной цели огромных средств.

Проведение в жизнь постановления от 27 июня 1936 г. дало большие положительные результаты: производство незаконных абортов очень резко сократилось, значительно улучшилось дело взыскания средств на содержание детей, построено множество новых родильных домов и детских учреждений. С момента издания Постановления выплачено пособий многодетным матерям свыше 1 млрд. руб., в течение 1937 г. было отпущено на строительство детских яслей более 1 млрд. руб., на детские сады — 1 млрд. 167 млн. руб. Закон от 27 июня 1936 г. является подлинным выражением торжества социалистического строя и воплощением в жизнь великой идеи социалистического гуманизма.

Колоссальная работа проделана коммунистической партией и советским государством по раскрепощению и освобождению женщин Востока и крайнего Севера. Общеизвестно, что именно здесь положение женщины при царизме было особенно тяжелым.

Она подвергалась неслыханному угнетению. Она не только была полностью изолирована от участия в общественной жизни, но и в семье являлась лишь «говорящей вещью», рабой, целиком подвластной своему хозяину — мужу или отцу. И эта недавняя рабыня выведена советской властью на широкую дорогу свободной, творческой жизни. Сейчас женщина Востока и крайнего Севера — свободная гражданка нашей Великой родины, она вместе и наравне с мужчиною активно участвует в социалистическом строительстве, и всякое посягательство, направленное на ущемление ее политических и гражданских прав, рассматривается у нас как преступное деяние.

Это величайшее завоевание нашло свое законодательное закрепление в конституциях союзных республик.

Так, ст. 107 Конституции Таджикской ССР, говорящая о полном равноправии женщины с мужчиной, добавляет, что

«Сопротивление фактическому раскрепощению женщин (выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, в государственное управление и общественно-политическую жизнь) — карается законом».

Аналогичные постановления содержатся в ст. 99 Конституции Туркменской ССР, ст. 121 Конституции Узбекской ССР и ст. 93 Конституции Киргизской ССР.

На заботы и внимание со стороны партии и правительства советская женщина отвечает безграничной преданностью делу социализма и активным участием в общественно-политической жизни и государственном управлении. Об этом наглядно говорят следующие данные: если в выборах сельских советов в 1924 г. принимало участие 19,9% женщин-избирательниц, то в последующие годы это участие выражалось так: в 1926 г.— 28,7%, в 1927 г.— 30,1%; в 1929 г.— 46,9%; в 1930 г.— 61,7%; в 1934 г.— 80,3%.

В выборах городских советов в 1934 г. принимало участие 90% женщин-избирательниц.

В результате избирательной кампании 1934 г. женщины, выбранные в качестве председателей и членов сельских советов, составляли 26,2% к общему составу членов сельсоветов. В городские советы было избрано 30,4% женщин.

А вот данные, говорящие о росте политической активности женщин в национальных республиках.

В Узбекской республике в 1926 г. явка женщин на выборы составляла 7,8%, а в 1934 г.— 72%. В Туркмении в 1927 г.— 2,5%, а в 1934 г.— 73%; в Таджикской республике в 1929 г.— 22%, а в 1934 г.— 67%.

[1] Статистический сборник «20 лет Советской власти», Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 94.

В этих цифрах полное подтверждение гигантских успехов социализма, торжества принципов советского демократизма.

Дальнейшее укрепление и расширение базы диктатуры рабочего класса, дальнейшее развитие последовательного социалистического демократизма, воплощенные в Сталинской Конституции и вытекающем из нее избирательном законе СССР, обеспечили еще значительно большую активность женщин в государственной и общественной жизни нашей страны.

Ярким свидетельством этого служат выборы высшего органа государственной власти Союза — Верховного Совета СССР.

Это были первые в истории человечества выборы, в которых участвовала почти поголовно вся масса избирателей и в том числе избирателей-женщин. Свыше 90 млн. чел., т. е. 96,5% к общему числу избирателей, единодушно явившись к избирательным урнам, столь же единодушно отдали свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, продемонстрировав тем самым невиданное морально-политическое единство многонационального советского народа и полное одобрение политики Сталинского Центрального комитета партии и советского правительства. Активнейшее участие женщин в избирательной кампании, избрание 184 женщин в качестве депутатов Верховного Совета СССР, является показателем колоссального политического роста советских женщин и их безграничной преданности делу партии Ленина — Сталина, делу коммунизма.

Ленин учил нас, что «... начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строительства, мы уверены, будет упрочено... Тогда социалистическое строительство будет стоять в России так прочно, что никакие внешние враги в других странах и внутри России не будут Советской республике страшны» [1].

То, что предвидел Ленин почти два десятка лет тому назад, является в наши дни совершившимся фактом. Женщина в нашей стране стала огромной политической, организаторской и культурной силой.

Под гениальным руководством вождя народов товарища Сталина десятки миллионов советских женщин плечом к плечу с мужчинами строят коммунистическое общество, твердо и беззаветно стоят на защите великих завоеваний нашей социалистической родины.

ГУРАЛЬ

# Несколько критических замечаний о работе Московской городской прокуратуры

В прошедшем 1937 г. работа Московской городской прокуратуры в области судебной проводилась крайне неудовлетворительно. Не было чувства ответственности со стороны районных прокуроров и бывшего руководства городской прокуратуры за этот участок работы. Большинство районных прокуроров рассматривало такую политически ответственную и вместе с тем очень интересную работу, какой является выступление в суде, как одну из самых неприятных своих обязанностей, поручая поддержание государственного обвинения своим помощникам и даже следователям. Многие прокурорские работники г. Москвы избегают публичных выступлений на суде.

Понятно, что публичное выступление в качестве представителя государственного обвинения, особенно в так называемых показательных процессах, требует глубокой и тщательной подготовки, высокой политической, юридической и общей культуры. К нашему стыду надо признать, что довольно большой процент работников столичной прокуратуры не отвечает этим требованиям. Надо прямо сказать, что выступления некоторых прокуроров производят порой самое жалкое впечатление: обвинительная «речь» полна неестественных заиканий, обстоятельства дела перепутаны, фамилии свидетелей и даже обвиняемых искажены. Положение ухудшается, когда усилиями защиты прокурор превращается в «избиваемого младенца». Такие судебные процессы только дискредитируют прокуратуру, путают суд, оставляют скверное впечатление. Следует отметить, что в неприятное положение попадают довольно часто и опытные прокуроры, имеющие большой стаж работы. Объясняется это, главным образом, их пренебрежительным отношением к публичным выступлениям и отсутствием подготовки к ним. Вместо того чтобы тщательно изучить дело, прокурор иногда рассчитывает ознакомиться с делом в процессе судебного следствия, и, конечно, просчитывается, попадая в самое неприятное положение. Как это ни странно, очень много прокуроров не желают повышать свою юридическую квалификацию. Они мало читают (а некоторые и совершенно не читают) соответствующую литературу, игнорируют посещение специальных собраний, лекций, сильно отставая от общего культурного уровня юристов. Такой прокурор, попадая во время выступлений несколько раз «в переплет», естественно, начинает побаиваться публичных выступлений. К таким выступлениям не побуждает его и руководство. Только этим можно объяснить, что некоторые прокуроры в прошлом году выступали в суде по одному разу за целое полугодие, а некоторые — ни разу. Так, прокурор Свердловского района в первом полугодии выступил 3 раза, во втором — 1 раз. Прокурор Фрунзенского района в первом полугодии выступил 2 раза, во втором — 1 раз. Соревнуясь с ним, прокурор Куйбышевского района т. Вишняков в первом полугодии выступил 4 раза, а во втором, «почивая на лаврах», не выступал ни разу. Прокурор Пролетарского района т. Сироткин в первом полугодии выступил 2 раза, во втором — ни разу. «Пальму первенства» заслуживает прокурор Краснопресненского района т. Смирнов, который в первом полугодии совершенно не выступал, а во втором полугодии выступил всего один раз.

Таковы показатели по одному из видов судеб-

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 472.

ной работы столичных прокуроров. Квалифицировать их отношение к этой работе мы предоставляем читателям.

По средним цифрам выступлений в суде всех районных прокуроров г. Москвы получается, что население столицы в 1937 г. не видало в суде прокурора по целым кварталам и полугодиям. Это позорно и об этом следует не только громко заявить, но и сделать из этого организационные выводы. Дальше так работать мы не имеем права.

Работа в кассационной коллегии Московского городского суда не может быть признана достаточной, и ее состояние свидетельствует о слабости судебной работы уголовно-судебного отдела городской прокуратуры. Мы не будем приводить цифр, ибо не они в данном случае определяют положение вещей. Штат прокуроров по надзору за кассационной коллегией укомплектован не был, а наличные работники часто отвлекались для выполнения других поручений. Необходимых условий для успешной работы прокурорам в городском суде обеспечено не было, работа прокуроров по кассационной коллегии никем не проверялась и прокуроры, как правило, не инструктировались. Кроме этого, надо сказать, что этот отдел прокуратуры не оправдал своего назначения и требует коренной перестройки и «омоложения».

В области судебно-надзорной работы столичная прокуратура также не может похвастаться достижениями. Из всего количества принесенных протестов только 40% принесено в порядке ст. 349 УПК, то есть в кассационный срок. Это говорит о том, что прокуроры столицы не следят за приговорами судов, причем сама проверка приговоров и жалоб обвиняемых прокурорами и их помощниками производится без должного внимания. В подтверждение такого вывода можно сослаться на довольно яркие примеры.

Помощник прокурора Таганского района т. Евсеев, рассмотрев жалобу гражданина К. на приговор народного суда Таганского района, которым тот был осужден по ст. 118 УК к 1 году исправтрудработ, отказал в ходатайстве о затребовании этого дела для проверки. Прокурор в своем постановлении в качестве единственного и «неопровержимого» аргумента против всех доводов заявителя выдвигает следующее: «Факт дачи взятки весовщику Л. агентом К. подтверждается материалами дела». Дело было проверено городской прокуратурой и оказалось, что К. был осужден за то, что, желая получить колбасы, больше чем ему полагается, дал, якобы, взятку весовщику экспедиции Л. Факт дачи взятки К. отрицает. По делу видно, что факт дачи взятки, якобы, видели свидетели Л. и К., но судом они не были допрошены, и поэтому приговор не может быть признан убедительным. По протесту городской прокуратуры приговор народного суда был отменен и дело возвращено на новое рассмотрение.

Прокурор Дзержинского района т. Зотов, рассмотрев жалобу главного механика одного из заводов, осужденного по ст. 133 ч. 3 УК к 1 году исправтрудработ за несчастный случай с рабочим М., отказал затребовать дело на том основании, что Г. не принял мер к ограждению мотора, вследствие чего М. упал на мотор и сломал себе руку. В результате проверки дела выяснилось, что основной причиной травматического случая было то, что М. упал с подмостков, которые не были достаточно прикреплены, а мотор здесь был не при чем. Наблюдение за состоянием подмостков не входило в компетенцию Г. Все это было ясно из приговора и жалобы Г., но районный прокурор почему-то не заметил этого. Приговор в отношении Г. по протесту городской прокуратуры отменен и дело о нем прекращено.

В постановлении по делу Г. помощник прокурора Октябрьского района т. Гамарьян, отказывая заявителю в жалобе на приговор, по которому обвиняемый осужден на 3 года лишения свободы по ст. 141 УК, пишет: «Приговор народного суда и определение КК МГС является правильным, так как ими на основе проверки материалов дела установлено, что Г. систематическими преследованиями и оскорблениями Х. довел последнего до самоубийства». Текст постановления приводится нами дословно. Его трафаретность и бессодержательность бросаются в глаза. Обращаясь к тексту приговора, мы узнаем, что Г., проживая на площади в 50 метров, сдавал комнату за 20 руб. потерпевшему Х. и некоему С. Желая выжить их из комнаты, он систематически напивался, устраивал скандалы и грозил Х., что он его выселит, не давал дров для топки, а также издевался над женой Х. Гражданке С. он не давал сушить пеленки для ребенка Х. Судя по обстоятельствам дела, в действиях Г. нет состава преступления, предусмотренного ст. 141 УК. При проверке же дела был обнаружен целый ряд противоречий, допущенных следствием, проведенным милицией. Приговор по протесту был отменен и дело возвращено на доследование.

По Москве продолжают рассылаться трафаретные «извещения» прокурора Куйбышевского района, которыми т. Вишняков заменяет постановления по жалобам. Вот образец такого «извещения»: «Сообщается, что оснований к протесту на приговор нарсуда и определение КК МГС нет, дело разрешено в соответствии с показаниями свидетелей на предварительном и судебном следствии. Рекомендую обратиться в комиссию частных амнистий ЦИК СССР, для применения частных амнистий».

Обвиняемый Ш., например, не послушался т. Вишнякова и обратился с жалобой прямо в прокуратуру г. Москвы, по протесту которой приговор народного суда был изменен с переквалификацией преступления и снижением меры наказания.

Надо сказать, что т. Вишняков вообще не особенно стесняется с посетителями прокуратуры Куйбышевского района. До его сознания еще, очевидно, не дошли ни Сталинская Конституция, ни специальные указания правительства и партии о внимательном и чутком отношении к гражданам нашей родины. Совсем недавно т. Вишняков, по неизвестным мотивам, буквально выгнал на улицу посетителей, пришедших к нему на прием раньше назначенного для приема времени. Полагаем, что т. Вишняков заслуживает пристального внимания руководства городской прокуратуры.

Пренебрежительное отношение прокуроров к судебно-надзорной работе приводит к тому, что незаконные и мягкие приговоры остаются неопротестованными.

Вот хотя бы один пример:

25 июля 1937 г. гражданин З. был осужден народным судом 2 участка Пролетарского рай-

она за то, что, работая мотористом мотовоза и управляя последним, видел на путях ЗИС идущего ему навстречу гр. З. и, зная, что с правой стороны габарит платформы не допускает прохода человека, не остановил мотовоза. В результате З. был задет мотовозом и убит. Народный суд приговорил Г. по ст. 145 ч. 1 УК к 1 году исправтрудработ. Несмотря на то, что следствие и суд явно неправильно квалифицировали преступление Г., прокурор Пролетарского района Сироткин, проверяя жалобу Г. в порядке надзора, оставил ее без удовлетворения, не обратив внимания на неправильную квалификацию преступления и недопустимую мягкость приговора. За него это сделала городская прокуратура, протест которой был удовлетворен.

Количество принесенных протестов также весьма характерно для определения состояния этого участка работы. Тот же прокурор Куйбышевского района т. Вишняков за второе полугодие прошлого года принес всего восемь протестов и ни одного в кассационный срок, городская прокуратура по делам того же района принесла шесть протестов. По некоторым районам, например, по Краснопресненскому району, количество принесенных протестов больше, чем число протестов районного прокурора т. Смирнова. Он во втором полугодии принес 8 протестов, а уголовно-судебный отдел городской прокуратуры по делам того же района 12. Выходит, что городская прокуратура по его району уделяет больше внимания судебно-надзорной работе.

Качество протестов райпрокуроров очень низкое. Одна треть их была отклонена городским судом.

Например, как можно было приносить протесты по таким делам.

Гр. Р., политработник одного из аэроклубов, осужден народным судом по ст. 110 ч. 1 УК к 3 годам лишения свободы. Прокурор района Сироткин просит в своем протесте заменить Р. лишение свободы исправительно-трудовыми работами, так как обвинение Р. сводится, якобы, к тому, что в ссоре с техником аэроклуба К. нанес ему легкие побои. Из материалов дела видно, что Р., находясь при исполнении служебных обязанностей, избил техника К., нанеся ему серьезные телесные повреждения, и предложил стрелку охраны стрелять в К. Протест не был поддержан горпрокуратурой.

15 октября 1937 г. президиум Московского городского суда по протесту прокурора г. Москвы отменил приговор народного суда по делу К. и Р., осужденных по ст. 133 УК. Дело было возвращено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Несмотря на это, прокурор Ленинского района написал протест на постановление президиума МГС в форме докладной записки, направив дело в прокуратуру РСФСР. 14 декабря 1937 г. Прокуратура РСФСР совершенно правильно разъяснила прокурору т. Черенкову, что протест надо направлять через прокуратуру г. Москвы. В результате подобного действия дело совершенно неосновательно было задержано расследованием на полтора месяца.

Прокурор Ленинградского района т. Золотов, потерпев в президиуме МГС неудачу с протестом на определение КК о возвращении на доследование со стадии предварительного следствия дела Т. по ст. 111 УК, решил направить дело с протестом в Верховный суд, минуя прокуратуры г. Москвы и РСФСР. Дело вернулось из Верховного суда вначале в прокуратуру РСФСР, а затем в прокуратуру г. Москвы, с указанием о неправильном направлении протеста. Дело переходило из одной инстанции в другую долгое время и не расследовалось, тогда как материалы дела указывали на необходимость выяснения серьезных обстоятельств о пожаре на заводе оборонного значения, не выявленных при первом расследовании. Легкомысленное отношение к работе и желание прокурора избавиться от дела здесь очевидны. Тот же прокурор Ленинградского района т. Золотов в частном протесте по делу допустил ряд неуместных выпадов по адресу судьи, под председательством которого подготовительное заседание вынесло определение о возвращении дела на доследование со стадии предварительного следствия. В этом протесте написано: «Председательствующий видимо совершенно не заглянул в дело... судья не удосужился по обложке дела и обвинительному заключению даже прочесть фамилию обвиняемого, именуя его в определении другой фамилией. Прошу указать судье на недопустимую небрежность при работе и отсылку дел к доследованию без оснований, ради видимой разгрузки участка». Такая редакция судебных бумаг совершенно недопустима и подчеркивает лишь непонимание автором роли суда и взаимоотношений прокурора и суда. Проверка дела полностью подтвердила правильность вынесенного определения народного суда, причем оказалось, что дел не читал не судья, а сам прокурор. Такого рода примеры, к сожалению, не единичны.

Не безынтересна приводимая ниже таблица, показывающая характер протестов, принесенных уголовно-судебным отделом городской прокуратуры (стр. 46).

Особо обращает на себя внимание сравнительно большое количество протестов, принесенных по мотивам неправильного предания суду. Это лишний раз говорит о недопустимом, огульном привлечении к ответственности. Такая практика должна быть немедленно прекращена.

Огромный процент протестов, принесенных по мотивам неправильной квалификации преступлений, свидетельствует о низком юридическом уровне следователей, прокуроров и судей.

Просмотрев 169 протестов районных прокуроров, городская прокуратура отклонила 44 протеста. Вот некоторые дела, по которым протесты не были пропущены:

Обвиняемый К. был осужден народным судом по ст. 182 УК к полутора годам лишения свободы за хранение без разрешения финского ножа. КК МГС дело прекратила. Районный прокурор принес протест, который поддержан не был, так как осмотр вещественных доказательств показал, что так называемый «финский нож» представляет собой негодную самодельную вещь, которая не может быть признанной холодным оружием.

Прокурор Бауманского района принес протест на приговор народного суда, которым гр. З. по ст. 111 УК был оправдан. З. работал заведующим базой «Плодоовощь» и обвинялся в том, что, уволив сторожа базы, несвоевременно принял на работу другого сторожа, в результате чего был период времени, когда база не охранялась и в это время было похищено товаров на 4 тыс. руб. Протест по существу был правильный, но принесен был спустя 4 месяца

| Мотивы протестов | Характер дел | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | хищения, растраты, кражи имущества и др. корыстные преступления | спекуляция, обмер, приписки, обвешивание | другие должностные преступления | нарушение правил техники безопасности | аварии на транспорте | хулиганство | преступления против личности | разные | итого |
| Наруш. ст. 415 п. 2 (неправильное предание суду) | 12 | 3 | 11 | 2 | 2 | — | 3 | 1 | 34 |
| Нарушение ст. 417 УПК (жест. пригов.) | 37 | 2 | 6 | 4 | 4 | 9 | 5 | 3 | 70 |
| Неправильн. оправдательный пригов. | 4 | — | 1 | 2 | 3 | 2 | 3 | — | 15 |
| Слишком мягкий приговор | 4 | 1 | 1 | — | 5 | 1 | 2 | 2 | 16 |
| Нарушение ст. 414 УПК (неполнота следствия) | 25 | 4 | 4 | 5 | 3 | 7 | 11 | 1 | 60 |
| Нарушение ст. 416 УПК (неправильная квалификация преступления) | 57 | 2 | 2 | 1 | 7 | 5 | 1 | — | 75 |
| Нарушение ст. 415 УПК (нарушение процесса) | 3 | — | — | 2 | — | — | 1 | 1 | 7 |
| Другие мотивы протеста | 12 | 1 | 2 | — | 2 | 1 | 1 | 1 | 20 |
| Итого | 154 | 13 | 27 | 16 | 26 | 25 | 27 | 9 | 297 |

после вынесения приговора и потерял актуальность.

Далеко неблагополучно обстоит дело с принесением протестов непосредственно уголовно-судебным отделом городской прокуратуры. Из принесенных 211 протестов президиум Московского городского суда отклонил 49, то есть 23%.

В порядке самокритики приводим следующие примеры неосновательных протестов, правильно отклоненных Московским городским судом.

Народный суд осудил бухгалтера Н. по ст. 109 УК к полутора годам лишения свободы, установив его систематические злоупотребления служебным положением, выразившиеся в увеличении фонда зарплаты и присвоении разницы с соучастником по делу С. Кроме того, Н. лично растратил 2 780 руб. и своими преступными действиями причинил ущерб государству в 6 749 руб. Прокуратура неосновательно принесла протест по делу, с просьбой применения к осужденному ст. 53 УК, исходя из того, что он в прошлом не судим и внес 2 000 руб. Такой протест не отклонить нельзя было.

Обвиняемый Л. осужден народным судом по ст. 182 ч. 1 УК к полутора годам лишения свободы за хранение без разрешения револьвера системы Браунинг с 7 боевыми патронами. Прокуратура просила в порядке ст. 419 УПК заменить осужденному лишение свободы — исправительно-трудовыми работами по месту службы сроком на 1 год, основывая свою просьбу на хорошей производственной и общественной характеристиках осужденного. Приведенные мотивы были явно недостаточны для принесения протеста, имея в виду исключительную серьезность преступлений, предусмотренных ст. 182 УК.

Несколько слов об отношении к молодым кадрам и соцсовместителям. Мы не умеем оценивать их, не умеем передавать им опыт и вообще работу с ними относим к неприятной нагрузке. Отсюда и качество их работы. Мы не будем приводить примеров, когда неподготовленного работника, не усвоившего еще элементарные сведения о судебном процессе, направляли в судебное заседание для поддержания государственного обвинения. Там, будучи предоставлен самому себе, представитель государственного обвинения не помогал, а мешал суду и в глазах аудитории дискредитировал прокуратуру. После такого выступления этот товарищ терял вкус к выступлениям в суде и желание совершенствоваться.

Решения январского пленума ЦК ВКП(б) настоятельно диктуют необходимость коренной перестройки работы органов прокуратуры.

Прокуратура г. Москвы должна показать в этом отношении пример, и быть на уровне задач, поставленных перед органами Прокуратуры великой Сталинской Конституцией.

М. САВИЦКИЙ

# Некоторые вопросы применения амнистии к XX годовщине РККА

В ознаменование XX годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота президиум Верховного Совета Союза ССР принял ряд актов большого политического значения.

Одним из этих актов является указ об амнистии, который гласит:

«В ознаменование 20-летия существования Рабоче-Крестьянской Красной Армии освободить из-под стражи и от других, связанных с приговором, дополнительных мер наказания всех военнослужащих, впервые приговоренных к лишению свободы на срок до 3 лет включительно, кроме лиц, осужденных за государственные пре-

ступления, и снять судимость с условно осужденных военнослужащих.

Настоящую амнистию распространить также на военнослужащих, дела о которых находятся в стадии расследования по преступлениям, влекущим за собой наказание не свыше 3 лет лишения свободы».

Первый вопрос, на котором следует остановиться, это вопрос о круге лиц, подпадающих под действие амнистии. Как видно из текста указа, этот круг лиц не совпадает с субъектом воинского преступления (ст. 193[1] УК РСФСР) и с кругом лиц, подсудных военным трибуналам (ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре).

Амнистия распространяется только на военнослужащих в собственном смысле, то есть на лиц, состоящих на действительной военной службе в РККА, Военно-Морском Флоте, пограничных и внутренних войсках НКВД.

Следовательно, амнистия не должна применяться: а) к военнообязанным, которые проходят допризывную подготовку или состоят в запасе, хотя бы они совершили преступление во время нахождения на учебных сборах; б) к работникам военизированных организаций (милиция, гражданский воздушный флот, Осоавиахим, военизированная охрана и др.), которые во многих отношениях приравнены к военнослужащим, но все же военнослужащими не являются.

Этим, однако, данный вопрос не исчерпывается.

Закон об обязательной военной службе знает три вида действительной военной службы: служба в кадровом составе РККА, которая для рядового состава слагается из непрерывной (срочной) службы в частях РККА длительностью в 2 и более года и из состояния в долгосрочном отпуску, во время которого военнослужащий призывается на продолжительные учебные сборы; служба в переменном составе территориальных частей, которая слагается из учебных сборов определенной продолжительности и междусборовых периодов (отпуска); вневойсковая подготовка, которая также слагается из учебных сборов и междусборовых периодов (отпуска).

Все эти лица по закону считаются военнослужащими, но их положение явно неодинаково. В то время, как кадровый состав длительное время непрерывно находится на службе в воинских частях, переменный состав территориальных частей и, особенно, вневойсковики лишь меньшую часть своей военной службы проводят собственно в рядах армии, т. е. на учебных сборах, а большую часть времени находятся на обычном гражданском положении.

Совершенно очевидна необходимость дифференцированного применения амнистии к этим различным категориям военнослужащих.

В отношении командного и начальствующего состава, кадра и рядового, непрерывной (срочной) службы амнистия должна быть применена независимо от того, совершено ли преступление до или во время военной службы. В отношении же переменников, вневойсковиков и состоящих в долгосрочном отпуску применение амнистии должно быть ограничено преступлениями, совершенными этими лицами на учебных сборах или в связи со сборами.

В пояснение нашей мысли приведем несколько примеров.

Гр. А. был приговорен до военной службы к условному наказанию. Ко времени опубликования указа об амнистии он находился на действительной военной службе в кадрах РККА (или рядовым на срочной службе). Должна ли быть к нему применена амнистия в виде снятия судимости? На этот вопрос нужно дать положительный ответ.

Гр. Б. совершил должностное преступление до военной службы. Осужден же он был за это преступление уже во время нахождения на действительной военной службе в кадрах армии. При этом назначенное ему наказание не превышает срока предусмотренного указом. Амнистия должна быть применена и в этом случае.

Ничто не меняется в случае с гр. Б., если его дело к моменту опубликования указа об амнистии еще находилось в стадии расследования. Если санкция статьи Уголовного кодекса, по которой он несет ответственность, не превышает 3 лет, дело подлежит прекращению по амнистии.

И уже само собой разумеется, что амнистия должна быть применена, если преступление, подходящее по своему характеру под ее действие, совершено военнослужащим во время нахождения его на действительной военной службе в кадрах армии (во время непрерывной службы — для рядового состава). При этом не имеет значения время возбуждения уголовного преследования и рассмотрения дела судом, так как с точки зрения действия амнистии во времени важно одно условие: совершение преступления до опубликования акта об амнистии.

Примеры другого порядка:

Переменник А. или вневойсковик (либо состоящий в долгосрочном отпуску) совершил в междусборовый период простую кражу. Амнистия на него не распространяется.

Переменник Б., находясь на учебном сборе, промотал выданное ему обмундирование. Амнистия должна быть применена.

Таково первое условие применения указа об амнистии.

Может возникнуть вопрос о применимости амнистии к бывшим тылополченцам. На этот вопрос надо ответить отрицательно. Тыловое ополчение не было видом военной службы. В тыловое ополчение зачислялись нетрудовые элементы, лишенные избирательных прав, и лица, пораженные в правах по суду. И те и другие были лишены права защищать нашу родину с оружием в руках, и на них закон возлагал «выполнение иных обязанностей по обслуживанию обороны Союза ССР». Служба в тыловом ополчении не была, таким образом, действительной военной службой. Она была особой государственной повинностью, заменявшей для некоторых категорий граждан военную службу.

В качестве второго условия применения амнистии указ Президиума Верховного Совета СССР устанавливает первую судимость.

Отсюда следует, что отбывающие наказание по второй и более судимости не подпадают под действие указа об амнистии, хотя бы по отдельным признакам амнистия могла быть к ним применена. При этом не имеет значения характер прежней судимости и тяжесть примененной судом меры наказания. Важно, что в отношении данного лица ранее был вынесен обвинительный приговор, вступивший в законную силу.

Само собой разумеется, что данное ограничение отпадает в отношении лиц, с которых прежняя судимость снята в порядке ст. 55 УК или же в порядке частной амнистии.

В этой связи возникает вопрос о том, сохраняет ли силу требование первой судимости, когда амнистия применяется по незаконченным еще делам, находящимся в стадии расследования.

Текстуально указ связывает требование первой судимости с применением амнистии в виде освобождения из-под стражи и от других, связанных с приговором, дополнительных мер наказания. Но по смыслу указа оно должно действовать и в остальных случаях применения амнистии.

В самом деле, смысл требования о первой судимости заключается в том, чтобы амнистия не применялась к лицам, совершавшим преступления неоднократно. Какие же основания для игнорирования этого требования при прекращении по амнистии уголовного дела? Какое значение может иметь случайное, по существу, обстоятельство, что расследование дела оказалось незаконченным ко времени опубликования указа?

Простая логика приводит к такому выводу. Два военнослужащих, имеющих судимости, совершили однородные преступления, подпадающие по своему характеру под действие амнистии. Один из них был осужден до опубликования указа об амнистии. В отношении другого следствие к этому времени оказалось незаконченным. Совершенно очевидно, что к ним обоим в равной мере амнистия неприменима.

Амнистия не применяется к лицам, совершившим государственные преступления, т. е. преступления контрреволюционные и особо опасные преступления против порядка управления (ст. ст. $58^{1}$—$59^{13}$ УК РСФСР). Речь идет о враждебных элементах, преступления которых направлены против социалистического государства рабочих и крестьян, против коренных интересов трудящихся нашей страны. Особая социальная опасность этой категории преступников не допускает применения к ним амнистии.

В отношении всех других родов и видов преступлений амнистия применяется, если назначенная судом мера наказания не превышает трех лет лишения свободы.

Применение амнистии выражается прежде всего в освобождении из-под стражи осужденных, подпадающих под ее действие. Это — функция администрации мест заключения, которая обязана также снабдить освобождаемого установленным удостоверением и разъяснить ему порядок освобождения от дополнительных мер наказания.

Наличие дополнительных мер наказания будет, видимо, единичным. Тем не менее, такие случаи возможны, и инструкция точно устанавливает порядок освобождения от них амнистированных.

Амнистия, во-вторых, применяется в виде снятия судимости с условно-осужденных. Инструкция устанавливает, что снятие судимости происходит автоматически. Лишь в случае ходатайства амнистированного суд обязан выдать справку о том, что судимость снята в силу указа об амнистии. При этом суд, выдающий справку, должен располагать документальными данными, подтверждающими, что проситель действительно осужден условно: приговором, определением кассационной инстанции или же соответствующим образом оформленными справками.

Представление этих документов должно лежать на обязанности заинтересованного лица.

Ходатайство о выдаче справки о снятии судимости не может, очевидно, быть предметом какого-либо судебного разбирательства. Выдача справки производится единолично народным судьей.

В справке обязательно следует указывать, когда, каким судом, по какой статье и к какому наказанию был приговорен амнистированный.

Амнистия, в-третьих, применяется в виде прекращения следственных дел (кроме дел о государственных преступлениях) о тех преступлениях, за совершение которых по Уголовному кодексу может быть назначено лишение свободы на срок не свыше трех лет.

Дела эти прекращаются прокуратурой. Но если такое дело поступило на рассмотрение подготовительного заседания, то, видимо, нет надобности в возвращении его прокуратуре, а подготовительное заседание выносит определение о прекращении дела.

Остается сказать несколько слов о применении амнистии в судебном заседании и в кассационной инстанции.

В судебном заседании возможны два варианта применения амнистии: а) военнослужащий предан суду по статье УК, допускающей по своему характеру и санкции применение амнистии, но дело почему-либо не было ранее прекращено, или же в ходе судебного заседания была установлена необходимость переквалификации действий обвиняемого на такую статью УК. В этом случае суд выносит определение о переквалификации преступления и прекращении дела в силу акта об амнистии в соответствии со ст. 4 УПК; б) суд квалифицирует преступление по статье УК, не допускающей по своей санкции применения амнистии, но назначает наказание не свыше 3 лет лишения свободы. В этом случае суд обязан в своем обвинительном приговоре указать об освобождении осужденного от наказания в силу акта об амнистии.

В кассационном заседании следует выносить определение об оставлении обвинительного приговора в силе и освобождении от наказания в силу акта об амнистии.

Таков, в основном, круг вопросов, возникающих в практике применения указа об амнистии к 20-летию РККА.

А. КАРП

# Стабильность советского закона

В своем докладе о проекте новой Конституции СССР на Чрезвычайном VIII съезде советов товарищ Сталин говорил:

«Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было»[1]. Это указание товарища Сталина положило резкую грань между существовавшей законодательной практикой и

[1] И. В. Сталин, «О проекте Конституции Союза ССР». Партиздат, 1936 г., стр. 33.

практикой, устанавливающейся на основе новой Сталинской Конституции, которая исходит из необходимости дальнейшего укрепления социалистической законности, усиления роли закона и обеспечения доступности законодательства для всех граждан страны.

Принятие новой Конституции ставит перед соответствующими органами две задачи: 1) пересмотреть и тщательно проверить все существующие законодательные акты; 2) привести в порядок действующее законодательство, т. е. кодифицировать его.

Эти две задачи являются в данный момент актуальнейшими и неотложными и ими нужно заняться немедленно. Что необходимость в этом назрела, убедительно показывает хотя бы беглое ознакомление с существующим положением этого вопроса.

Всего законодательными органами СССР и союзных республик с 1917 г. до начала 1936 г. было издано и опубликовано в Собрании законов и узаконений более 33 тысяч различных законодательных актов (из них на долю РСФСР приходится 12 567 актов). За тот же период времени наркоматами было издано около 150 тысяч разных постановлений и распоряжений.

Многие из этих актов целиком отменены; некоторые — отменены частично; некоторые, будучи изданы еще в первые годы революции, к настоящему времени имеют массу изменений, разбросанных в различных номерах сборников законов на протяжении 20 лет, а некоторые хотя и считаются действующими, поскольку нет официального постановления об их отмене, но пользоваться ими нельзя, так как они настолько устарели, что совершенно не отвечают нашей настоящей действительности.

Например действующий до настоящего времени закон «Временные правила о службе в госучреждениях», изданный 21 декабря 1922 г. (С. У., 1923 г., № 1, ст. 8), до настоящего времени претерпел одиннадцать изменений, из которых некоторые изменялись в течение всего времени с 1922 по 1938 г. Закон «О персональных пенсиях», изданный 30 мая 1928 г. (С. З. № 35, ст. 315) имеет изменения и дополнения в С. З. за 1929 г. № 63, ст. 577, п. п. 3 и 9; в С. З. за 1933 г. № 67, ст. 403, п. п. 3 и 4; в С. З. за 1936 г. № 11, ст. 118, п. 11.

«Положение о кооперативном кредите», изданное 18 января 1927 г. (С. З. № 4, ст. 44), состояло из 26 статей. До 1933 г. оно претерпело пять изменений и, в конце концов, от него осталась только одна статья (вторая); все же остальные 25 статей отменены. «Положение о местных финансах Союза ССР» подвергалось изменению 69 раз; «Положение о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик» — 22 раза; «Положение о местных финансах РСФСР» — около 90 раз; статья 39 положения о районных съездах советов и райисполкомов РСФСР менялась 5 раз, а ст. ст. 33 и 34 о местных финансах СССР — 7 раз и т. д. Чтобы найти все эти изменения и дополнения и правильно понять их, нужно потратить не мало сил и быть высококвалифицированным работником в области юриспруденции. А как все это может найти рядовой работник села или района, где не всегда можно найти полный комплект собрания законов?

Некоторые действующие законы, настолько устаревшие, что ими никак нельзя пользоваться, также приводят иногда в недоумение. Таким является, например, закон от 2 января 1923 г. «О мерах к урегулированию торговых операций госучреждений и предприятий» (С. У. № 14). То же можно сказать о законе от 13 октября 1930 г. о наемном труде в кулацких хозяйствах или о законах о несостоятельности государственных и кооперативных организаций, предусматривающих ликвидацию госпредприятий, колхозов и кооперативных организаций по требованию кредиторов и т. д.

Ясно, конечно, что все действующие законодательные акты должны быть пересмотрены, приведены в систему, что они должны быть кодифицированы и уже в таком виде даны местным работникам для руководства.

Нужно прямо сказать, что кодификационная работа НКЮ, который ведал этой работой, находилась в весьма неудовлетворительном состоянии. Не чем иным, как только халатностью отдела кодификации НКЮ, можно объяснить такие явления, когда отмененные законы предлагались к руководству. Вот, например, закон «О самообложении населения», изданный 19 августа 1930 года (С. З. № 44, ст. 451) согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 августа 1931 г. (С. З. № 48, ст. 320) был отменен полностью. Между тем в законе от 1 июля 1935 г. «О порядке проведения добровольных сборов» (С. З. № 34, ст. 295) в п. 6 говорится, что в законе от 19 августа 1930 г. (С. З. № 44, ст. 451) отменяются только 25 и 26 пункты. Понятное дело, что такое нелепое положение явилось следствием безобразного, неудовлетворительного состояния кодификационной работы НКЮ. Правда, в настоящее время действует уже совершенно новый закон «О самообложении», но приведенный факт говорит о том, в каком скверном состоянии находился этот вопрос в прошлом. Между тем и теперь имеются данные, показывающие ненормальное положение с кодификацией в НКЮ. Вот, например, только на нескольких страницах в «Хронологическом перечне законов РСФСР» на 1 июля 1937 г. изд. 4-е, выпущенном НКЮ, имеется масса ошибок, свидетельствующих о безответственном отношении к такому важному делу, как кодификация. На стр. 12 в «Положении о Наркомпросе» не учтены изменения, имевшие место в 1936 г.; об организации в составе Наркомпроса отдела материальных фондов (С. У. 1936 г. № 16—17); об организации в составе Наркомпроса РСФСР отдела руководящих кадров (С. У. № 21, ст. 138). «Положении о местных финансах РСФСР» в качестве действующего (стр. 16) внесено постановление ВЦИК и СНК от 10 апреля 1936 г., в то время как оно отменено 1 сентября 1936 г. Об этой отмене было опубликовано в С. У. № 18, ст. 123. Включено как действующее постановление о сборе с лиц, лишенных права быть сельскими исполнителями (С. У. 1936 г. № 9, ст. 54), между тем оно было отменено 10 марта 1937 г. и об этом было опубликовано в С. У. 1937 г. № 4, ст. 20 в апреле 1937 г., т. е. задолго до сдачи «Перечня» в печать. Почему-то об этом в хронологическом перечне ничего не сказано и наркомюстовские консультанты предложили пользоваться отмененным законом.

В положении об изъятии земель для государственных и общественных надобностей (стр. 30) не дано изменений к нему от 1 августа 1936 г., хотя эти изменения были опубликованы в С. У.

за 1936 г. № 18, ст. 121. Допущен ряд пропусков существенных законодательных актов и изменений к ним и на других страницах работы, например, на стр. 40 в перечне документов, по которым взыскание производится на основании исполнительных надписей нотариальных органов (С. У. 1930 г., № 38, ст. 477), не даны изменения, предусмотренные постановлением ВЦИК и СНК от 10 мая 1937 г. (С. У. № 6, ст. 40, п. 2). На стр. 45 по докладу Деткомиссии нет изменений, предусмотренных постановлением от 20 апреля 1937 г. (С. У. № 5, ст. 32, п. п. 1 и 5) и т. д.

Приходится удивляться, как в отделе кодификации НКЮ, где, казалось, сидели специалисты по вопросам кодификации, вроде А. Иодковского, допущено было столько ошибок и проявлено такое незнание наших законов, неграмотность в этой области.

Никак нельзя было признать нормальным также положение, когда изданные ведомствами инструкции годами прячутся где-то в канцеляриях, в то время как местные советы должны руководствоваться этими инструкциями. Вот, например, инструкция НКЛеса, НКПС, НКЗ СССР и НКЮ РСФСР от 3 июня 1932 г. «О порядке преследования нарушений в лесах государственного лесного фонда РСФСР». Эта инструкция была опубликована в «Бюллетене финансового и хозяйственного законодательства» № 27—28 только в октябре 1934 г. Только в том же 1934 г. поместил эту инструкцию в «Бюллетень НКЗ РСФСР» (№ 17). Этот факт указывает также на отсутствие упорядоченности в издаваемых постановлениях и распоряжениях в ведомственных учреждениях.

Все это говорит о том, что наступил момент неотложного пересмотра всего законодательства, его кодификации и в дальнейшем неуклонного проведения повседневной работы по систематизации законов. Устаревшие законы, которые утратили всякое значение, должны быть отменены.

Вместе с тем все законы должны быть собраны в соответствующие кодифицированные справочники, которые бы помогали населению пользоваться законом.

Р. ВЕСЕЛКИН

# Об участии профсоюза работников суда и прокуратуры в выборах Верховного Совета СССР

Выборы в Верховный Совет СССР показали небывалый подъем политической активности многомиллионных масс трудящихся Советского Союза, которые впервые на основе Сталинской Конституции — всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании — пришли в избирательные помещения и подали свои голоса за любимого и дорогого товарища Сталина, за верных и преданных сынов и дочерей нашей социалистической родины.

В избирательной кампании активное участие приняли профсоюзы, как самые массовые организации трудящихся, которым партия и советское правительство оказали огромное политическое доверие: профсоюзы под руководством коммунистической партии активно участвовали в выборной кампании и обеспечили колоссальнейшую победу этого блока на выборах в Верховный Совет Союза ССР.

Профсоюз работников суда и прокуратуры, кроме общих для всех профсоюзов задач, еще выполнил и некоторые специфические задачи. Он оказал помощь в усвоении Сталинской Конституции и избирательного закона не только избирателям своего коллектива, но и вне его, оказал помощь советским органам и избирательным комиссиям в правильном проведении избирательного закона.

Судьи, прокуроры, члены коллегий защитников и другие работники нашего союза провели большую консультационную работу в советах, избирательных участках, рабочих клубах, колхозах и других общественных организациях. Они помогли во-время исправить отдельные ошибки или недостатки, имевшие место при составлении избирательных списков, при оборудовании избирательных помещений и по другим вопросам организации и проведения техники выборов.

Сталинской Конституцией и Положением о выборах в Верховный Совет Союза на суд и прокуратуру возложены прямые и непосредственные обязанности, выраженные в главе IX Конституции Союза Советских Социалистических Республик и в ст. ст. 18, 19, 111, 112 Положения о выборах в Верховный Совет СССР.

Центральный комитет союза работников суда и прокуратуры в январе 1938 г. подвел итоги участия членов союза в кампании по выборам в Верховный Совет СССР.

На заседании президиума ЦК союза с участием актива было подтверждено, что членская масса справилась с задачами, возложенными на профсоюз, как самую массовую организацию трудящихся.

### Массово-разъяснительная работа, как важнейшая задача союза

Членская масса нашего союза была охвачена густой сетью школ, политкружков с тем, чтобы до выборов хорошо усвоить Сталинскую Конституцию и избирательный закон.

По союзу работников суда и прокуратуры насчитывалось больше трех тысяч политкружков. Мы можем гордиться тем, что наш союз обходился исключительно своими агитационно-пропагандистскими силами и, кроме этого, выделил еще тысячи агитаторов и пропагандистов другим организациям. Например, по Харьковскому областному комитету союза было выделено 365 агитаторов-пропагандистов, по областному комитету союза Оренбургской области — 178, Ленинградской — 216, по Одесской — 320, по Белоруссии — 172, по Днепропетровской области — 500. Один Криворожский профессиональный коллектив Днепропетровской области выделил для колхозов 20 агитаторов и пропагандистов.

Небольшой по численности коллектив Бурят-Монгольской АССР выделил 43 пропагандистов, Дагестанской АССР — 94, Марийской АССР — 10 и т. д. Профессиональные коллективы г. Москвы дали около тысячи агитаторов и пропагандистов. Один профессиональный комитет Правовой ака

демии выделил 200 агитаторов и пропагандистов (в том числе в разные районы области 50). Профессиональный комитет Московского юридического института выделил 264 агитаторов и пропагандистов. Все выделенные являются членами союза. Эти лица не только занимались агитационно-пропагандистской работой, но и организовывали на избирательных участках, в клубах политкружки и кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности, помогали выпускать стенгазету, организовывали массовые посещения избирателями музеев, кино, театров.

Черниговский областной комитет союза организовал обслуживание избирателей города агитмашиной, показывал избирателям кинокартины, кинохроники, посвященные выдвинутым кандидатам в депутаты Верховного Совета СССР. Киевский областной комитет союза, помимо выделения агитаторов, послал в колхозы литературу о выборах, использовал кино, имеющееся при коллективе областного суда. Перед началом демонстрации каждого сеанса выступали агитаторы нашего профессионального коллектива, которые в течение 10—15 минут делали доклады об избирательном законе, о технике голосования, о выдвинутых кандидатах в депутаты Верховного Совета и т. п.

Профессиональный коллектив своими силами организовал постоянные консультационные пункты при швейной фабрике и других местах.

Ленинградский областной комитет союза по избирательным участкам города организовал 44 выставки-показа достижений Советского Союза. Было проведено 19 культпоходов в различные культурные учреждения города и 9 вечеров самодеятельности.

Профессиональный коллектив Московского областного суда организовал для избирателей вечер, посвященный XX годовщине Октябрьской социалистической революции.

По Московскому городскому суду для домохозяек, домработниц и пенсионеров были проведены два концерта. Избирателей водили в музей Ленина и другие культурные учреждения Москвы. Силами актива был художественно оформлен один из городских скверов.

Агитгруппой Московской областной прокуратуры для избирателей специально демонстрировались кинокартины. С избирателями было проведено 9 экскурсий в музей Ленина и в музей РККА. Для избирателей преклонного возраста были организованы две экскурсии на автомашинах по ознакомлению с Москвой.

За время выборной кампании сотнями выросли новые агитаторы, пропагандисты и хорошие организаторы массовой работы. Так, например, по БССР, где до выборной кампании было лишь 50 агитаторов-пропагандистов, их число выросло до 172 человек.

По Башкирской АССР работало 80 новых агитаторов-пропагандистов.

## Избирательный участок — в центре внимания

Необходимо отметить, что большинство профессиональных коллективов очень поздно перенесли свою агитационно-массовую работу на избирательные участки. Они начали эту работу за 20—25 дней до дня выборов.

Президиум ЦК союза работников суда и прокуратуры в ноябрьском совещании с активом указал на этот пробел и дал директиву о перенесении всей агитационно-массовой работы по месту жительства своих сотрудников и на избирательные участки.

Все крупные коллективы нашего союза с количеством больше 51 человека (а таких коллективов насчитывается 88) были прикреплены к определенным избирательным участкам и некоторые из них своей агитационно-массовой работой обслуживали по 2—3 и больше избирательных участка. Тов. Шверник указывал, что «широко должна быть поставлена консультационно-разъяснительная работа профессиональных союзов на предприятиях, в рабочих поселках, на избирательных участках. Консультации, организуемые силами профессиональных союзных организаций, должны состоять из квалифицированных, проверенных пропагандистов, способных толково и правильно отвечать на любой вопрос избирателя».

Поэтому для проведения регулярных консультаций в помощь советам, рабочим клубам, красным уголкам в колхозах и т. п. нашим профессиональным союзом были выделены квалифицированные пропагандисты-юристы. Они давали консультацию избирателям не только по избирательному закону, но и отвечали на многочисленные вопросы по трудовому праву, о браке, семье и опеке и пр.

По неполным данным по Союзу ССР работало 1 818 таких консультантов. Из них: в центральной избирательной комиссии — 20, в окружных комиссиях — 30 и на участках — 1 768. Если прибавить к этому числу тысячи агитаторов и пропагандистов, среди которых большинство было судебно-прокурорских работников, знающих законы советской власти, то консультационной работой по разъяснению Сталинской Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет Союза было занято несколько тысяч членов нашего союза.

Члены профессионального союза работников суда и прокуратуры работали на избирательных участках не только в качестве агитаторов-пропагандистов и консультантов, но и выполняли общественный долг в качестве доверенных, председателей, секретарей и членов или технических помощников избирательных комиссий (регистраторами и т. п.).

По неполным сведениям в избирательных комиссиях работало следующее количество членов союза работников суда и прокуратуры:

| Доверенными | В участковой избирательной комиссии | | | | В окружной избирательной комиссии | | | | В республиканской комиссии | Всего |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | председателями | секретарями | членами | техн. пом. | председателями | секретарями | членами | техн. пом. | | |
| 398 | 303 | 145 | 665 | 395 | 7 | 5 | 11 | 26 | 3 | 1 958 |

Таким образом, около двух тысяч членов нашего союза работали в избирательных комиссиях, непосредственно решали вопросы выборов, подсчитывали результаты голосования или как доверенные лица вместе с парторганизацией были организаторами выборной кампании.

Эти цифры были бы значительно выше, если бы на местах правильно поняли указания Прокурора Союза ССР об участии прокурорских работников в избирательных комиссиях.

Например, председатель Сталинградского областного комитета союза т. Кузьмин писал, что эти указания они поняли в том смысле, что «прокуроры вообще не могут быть членами избирательных комиссий», но исправить это неверно понятое указание было поздно — избирательные комиссии уже были утверждены советами. Также неверно поняли это указание товарищи из Оренбургского областного комитета союза; у них было выбрано много прокурорских работников в избирательные комиссии, но все они были отозваны.

Выборная кампания подняла волну политической активности трудящихся Советского Союза. Она показала, что политическое сознание избирателей значительно выросло.

В день выборов в одну из избирательных комиссий Москвы (профессиональный коллектив Верховного суда СССР) поступили заявления от нескольких избирателей, где они выразили сожаление, что вследствие болезни (паралича ноги и т. п.) они не могут прибыть на голосование, и просили каким-либо способов предоставить им возможность выполнить свой общественный долг. Тогда члены избирательной комиссии с разрешения центральной избирательной комиссии выехали к ним на квартиры и предоставили им возможность, в соответствии с избирательным законом, подать свои голоса. Больные взволнованно встретили членов избирательной комиссии и за такое внимание выразили великую благодарность.

На одном избирательном участке г. Минска одна избирательница преклонных лет, когда за ней приехала автомашина, сказала: «За 101 год я никогда не видела такой заботы, какая ко мне была проявлена со стороны партии и правительства». Она пожелала товарищу Сталину долго жить на благо социалистической родины.

Активисты проявляли особую заботу к избирателям, любовь и честность к исполнению своего общественного долга.

Одна домашняя хозяйка, когда к ней пришли агитаторы из Московского юридического института, заявила, что она два года не ходила в кино. Агитаторы купили ей билеты, а сами посидели с ее детьми, предоставив ей возможность сходить в кино.

В Бауманском районе Москвы во время посещения агитатором местного комитета квартир избирателей было обнаружено, что у одной работницы затягивалось дело с ремонтом комнаты. Агитатор сходил в районный совет и заявил об этом — и комната в два дня была отремонтирована. Работница с большим восторгом говорила об этом на собрании и явилась в день выборов на избирательный участок. На этом же участке этот же агитатор заметил, что МОГЭС в одном доме выключил проводку и жильцы сидели без света. Он позвонил по телефону в МОГЭС — и свет был включен.

Эти факты показывают, что активисты не ограничивались только проведением агитационно-пропагандистской работы, но и оказывали избирателям конкретную помощь в улучшении их бытовых условий.

Члены союза работников суда и прокуратуры приняли активное участие в избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР в качестве агитаторов, пропагандистов, доверенных, членов избирательных комиссий, консультантов и технических помощников избирательных комиссий.

Процент членов нашего союза, активно участвовавших в проведении избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР, по отношению к их общему количеству по отдельным республикам и областям представляет следующая таблица:

| Нахождение обкомов, крайкомов, республиканских комитетов | Количество членов союза | Участвовало в избирательной кампании | В % |
|---|---|---|---|
| Армянская ССР | 565 | 130 | 23,0 |
| Белорусская ССР | 1 471 | 398 | 27,1 |
| Башкирская АССР | 850 | 269 | 31,6 |
| Воронежская область | 1 678 | 301 | 17,9 |
| Горьковская область | 1 303 | 246 | 18,9 |
| Ивановская область | 829 | 150 | 18,1 |
| Кабардино-Балкарская АССР | 129 | 45 | 34,9 |
| Кировская область | 786 | 128 | 16,3 |
| Крымская АССР | 597 | 112 | 18,4 |
| Куйбышевская обл. | 1 472 | 269 | 18,3 |
| Киевская обл. | 2 276 | 682 | 29,9 |
| Карельская АССР | 273 | 41 | 15,0 |
| Красноярская область | 102 | 247 | 36,6 |
| Орджоникидзевская область | 861 | 159 | 18,5 |
| Одесская область | 1 885 | 651 | 34,5 |
| Оренбургская область | 782 | 120 | 15,3 |
| Ростовская область | 2 631 | 471 | 17,9 |
| Сталинградская область | 1 134 | 239 | 21,1 |
| Татарская АССР | 827 | 463 | 55,9 |
| Узбекская ССР | 1 756 | 365 | 20,8 |
| Удмуртская АССР | 384 | 66 | 17,2 |
| Харьковская область | 1 788 | 413 | 23,1 |
| Чечено-Ингушская АССР | 247 | 49 | 19,8 |
| Чувашская АССР | 399 | 103 | 25,8 |
| Московская область | 5 496 | 1 479 | 26,9 |
| В том числе г. Москва | 4 000 | 1 387 | 34,7 |

В приведенную таблицу включены данные только по тем областным, краевым, республиканским комитетам союза, по которым более 14% членов нашего союза активно участвовало в выборной кампании.

Как видно из этой таблицы, высокие проценты активно участвовавших членов союза дали: Республиканский комитет союза Татарской АССР — 55,9%, областной комитет союза Красноярской области — 36,6%, Кабардино-Балкарская АССР — 34,9%, г. Москва — 34,1%, Одесская область — 34,5% и Башкирская АССР — 31,6%.

В этих республиках и областях больше 30% членов нашего союза были охвачены работой по подготовке к выборам, их организации и проведению.

Такое положение было достигнуто в указанных республиках и областях благодаря правильно поставленной организационно-массовой работе в союзе, его широкой и живой связи с периферией и массой избирателей, пониманию выборной кампании, как важнейшей задачи, повседневному контакту в своей работе с партийным и советским руководством.

### Наши недостатки в работе и дальнейшие задачи

Президиум ЦК союза работников суда и прокуратуры на заседании в начале января 1938 г. с участием четырех председателей областных комитетов союза и большинства председателей местных комитетов г. Москвы после заслушивания их докладов в своем решении отметил, что существенным пробелом в работе отчитавшихся профессиональных коллективов является:

1) запоздалое перенесение массово-агитационной работы на избирательные участки (эта работа началась лишь за 15—20 дней до выборов);

2) недостаточность проверки качества всей агитационно-массовой работы;

3) неувязывание и неиспользование выборной кампании для еще большего и широкого развития социалистического соревнования по повышению количественных и качественных показателей производственной работы, по повышению активности в ликвидации последствий вредительства в судебно-прокурорских аппаратах и профессиональных союзных органах.

Эти существенные пробелы в той или иной степени замечались в работе многих обкомов, республиканских комитетов союза и местных комитетов г. Москвы и Московской области.

Президиум ЦК союза в свою очередь не смог охватить оперативным руководством многие профессиональные коллективы союза. Затем, для оказания практической помощи местным комитетам совершенно не были использованы члены пленума ЦК союза.

Вновь избранный президиум ЦК союза добился, что, за исключением пяти, остальные областные комитеты и республиканские комитеты союза информировали ЦК союза о своей работе по выборной кампании. Вследствие этого теперь имеется обобщенный опыт организационно-массовой работы большинства профессиональных коллективов, на основе которого, учтя недостатки и ошибки, имевшие место в работе, можно еще лучше подготовиться к предстоящей выборной кампании в Советы депутатов трудящихся и народных судей и еще лучше оправдать огромное политическое доверие, оказанное партией и советским правительством профессиональным союзам, как самой массовой организации трудящихся.

Многие члены союза за время избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР получили опыт не только в организационно-массовой работе, но и расширили свои теоретические и практические знания, изучив Сталинскую Конституцию, избирательный закон и технику организации и проведения выборов. Следует отметить, что много членов нашего союза работало в качестве областных, районных инструкторов по технике организации и проведения выборов в Верховный Совет Союза ССР (в частности, автору самому пришлось работать инструктором по Свердловской области, куда он был для проведения этой работы командирован ЦК ВКП(б) и ВЦСПС).

Необходимо несколько подробней остановиться на недостатках в нашей работе и показать профессиональные органы, очень слабо ее проводившие. К числу отстававших относятся:

| Название областей | Общее кол-во членов союза | Всего участвовало | |
|---|---|---|---|
| | | абсол. | в % |
| Азербайджанская ССР | 505 | 14 | 2,8 |
| Винницкая обл. | 400 | 30 | 7,5 |
| Грузинская ССР | 1 320 | 82 | 6,2 |
| Дагестанская АССР | 442 | 32 | 7,2 |
| Донецкая обл. | 1 258 | 96 | 2,1 |
| Казахская ССР | 1 881 | 15 | 0,79 |
| Курская обл. | 1 223 | 5 | 0,4 |
| Омская обл. | 1 832 | 28 | 3,4 |
| Северо-Осетинская АССР | 129 | 10 | 7,8 |
| Челябинская обл. | 1 167 | 56 | 4,8 |

Эти областные комитеты, республиканские комитеты союзов, во-первых, были оторваны от своих периферийных профколлективов (ЦК союза имеет сведения, что в районах этих областей, республик местные комитеты или профуполномоченные недостаточно активно развернули свою работу в кампании по выборам в Верховный Совет Союза ССР), и, во-вторых,— эти комитеты не приняли соответствующих мер для оказания помощи тем местным комитетам, которые по тем или другим причинам приняли слабое участие в выборной кампании.

Областной комитет союза Винницкой области еще 5 января 1938 г. сообщил в ЦК Союза следующее:

«Винницкий Обком союза работников суда и прокуратуры сообщает, что в связи с отсутствием материалов с мест мы сейчас лишены возможности представить вам материалы об участии союза в избирательной кампании».

Такие же, приблизительно, сообщения ЦК союза получил и от республиканских комитетов союза и областных комитетов по республикам и областям, перечисленным в приведенной выше таблице.

Были факты и другого порядка: вот, например, что сообщил в ЦК союза местный комитет работников суда и прокуратуры Коммунистического района Московской области:

«Ввиду малого нашего коллектива, каковой исчисляется из 15 чел., а поэтому работу по подготовке у себя в коллективе не ведем, а весь коллектив нашего союза влился в другие коллективы местных организаций, а поэтому сообщить

о ходе подготовки в Верховный Совет Союза ССР нет никакой целесообразности».

А местный комитет Пушкинского района Московской области союза работников суда и прокуратуры (председатель т. Тарасов) даже додумался сообщить в ЦК союза следующее:

«В нарсуде и прокуратуре был организован кружок по изучению Положения о выборах и Конституции. На занятии участвуют — 16 чел., литературой слушатели не обеспечены... Классово враждебных выступлений со стороны слушателей не было. Выдвинутые кандидатуры по Пушкинскому избирательному округу на общем собрании не обсуждали. К XX годовщине Октября договоров о соцсоревновании не заключалось».

И как бы в заключение местный комитет пишет:

«Кроме вышеперечисленных мероприятий никакой работы месткомом не проводилось».

Приведенное сообщение ярко характеризует полное бездействие местного комитета союза и низкий уровень политической грамотности его председателя.

Сталинской Конституцией и избирательным законом на суд и прокуратуру были возложены прямые и непосредственные обязанности — наблюдение за точным выполнением законов, прием и своевременное рассмотрение жалоб и заявлений, решительная борьба с злоупотреблением, обманными и тому подобными действиями должностных лиц и классово враждебных элементов.

Профессиональные союзные органы нашего союза через бригады низового контроля должны были систематически проверять факты волокиты и задержки в рассмотрении жалоб, заявлений и дел и принимать решительные меры к их устранению вплоть до привлечения виновных к ответственности. Обкомы, республиканские и местные комитеты союза должны были заслушивать доклады о работе руководителей органов суда и прокуратуры и принимать практические решения, неуклонно добиваясь их выполнения.

Большинство профессиональных союзных органов эту важнейшую и непосредственную работу за время выборной кампании не выполняло. Надеясь на руководителей органов суда и прокуратуры, профессиональные органы от этих обязанностей самоустранились. Профессиональные органы не помогали руководству в улучшении всей судебно-прокурорской работы.

Тов. Шверник указал, что «участие профессиональных союзов в избирательной кампании должно сопровождаться дальнейшим улучшением всей их работы (подчеркнуто мной.— *Р. В.*), еще большей заботой об удовлетворении материальных нужд и культурных запросов трудящихся».

Некоторые областные комитеты, республиканские и местные комитеты союза это указание т. Шверника выполнили: они смогли активное участие в выборной кампании увязать с дальнейшим улучшением всей профессиональной работы. Например, республиканский комитет союза Татарской АССР добился, что во многих районах открыли новые красные уголки, радиоточки и другие культурно-бытовые мероприятия. Значительное количество членов союза в Татарской АССР было премировано.

Такие же мероприятия были проведены областными комитетами союза Харьковской, Смоленской и Ленинградской областей.

Областной комитет союза Воронежской области добился приема 83 новых членов союза. По инициативе местных комитетов Боровского и Борисоглебского районов была разоблачена враждебная работа некоторых работников народного суда.

В Чувашской АССР, Белорусской ССР, Калининской области комитеты союза, путем развития социалистического соревнования, по некоторым профессиональным коллективам, добились снижения залежей дел и своевременного рассмотрения жалоб.

Областной комитет союза Калининской области принял активное участие в разоблачении и изгнании врагов народа, пролезших в аппараты суда и прокуратуры.

Оренбургский областной комитет союза, при помощи профессионального коллектива на местах, в некоторых районах обнаружил факты извращений избирательного закона, преступной работы классового врага.

Но все это — единичные факты деятельности комитетов нашего союза, сумевших сочетать активное участие членской массы в выборной кампании с повышением качества производственной и профессиональной союзной работы.

Нашему союзу предстоит провести большую работу по участию в выборах в Советы депутатов трудящихся и по организации и проведению выборов нарсудов.

«Нельзя далее забывать того, что еще предстоят выборы Верховных Советов Союзных и Автономных Республик и местных органов власти. Не ослаблять, а усиливать массовую работу — вот что требуется от нас» [1].

Всем комитетам союза нужно изучить итоги участия членской массы в выборах в Верховный Совет СССР, нужно учесть все в прошлом имевшие место недостатки и ошибки, чтобы еще лучше помочь провести выборы в Верховный Совет РСФСР.

Л. ШЕЙНИН

# Генеральша Апостолова

(Из записок следователя)

Небольшой белый двухэтажный домик стоял в церковном дворе в одном из переулков Тверской улицы. Совсем рядом кипело уличное движение столицы, с грохотом пролетали трамваи и грузовики, стаями носились мальчишки-папиросники. Здесь же было тихо, небольшой дворик всегда был пустынен и робкая зеленая травка имела грустный, чахоточный вид. Дом принадлежал церковному приходу и еще не был муниципализирован. Внизу жил приходский священник, грузный, седой человек. Старик любил жаловаться на скупость прихожан и завидовал соседним приходам.

— У нас что же,— обычно говорил он,— центр,

[1] Из передовой «Правды» от 27 декабря 1937 г.

суета-сует и Вавилон. Разве тут до бога? А вот возьмите, отец Евтихий в Замоскворечьи — другое дело, как сыр в масле катается. Кругом все народ верующий, солидный, положительный. Бывшие купцы, скажем, опять же люди немолодые. Им о боге-то думать хочется. А у нас — все больше молодежь. А что с нее теперь толку для нашего церковного дела. Нехристи как один, да супостаты...

Старик был прав. В церкви редко набирался народ, службы проходили уныло и прихожан становилось все меньше.

Во втором этаже жила бывшая генеральша — Антонина Александровна Апостолова, высокая, немолодая уже дама с надменным профилем и важными манерами. Бывшая генеральша жила с горничной Катей, старой девой, служившей у нее чуть ли не три десятка лет. В уютной квартире из трех комнат всегда было тихо и даже как бы торжественно. Плотные гардины и занавеси наглухо закрывали небольшой этот мирок от жизни города, упругие текинские ковры глушили шаг, старинные миниатюры на стенах, мебель красного дерева елисаветинских времен, вычурные и неудобные кресла, диваны, секретеры — все это говорило о прошлом.

Антонина Александровна нигде не работала и никто не знал, на какие средства она живет. А между тем она не нуждалась в средствах, хорошо одевалась и имела независимый вид одинокой, но вполне обеспеченной женщины. Она была очень религиозна и дружила с соседом священником. Нередко по вечерам спускалась она в его квартиру и они подолгу пили чай, вспоминали старую Москву, тихонько поругивая советскую власть.

— Ах, не говорите, отец Амвросий,— говорила Антонина Александровна,— ну разве теперь жизнь! Кругом какие-то невоспитанные, нет, знаете, ни манер, ни воспитания. А безнравственность какая... Все эти девчонки и мальчишки, ну эти как их... комсомольцы, ведь это — один разврат и только. Ведь вот я помню была институткой. Какие мы тогда были чистые, воспитанные девочки. Поверите ли, я замуж выходила, так думала, что детей аист приносит. А теперь.

— Истину, истину глаголете, матушка,— отвечал отец Амвросий,— никудышная молодежь, стрекулисты. Ни тебе к старшим почитания, ни в бога веры. Ничего в них нет святого. О блуде и помышляют. А в церковь ни ногой.

Днем Антонина Александровна обычно куда-то уходила, всегда тщательно по моде одетая, подолгу отсутствовала и возвращалась уже к вечеру. Иногда к ней днем приходили знакомые женщины и мужчины, но никогда долго не засиживались, нередко уходили порознь, и время проводили без шума и музыки, без громких разговоров, смеха, танцев.

Шел 1935 год.

Вечером мне позвонили домой по телефону. Говорил дежурный 15-го отделения милиции.

— Товарищ следователь, в Дегтярном самоубийство. Повесилась гражданка В-ва, молодая женщина. Оставила какую-то странную записку. Может приедете.

Я сразу же выехал. В небольшой квартире из двух комнат жила покойная с мужем, молодым инженером. Всего два месяца назад они поженились. Жили вполне счастливо, любили друг друга. Покойная была здоровая, красивая молодая женщина, веселый и даже немного легкомысленный человек. Казалось непонятным, почему она покончила с собой.

На столе лежала записка, написанная карандашом на клочке бумаги, тем полудетским, косым и разгонистым почерком, которым пишут обычно молодые, неработающие женщины. Записка была адресована мужу.

«Сережа, родной мой. Я умираю потому, что не могу и не хочу тебя обманывать и нехватает силы воли все рассказать тебе, покаяться; ты был так тактичен, ты ни в чем меня не упрекнул, не спрашивал, даже сделал вид, что не заметил. Как можно после этого тебя обманывать. Не могу, не умею. Прощай, родной. Что бы ни было — знай, я любила тебя, я тебя не хотела обманывать и потому ухожу».

Я несколько раз перечитывал эти странные слова. Рядом, в соседней комнате сотрясался от рыданий муж, тихий, бледный человек с хорошим лицом и умными глазами. Он тоже не понимал, в чем дело.

Было ясно, что налицо какое-то преступление, шантаж, угроза разоблачений. И в этом направлении надо было вести следствие.

Я начал устанавливать круг знакомых покойной, узнал фамилию ее ближайшей подруги. Вызвал ее к себе на допрос.

Подруга явилась. Высокая, статная женщина лет 25, одетая модно, даже несколько вычурно. Она была явно смущена и пыталась скрыть это напускной развязностью.

— Ваше имя, отчество?

— Ирина Валентиновна.

— Чем вы занимаетесь?

— Я замужем.

— Вы, кажется, были близкой подругой В-ой?

— Да, да. Мы с нею обожали друг друга. Вы не знаете, какая она была прелесть, какой чудный человек...

И Ирина Валентиновна приложила к сухим глазам кружевной платочек, издавший аромат дорогих духов.

— Сколько зарабатывает ваш муж?

Ирина Валентиновна назвала скромную ставку среднего служащего.

— А на какие средства вы так одеваетесь?

Дама вспыхнула, что-то забормотала насчет умения экономить и закончила заявлением, что это к делу не относится.

Весь облик этой молодой, красивой женщины, ее манеры, яркий маникюр ногтей, привычка произносить слова нараспев, как бы играя, заученные движения ресниц, модное, обтянутое платье, выгодно подчеркивающее пышные молодые формы,— все это было типично. Передо мной была «нэповская бабенка» из тех, что заполняли в те годы модные рестораны, бега, кабаре, а днем совершали по Петровке медлительный и вызывающий променад — парад выхоленных, раскормленных и разодетых самок.

Я продолжал допрос. Очень скоро обнаружилось, что Ирина Валентиновна давно дружна с покойной В-ой, у них было общее времяпровождение, общие знакомые, они были вполне откровенны друг с другом. И постепенно, шаг за шагом, передо мной вырисовывалась жизнь покойной, ее интересы, ее воспитание, даже ее первый «роман». Происходя из мещанской семьи, строя все свои жизненные расчеты на «удачном замужестве», В-ва пришла в отчаяние, когда забеременела от человека, который и не думал всту-

нать с нею в брак. И вот тогда ей пришла на помощь Антонина Александровна. Она устроила ей аборт.

— А вы знаете Антонину Александровну?

— Ну знаю. А что?

— Ничего. Хорошо знаете, бываете у нее?

— Изредка,— тихо ответила Ирина Валентиновна, явно смущаясь.

— Да вы не смущайтесь. Муж не узнает. Там что, дом свиданий?

— Да. Нет. То есть, не то чтобы... но вообще...

— А В-ва после замужества там бывала?

— Нет, она не хотела, но она боялась Антонины Александровны...

— А почему боялась?

— Боялась, что муж узнает о том, что она там раньше бывала...

— И я тоже боюсь... теперь все узнают... муж... знакомые... все...

И Ирина Валентиновна зарыдала уже без всякой игры, зарыдала не вытирая слез, по-детски и некрасиво чмокая губами и всхлипывая сразу покрасневшим носом. Если женщина так плачет, она не притворяется. Мне стало ее жаль.

— Успокойтесь, Ирина Валентиновна, не волнуйтесь. Поверьте, никто не узнает, вам ничего не грозит.

И в тот же день агенты уголовного розыска явились на квартиру Апостоловой, в тихий церковный домик. В квартире были обнаружены мужчина и женщина, устроившиеся в спальне. Хозяйка и ее горничная были в столовой. Всех доставили ко мне на допрос.

Мужчина, крупный московский нэпман-мануфактурист, немолодой, грузный армянин долго не хотел давать откровенных показаний. В конце концов он рассказал:

— Иду, понимаете, по улице, устал, работаешь как зверь и нет тебе ни отдыха, ни развлечений, иду, понимаете, и вижу старого приятеля — Скорнякова. Магазин шелка в Столешниковом. Долго не видались. Обрадовались. Ну, о делах, о мануфактуре, потом решили надо встряхнуться. Но где, я вас спрашиваю, где. В ресторан — надоело. В кабаре — в зубах навязло. В казино — осточертело. В оперетту — опротивело. Скорняков и говорит: есть у меня семейный дом, высший свет, избранное общество. Хозяйка — стопроцентная генеральша. Одним словом, пошли. Пришли. Познакомились. Хозяйка — сразу кофе. Все чинно, благородно, понимаете. Скорняков говорит: Антонина Александровна, Маринянц — мой друг, прошу любить и жаловать, мануфактурное дело на Никольской. Но, понимаете, скучает. Хозяйка и говорит: действительно все скучают. Ничего, я вас познакомлю с интересными женщинами. Не заскучаете. И, понимаете, спрашивает, каких вы любите, блондинок, брюнеток. Я и говорю, понимаете, люблю блондинок, полных блондинок, но, говорю, я — человек семейный. Что вы, говорит, что вы! У меня только семейные и бывают. Ну и пошло. Нина Михайловна. Заплатил 100 рублей. Хозяйке 30. Потом Лидия Федоровна. Заплатил 100, хозяйке 30. Потом Мария Адольфовна. Заплатил 100, хозяйке 30. И, понимаете, все — замужние, порядочные женщины. Что и соблазняло. Ну и вот сегодня. Жена врача. Только вы, товарищ следователь, поймите, я человек женатый, у меня жена молодая, ревнивая. Скандалу не оберешься. Вы, как мужчина, должны меня понять...

Женщина, которая была с ним, действительно оказалась женой врача. Плача и волнуясь, она призналась, что систематически бывала у Апостоловой, которая ее знакомила с нэпманами и она с ними сходилась за деньги в ее квартире.

— Скажите, вы вполне обеспечены, замужем, у вас один ребенок. Что побуждало вас ходить туда?

— Знаете, сначала интересно было. Начиталась романов о парижских домах свиданий. А потом хотелось иметь карманные деньги на всякие мелочи, независимо от мужа. Ну вот и втянулась.

И она снова заплакала, умоляя, чтобы это осталось тайной для мужа, который ее бросит, если узнает правду.

Так началось следствие. Около двадцати женщин прошли за несколько дней через мой кабинет. Картина нравов бывших людей, бывших «сливок» Москвы возникала передо мной и на страницах дела. Среди этих дам не было ни одной проститутки в уличном смысле этого слова. И среди них не было ни одной работницы, ни одной трудящейся женщины. Все они были замужние женщины, все они были представительницы тех привилегированных в прошлом слоев населения, которые считали себя «пупом» города.

К Апостоловой они шли по мотивам несложным и немногообразным: из холодного любопытства, из-за денег, от скуки и редко когда — просто из чувственности.

Равнодушные, скучающие, продажные и раскормленные они вереницей проходили через мой кабинет, стандартно плакали и умоляли о «тайне» и деловито рассказывали о подробностях. Потом уходили, оставив адрес верной подруги для посылки вызова на суд.

Все они жили скучно и одиноко. Незаполненные трудом дни катились медленно и нудно. Утром, валяясь в постели, еще нечесанные и немытые, они перезванивались друг с другом, хотя не знали ни дружбы, ни привязанности:

— Марго, здравствуй, дорогуша! Как ты себя чувствуешь?

— Здравствуй, Вава! Ничего. Вчера покутили в «Ампире», и знаешь, страшно устала. Между прочим, был Сергиевский. Знаешь, у него чудесный рот. И танцует прекрасно. Как ты?

— Мы были в «Нерыдае». Ничего. Хенкин был очень мил. Сегодня иду на примерку. Ужасно тянет эта портниха.

— А в парикмахерской ты будешь?

— Буду. Хочу прическу сделать.

— Давай встретимся.

Я слушал показания этих женщин, наблюдал их и невольно думал, как хорошо, что все они — только «осколки разбитого вдребезги», что их совсем уж немного и что они так не похожи на новых женщин нашей страны.

Апостолова хорошо знала их психологию, их слабости. Целыми днями она рыскала по модным магазинам, дамским салонам, парикмахерским. Наметанным глазом, она сразу намечала подходящих женщин, знакомилась, приглашала к себе. Она выбирала жадных и безвольных, продажных, пустых и скучающих. Она предпочитала замужних, потому что знала, как боятся они огласки. Она находила одинаково быстро, определяла девушек, попавших в «беду» и зрелых семейных матрон, ищущих острых ощущений и легкого приработка. Для каждой из них у нее

находились нужное слово, убедительный жест, несокрушимый довод.

И долго не приходилось убеждать. Женщины быстро привыкали, становились совсем ручными. А дальше к доводам Антонины Александровны прибавлялся самый страшный и убедительный: боязнь огласки, шантаж.

Когда Апостолова познакомилась с В-ой, та еще не была замужем. Молодая, легкомысленная девушка быстро попала в ее цепкие руки. Она, как и другие, приходила по вызовам к бывшей генеральше, сходилась там с мужчинами, отдавала Антонине Александровне большую часть своего «заработка». Выйдя замуж, В-ва решила порвать с Апостоловой. Но генеральше не хотелось терять такую молодую, красивую женщину. Она вызвала ее к себе.

— Вы что же это, голубушка,— сказала она,— разбогатели, важничать стали. Во мне уж больше не нуждаетесь. Вы почему не являетесь?

Дрожа и захлебываясь слезами, В-ва несвязно начала объяснять, что она любит мужа, что у них налаживается дружная, хорошая жизнь. Но генеральша ее перебила:

— Ах, оставьте, пожалуйста, глупые эти сентименты. Мы не гимназистки и это нам не к лицу. Подумаешь — мужа любит! Все мы, милая, любим и это не мешает нам шалить. Глупости! Извольте быть паинькой и не подводить меня. Вот Сергей Порфирьевич три раза меня спрашивал. Никого кроме вас и видеть не хочет. Завтра же в пять приходите. И потом, если вы любите мужа, то должны охранять его покой.

— То есть, какой покой?

— А вот какой. Если вы будете капризничать, то ему очень просто могут стать известными некоторые ваши похождения. Поняли?

В-ва поняла. И повесилась.

В выборе посетителей Антонина Александровна также была очень осторожна и предусмотрительна. Попасть к ней можно было только по верной рекомендации. И то только пожилым, семейным людям.

— Терпеть не могу этих петушков,— говорила Апостолова о молодых,— нельзя на них положиться. Того и гляди, что разболтают, проговорятся. Нет, знаете, меньше сорока лет не приводите. И потом условие — обязательно женатых. Холостякам не доверяю.

И ее действительно посещали только солидные женатые люди. И хозяйку и посетителей и женщин связывал неписанный, железный закон общей поруки, общего страха огласки, скандала.

Являясь формально свидетелями по делу, все эти мужчины и женщины боялись только одного: огласки. Они охотно рассказывали самые циничные подробности своих похождений в доме генеральши, умоляя только о том, чтобы показания их не получили огласки, чтобы суд происходил при закрытых дверях.

Между тем в газеты просочилась глухая заметка о раскрытом притоне, в нэповских домах и салонах возник острый интерес к этому делу, о нем говорили, много выдумывали, шепотком, с блестящими глазами рассказывали «по секрету» пикантные подробности, называли фамилии, хотя в сущности никто ничего не знал.

Одна из свидетельниц, жена архитектора, давно и часто бывавшая у Апостоловой, говорила мне со слезами:

— Поймите, поймите мое положение. Вчера я с мужем была в гостях у Чардынцевых. Заговорили об этом деле. И вот муж, весь красный, завел за столом спор. Я бы, говорит, на месте суда всех этих дам привлек в первую очередь. Я бы их всех в Соловки выслал.

Смеясь и плача, она добавила:

— Сами понимаете, каково мне это было слушать, имея уже повестку на допрос к вам...

Апостолова на следствии вела себя сдержанно. Сначала она пыталась все отрицать, но когда ее изобличили окончательно, созналась. Сохраняя все тот же надменный вид, она заявила:

— А чем же мне, бывшей генеральше, еще заниматься. Работать я не умею и не хочу. А жить хочу и умею. Женщин знаю. Сама женщина. И мужчин изучила достаточно. Ну вот и комбинировала. Не в ткачихи же мне итти.

И она скорчила брезгливую гримаску.

# ОБМЕН ОПЫТОМ

## Некоторые итоги работы территориальных прокуроров по борьбе с крушениями на железнодорожном транспорте

20 августа 1937 г. Прокурором СССР было разослано циркулярное письмо за № 63/15, адресованное прокурорам территориальных районов, прилегающих к железнодорожному транспорту, и прокурорам ж.-д. транспорта. В этом письме наряду с директивными указаниями о том, как необходимо проводить в жизнь приказ народного комиссара путей сообщения и Прокурора Союза ССР за № 134/д/468 — о новом порядке расследования дел об авариях и крушениях,— на прокуроров районов и прокуроров железных дорог возлагалась обязанность сообщить, что препятствует проведению в жизнь этого приказа и как организована помощь районным прокурорам со стороны прокуроров железнодорожного транспорта при осуществлении ими функций, изложенных в приказе № 134/д/468.

Прокурорам районов, включенных в обслуживание железнодорожного транспорта по расследованию крушений и аварий, этим письмом предложено после каждого выезда в связи с аварией или крушением сообщить, что мешало им в осуществлении возложенных на них функций.

Со дня издания письма Прокурором СССР в главную прокуратуру железнодорожного транспорта поступило свыше 250 писем районных прокуроров, присланных ими в ответ на письмо Прокурора СССР.

Эти письма ярко иллюстрируют работу районных прокуроров в области борьбы с крушениями и авариями и освещают их работу по усвоению и обеспечению нового порядка расследования этих дел.

Большинство районных прокуроров в этих письмах сообщает, что они достаточно точно ос-

ведомлены об их обязанностях по борьбе с крушениями и авариями на железнодорожном транспорте и что приказ № 134/ц/468 ими усвоен.

За небольшим исключением, все районные прокуроры получили инструкции о новом порядке расследования дел о крушениях и авариях; снабжены они также и необходимой технической литературой: правилами технической эксплоатации железных дорог и инструкциями по сигнализации. Большинство прокуроров районов, за время с момента введения нового порядка расследования дел о крушениях и авариях, принимали уже участие в расследовании этих дел и самостоятельно составляли акты первоначального расследования.

Почти в 40% случаев выездов на места в связи с авариями и крушениями районные прокуроры самостоятельно выясняли и устанавливали причины крушений. В остальных случаях они выезжали на места позднее прокуроров железнодорожного транспорта и поэтому лишь присутствовали при производстве расследования последними.

Какие же затруднения встречали в работе районные прокуроры при осуществлении ими своих обязанностей, возложенных на них приказом № 134/ц/468?

В основном эти затруднения сводились к следующему:

1) Недостаточность у районных прокуроров знаний в области элементарной транспортной техники затрудняет в отдельных случаях для них возможность правильно разобраться в том, кто должен нести ответственность за содержание пути в состоянии, не обеспечивающем безопасное движение поездов, за состояние подвижного состава, за стрелочное хозяйство и т. д. Тем более, что на транспорте еще не изжита вредная тенденция ведомственной грызни и перекладывания ответственности агентами одной службы на другую. А за этой ведомственной грызней нередко скрываются гнусные действия вредителей.

2) В ряде случаев на аварии вовсе не выезжают ревизоры по безопасности движения поездов. Это создает еще большие затруднения в работе районных прокуроров, так как в таких случаях они лишены возможности обосновать свои выводы заключением ревизора.

Невыезд же ревизора на аварии является прямым нарушением приказа № 134/ц/468, почему главная прокуратура ж.-д. транспорта об этих случаях доводит до сведения главного ревизора по безопасности.

3) Серьезным препятствием, мешающим проведению в жизнь приказа № 134/ц/468, все еще остается недисциплинированность отдельных начальников станций и диспетчеров отделений движения, которые в нарушение приказа не во всех случаях и не всегда своевременно уведомляют районных прокуроров об авариях и крушениях.

Так, например, прокурор Гдовского района (Ленинградская область) т. Липовский сообщает о том, что в течение всего сентября и первой половины октября 1937 г. на ст. Гдов и ст. Сланцы имели место три случая аварий, и начальники этих станций не известили об этих случаях т. Липовского.

Аналогичные сообщения получены от прокуроров Нагутского района (Орджоникидзевская ж. д.), Рубинсанского района (Донецкая область), Калужского района (Тульская область) и некоторых других прокуроров районов.

4) В ряде своих писем прокуроры районов указывают на то, что начальники станций с опозданием извещают их об авариях и крушениях. Поэтому, опоздав к отправлению восстановительных поездов, они лишены возможности быстро прибыть на место аварии.

5) Большинство райпрокуроров справедливо упрекает прокуроров железнодорожного транспорта в отсутствии внимания, в отсутствии деловой помощи и живой связи.

Из писем можно заключить, что после проведения в мае — июне 1937 г. совещаний при областных и республиканских прокуратурах по вопросам обслуживания железнодорожного транспорта, живая связь прокуроров железнодорожного транспорта с райпрокурорами все еще не налажена.

Многие прокуроры районов высказывают свои соображения о необходимости:

а) созыва совещаний по вопросам расследования крушений и аварий при прокуратурах дорог;

б) установления такого порядка, когда прокуроры железнодорожных участков приглашали бы для участия в расследовании дел о крушениях ближайших территориальных прокуроров, если последние не выезжали на крушения, для ознакомления с практикой расследования этих дел;

в) организации изучения правил технической эксплоатации и правил сигнализации.

Значительная часть прокуроров районов высказывается за необходимость созыва их для этой цели на 3—5-дневные семинары.

Несмотря на наличие в работе районных прокуроров затруднений, создаваемых по вине отдельных работников железнодорожного транспорта, со стороны большинства прокуроров районов проявлена большая инициатива и настойчивость в деле осуществления нового порядка расследования и функций, возложенных на них приказом № 134/ц/468.

Так, например, прокурор г. Ульяновска т. Арякин, не получая извещений о случаях аварий и крушений, лично проверил на обслуживаемых им станциях, имели ли место аварии и почему он о них своевременно не был извещен. Поддерживая деловую связь с участковым железнодорожным прокурором, тов. Арякин добился оказания помощи в изучении инструкции о порядке расследования дел об авариях и крушениях.

Прокурор Шатковского района т. Еремин (Горьковская область) энергично выполняет приказ № 134/ц/468. Он провел два совещания с работниками ст. Шатки и договорился с ними о способах извещения его об авариях и крушениях. Тов. Еремин дважды выезжал на аварии и несмотря на то, что на эти аварии ревизор не выехал, самостоятельно составил первоначальные акты. Дела об этих авариях были им закончены расследованием в трехдневный срок и с обвинительными заключениями были переданы прокурору участка железнодорожного транспорта. Выявив случай несвоевременного извещения об аварии, тов. Еремин поставил вопрос о привлечении начальника ст. Шатки к дисциплинарной ответственности.

Прокурор Мало-Вишерского района (Ленинградская область) тов. Булатов, хотя и не имел поводов для выезда на аварии, все же побывал

на всех станциях, которые он должен обслуживать, установил связь с работниками этих станций и договорился о порядке извещения его об авариях и нарушениях. При помощи командиров станции тов. Булатов приступил к изучению правил технической эксплоатации.

Отметим, что в ряде мест прокуроры районов приступили к изучению правил технической эксплоатации при помощи командиров ж.-д. транспорта. Так, прокурору Кзыл-Ординского района (Казахская ССР) тов. Боротаеву помогает в изучении правил технической эксплоатации начальник ст. Кзыл-Орда, прокурору Котласского района (Северный край) тов. Воронову в изучении этих правил помогает начальник ст. Котлас.

Заслуживает внимания положительный опыт и инициатива исполняющего обязанности прокурора Сталинской дороги тов. Захарова, который организовал трехдневные семинары по изучению правил технической эксплоатации и правил сигнализации для районных прокуроров, включенных в обслуживание железнодорожного транспорта, причем районные прокуроры положительно отзываются об этих занятиях.

Но не все районные прокуроры одинаково поняли свои обязанности в связи с приказом № 134/ц/468 и не все они по-настоящему развернули свою работу. 35 прокуроров районов в ответ на циркулярное письмо Прокурора СССР от 20 августа 1937 г. в лаконической форме написали о том, что крушений и аварий на их участках не было и поэтому о ходе выполнения приказа № 134/ц/468 они ничего сообщить не могут.

Отдельные прокуроры совершенно неправильно считают, что выезжать на аварии они не обязаны, так как рядом с ними находится камера прокурора железнодорожного участка, при этом они даже не считают своей обязанностью проверить, выехал ли на аварию железнодорожный прокурор, и лишь после этого решать вопрос о целесообразности своего выезда. Такое поведение нельзя расценивать иначе, как грубое нарушение приказа № 134/ц/468.

Так, прокурор г. Денау (Таджикская ССР) т. Бахадыров, проживающий вблизи станции, отказался выехать на крушение, заявив, что это не его дело и что для этого существует железнодорожная прокуратура. Прокурор Хавасского района Узбекской ССР в сентябре 1937 г. отказался выехать на место железнодорожной аварии, заявив, что железнодорожный транспорт он не обслуживает.

Подобное отношение отдельных прокуроров к важнейшим своим обязанностям, вытекающим из решений исторического февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), вызвало постановку вопроса о привлечении виновных в грубом нарушении приказа № 134/ц/468 к дисциплинарной ответственности.

За неудовлетворительную работу прокуроров районов по выполнению ими изложенных в приказе № 134/ц/468 обязанностей должны также нести ответственность областные, краевые и республиканские прокуроры. Необходимо в ближайшее же время организовать повседневный контроль и руководство работой районных прокуроров в этой области и своевременно исправлять допущенные ими ошибки.

Не меньшая ответственность за допущенные ошибки лежит и на прокурорах дорог, не организовавших своевременного извещения районных прокуроров о крушениях, не установивших с ними живой и письменной связи и не добившихся организации технической учебы по изучению правил технической эксплоатации и правил сигнализации.

Эти недостатки должны быть в ближайшее время устранены.

Практика обмена письмами между районными прокурорами и главной прокуратурой железнодорожного транспорта целиком себя оправдала. Эта практика дает возможность ближе и лучше изучить состояние работы по проведению в жизнь приказа № 134/ц/468, знать и исправлять допущенные на местах ошибки. Обмен письмами необходимо продолжить.

Надо, однако, предъявить большую требовательность к работникам главной прокуратуры железнодорожного транспорта, на которых возложена обязанность не только отвечать на все запросы районных прокуроров, с просьбой тех или иных разъяснений, но и обобщать поступающие материалы, своевременно давая необходимые указания, обеспечивающие нормальную работу районных прокуроров по выполнению возложенных на них приказом № 134/ц/468 функций.

**Кондратьев**

## Расследование убийств

До настоящего времени в работе нашего следователя наиболее слабым участком остается расследование убийств. Это объясняется прежде всего тем, что расследование этой категории дел в большей мере, чем другие, требует применения научных методов техники расследования преступлений. Вот почему отсутствие твердых знаний в области техники расследования преступлений у следователя, неуменье применять эту технику на практике особенно дает себя знать при расследовании дел об убийствах.

Дело об убийстве не будет успешно раскрыто, если плохо произведен осмотр места происшествия, не обнаружены и не собраны вещественные доказательства, во-время не привлечены на помощь специалисты по дактилоскопии, судебной медицине, судебной химии и т. п. Эти требования элементарны с точки зрения уголовной техники, но беда заключается в том, что для многих наших следователей это еще остается — «за семью печатями».

Вот почему приходится еще и еще раз говорить об этих недостатках при расследовании отдельных видов преступлений, в особенности убийств. Главное сейчас в том, чтобы на разборе конкретного дела показать, куда приводит игнорирование уголовной техники. Советская криминалистика уже вышла из пеленок и дает в руки следователя сильнейшее научное оружие в борьбе с преступностью. Криминалистику нужно изучать и, изучая, применять на практике ее выводы.

Постараюсь на подробном разборе трех следственных дел показать, что значит неумелое применение уголовной техники.

В селе Шебелинках Балаклейского района Харьковского округа в одиноко стоящей хате 25 ноября 1934 г. утром был обнаружен труп хозяйки этого домика — гр. М. Гр. М. было около 40 лет, жила она одиноко, муж ее работал в со-

седнем селе и там же жил. В ночь с 24 на 25 ноября гр. М. дома не было.

Из обстоятельств дела сразу же было видно, что в данном случае имело место убийство.

Подозрение в убийстве М. пало на крестьянина того же села И. Д.

Произведенным по делу следствием было установлено следующее: гр. М. проживала в своем доме одна, но за несколько дней до убийства она высказала намерение перейти жить к своему брату С. Ш., который проживал в том же селе. Часть вещей гр. М. уже успела переправить в дом Ш.

В ночь с 23 на 24 ноября, то есть за день до убийства, у гр. М. ночевал ее племянник Н. Ш. (сын С. Ш.), который ушел от гр. М. рано утром 24 ноября. Около 10 часов в тот же день к дому гр. М. пришел второй ее племянник, И. Д. Он пришел с тачкой, чтоб помочь перевезти гр. М. остатки ее вещей, но не мог войти в дом, так как дом был закрыт изнутри. На входной двери Д. заметил пятна крови.

Возвращаясь обратно, И. Д. встретил Н. Ш., и они вместе вновь направились к дому гр. М. На этот раз входная дверь в дом гр. М. оказалась запертой уже на висячий замок. Заглянув, по их словам, в сарай, они увидели там лошадь светлосерой масти. Кому принадлежала эта лошадь, они не установили и, ничего не предприняв, ушли домой. Вечером того же дня Н. Ш. вновь отправился к дому гр. М., найдя дверь снова запертой, вернулся домой и рассказал обо всем своему отцу С. Ш. Выслушав рассказ сына, С. Ш. почему-то сразу решил, что его сестра убита. Однако, сделав такое предположение, он не пошел тотчас к сестре, а отложил это до утра.

Утром 25 ноября С. Ш. пришел к дому гр. М. Дверь была закрыта на висячий замок, на двери виднелась кровь, а через окно видно было, что в комнате в беспорядке разбросаны вещи. По словам Ш., он сорвал замок и, войдя в сени, увидел там окровавленный труп гр. М.

Произведенным милицией осмотром установлено, что заявление Шоховцова о беспорядке в доме гр. М. не соответствовало действительности. Вещи в доме не были разбросаны, даже постель не была раскинута.

Первоначальный осмотр был произведен поверхностно. Вещественные доказательства не были обнаружены. Следы не исследовались и не были закреплены. В результате такого осмотра не оказалось никаких данных, которые бы давали возможность предположить, кем могло быть совершено преступление.

Несмотря на это обстоятельство следователь, приступая к следствию, не произвел повторного осмотра места преступления, хотя орудие убийства и следы установлены не были. А ведь по этому делу только тщательный осмотр мог дать в руки следователя вещественные доказательства, на основании чего можно было бы сделать выводы об обстоятельствах, при которых совершено убийство.

Осмотр места происшествия по делам об убийствах является первым и основным следственным действием и от того, как он будет произведен, часто зависит все дальнейшее следствие.

В данном случае осмотр был произведен плохо, а следователь этого дела не выправил. По этому все следствие пошло самотеком, без всякого плана.

С. Ш. заявил, что для него непонятны мотивы убийства, так как у М. ничего ценного не было. Следователь не проверил, почему же тогда гр. М. решила перебраться жить к своему брату. Муж гр. М. показал, что у его жены должно быть два пуда пшеничной муки и 80 руб. деньгами. Куда делись мука и деньги, следователь и не пытался установить.

Для розыска убийцы прибегли к помощи служебно-розыскной собаки местной милиции. Собака, побыв в сенях у М. и в сарае, привела к дому Д. И. Д. И. в это время не был дома, собака облаяла его родных. Вещественных доказательств обнаружено не было. Между прочим, раньше та же собака была на месте другого убийства, происшедшего в том же селе, и также привела к дому И. Д.

После этого некоторые свидетели показали, что в сарае у гр. М. в день убийства стояла лошадь И. Д. Однако свидетель З. заявил, что в сарае у гр. М. стояла лошадь не гр-на И. Д., а А. Д.

Последний свидетель по этому вопросу, И. Д., сперва утверждал, что в сарае М. стояла лошадь И. Д., но при вторичном допросе отказался утвердительно ответить, была ли это лошадь Д. или К., так как по словам Д. он видел только круп лошади.

Проверить и установить, чья же в самом деле была лошадь и была ли она в действительности в сарае, следователь не попытался, хотя не может быть такого положения, чтоб в деревне днем никто не видел, когда и кто въехал во двор М. и выезжал оттуда. Можно было снять слепки со следов лошади и повозки и сличить их со следами ног лошади Д. и К., но и это не было сделано.

Только на том основании, что служебно-розыскная собака привела к дому И. Д., следователь счел возможным привлечь последнего в качестве обвиняемого по делу об убийстве М.

Следователь даже не попытался установить, каким орудием убита Мартынова. Наружным осмотром трупа М. обнаружены на голове рубленые раны в области темени, левого виска и затылка. Судебно-медицинский эксперт предположил, что орудием убийства было долото. Но это было только предположение, причем предположение ни на чем не основанное.

Таким образом обвинение И. Д. не было поддержано вескими доказательствами, и дело 28 июля 1936 г. Харьковской областной прокуратурой было прекращено. Полтора года велось следствие, обвиняемые содержались под стражей, и в конце концов за недоказанностью их виновности дело прекращается. Прекращение дела говорит о том, что обвинение было необоснованным, и позволительно будет спросить Харьковскую прокуратуру, на каком основании люди содержались под стражей? Выездная сессия Харьковского областного суда в заседании 25—27 апреля 1935 г. признала виновными в совершении преступления братьев Д. И. и П. и приговорила их к расстрелу. А год спустя после этого дело прекращается за отсутствием доказательств!..

Совершено тягчайшее преступление — убийство. Убийца не обнаружен. Людей без достаточных оснований содержали под стражей. Допустимо ли такое положение?!

Раскрытие убийства М. не представляло бы затруднений, если бы следователь соблюдал элементарные требования научного ведения след-

ствия. Следователь взял за исход одну версию и упорно держался за нее до конца, не пытаясь и не желая проверить и выяснить другие данные.

Почему, например, следователь не произвел осмотра места происшествия? Очевидно, он считал достаточным то, что собака облаяла родных Ивана Д., к чему же после этого заниматься такими пустяками, как осмотр!

Не было выяснено, каким орудием было совершено убийство. Судебно-медицинский эксперт предположил, что это было долото, но его не обнаружили. Нашли топор, но оказалось, что он не имел никакого отношения к делу.

Не было проверено очень важное обстоятельство — 24 ноября в 10 часов утра племянник М. И. Д. нашел дверь дома, где проживала Мартынова, закрытой изнутри, а когда он возвратился через 20 минут, то эта дверь уже оказалась закрытой на висячий замок. А ведь это дает основание предполагать, что преступник был в это время в доме М., причем он должен быть знакомым с обстановкой в доме М., если так быстро нашел замок, закрыл входную дверь и исчез. Следствием не установлено, кому принадлежал этот замок — М. или нет. Если у М. такого замка не видели, то в деревенских условиях вполне возможно было установить, кому этот замок принадлежал.

Совершенно не был поставлен вопрос, не принадлежал ли этот замок С. Ш.

Следователь должен был обратить внимание на поведение С. Ш. Являясь братом убитой, он, предположив, что с сестрой что-то случилось, отложил, однако, посещение ее до утра. А утром сорвал замок с двери Мартыновой без предупреждения об этом властей или хотя бы соседей.

Ш. утверждал, что у М. ценностей не было, а муж ее указывает, что у нее были деньги и 2 пуда пшеничной муки. Если у М. не было ценного имущества, то совершенно непонятно, почему Ш. настойчиво предлагал ей переехать к нему после того, как у М. украли боченок помидоров. Самый факт убийства после того, как уже самое важное из имущества М. было перевезено к Ш., тоже наводит на некоторые предположения не в пользу Ш.

Следователь не поставил перед собой задачу выяснить, было ли что-либо и что именно похищено у М. Муж М. показал, что у нее было 2 пуда пшеничной муки и 80 руб. денег. Были ли они действительно, и где они находились после убийства — не установлено.

Такое отношение к собиранию доказательственного материала и привело к тому, что следователь в конце концов пришел к мысли о необходимости прекратить дело.

В том же селе Ш. 26 ноября 1934 г. было обнаружено второе убийство. На этот раз жертвой убийства была учительница местной школы С. Б.

Бунверская жила одна в квартире при школе. Квартира имела два входа — один с улицы, другой из школьных классов.

В 5 часов утра 26 ноября к сторожу общественного магазина посевного материала, который находился около школы, подошел сторож школы Е. и сообщил ему, что в школе что-то неладно. Вход в классы открыт, а в квартиру учительницы Б. закрыт. Ершов тут же высказал предположение, что, вероятно, учительница задушена. Войдя через школу в коридор квартиры учительницы Б., они действительно обнаружили там труп учительницы.

Осмотром трупа установлено, что на шее имеется две странгуляционных борозды от двух тесемок. Тесемки были сделаны из пояса платья, тут же был обнаружен обрывок брючного ремня с металлической пряжкой. Около трупа лежал мешок с пятнами крови, а к стене был приставлен кругляк длиною 2,5 метра, на котором были видны следы грязи от сапог. Люк, ведущий из коридора на чердак, был открыт и на чердаке были видны следы, идущие к люку.

В спальне Б. был найден штык от австрийской винтовки. Штык стоял приставленным к стене. Все перечисленные вещественные доказательства были изъяты и приобщены к делу.

По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть Б. наступила от задушения.

Подозрение в убийстве пало на П. Д. и местного жителя Арсения Г. Основанием для подозрения были показания трех учеников школы, которые 25 ноября утром видели, как учительница Б. возвратилась к себе в квартиру с молоком, а вскоре после этого в школу вошли Г. А. и еще с ним неизвестный мужчина, которого ребята не узнали. Через некоторое время мужчины вышли из школы и побежали к оврагу.

Следователь произвел обыск у подозреваемых Д. и П. Д. При обыске обнаружен мешок со следами крови. Мешок, найденный на месте происшествия, и мешок, отобранный при обыске, были направлены на экспертизу в Харьковский институт судебной экспертизы. Экспертиза установила, что на обоих мешках пятна конской крови. Штык от австрийской винтовки, найденный в спальне у Б., по словам малолетних свидетелей З. и Р., они видели у сына И. Д.

Привлеченные по делу в качестве обвиняемых в убийстве учительницы Б. П. и И. Д. и А. Г. не признали себя виновными и рядом свидетельских показаний установили свое алиби.

Показания школьников З., Р. и Е. о том, что они видели Г. А. и другого неизвестного им мужчину входящими и выходящими из школы, неправдоподобны. Гора, на которой в день убийства Б. катались дети, находилась от школы на расстоянии 400 метров. На таком расстоянии они не могли узнать, кто входил и кто выходил из школы. Неполноценным оказывается и второе показание ребят, что они видели штык от австрийской винтовки у сына Д. Такие штыки видели и у других жителей этой деревни.

Несмотря на эти явно неполноценные доказательства, дело об убийстве Б. было объединено с делом об убийстве М., и выездная сессия Харьковского областного суда в судебном заседании от 25—27 апреля 1935 г. рассмотрела это дело. Считая доказанным, что убийство Мартыновой и Б. совершено братьями Д. и Г., сессия Харьковского областного суда, как уже выше говорилось, приговорила И. и П. Д. к расстрелу, а Г. к 10 годам лишения свободы.

Приговор был отменен Верховным судом УССР, и дело было возвращено на доследование. Но время уже было упущено, доказательства уже были уничтожены, следы исчезли, и новое доследование ничего не могло прибавить в доказательство виновности братьев Д. и А. Г.

Как и по делу об убийстве М., так и по делу об убийстве учительницы Б. в ведении следствия были допущены грубейшие ошибки.

По делу Б. были обнаружены следы на чердаке школы, но это важное доказательство совершенно не было использовано. Следы не были сфотографированы, с них не были сняты слепки, даже не было прослежено, куда эти следы вели.

Следователь не выяснил, откуда в коридоре у Б. взялся кругляк длиной в 2,5 метра. Все говорило о том, что преступник воспользовался им, чтоб спуститься в квартиру Б. с чердака. Где раньше находился этот кругляк — не установлено.

Не выясненным остался вопрос о том, как проник преступник на чердак школы. На чердак можно было попасть двумя путями, снаружи и через двери школы. Если убийцы были незнакомые для Б. люди, то проникновение их к ней через чердак должно было вызвать с ее стороны крик и попытки самозащиты. Но если убийца был кто-нибудь из персонала школы, то он мог легко попасть на чердак и проникнуть оттуда в квартиру Б. В последнем случае Б. могла спокойно отнестись к внезапному появлению в ее квартире этого человека, который, воспользовавшись этим, внезапно набросил ей на шею свой брючный ремень.

Необходимо было подвергнуть тщательному исследованию обрывок этого ремня. Длина этого обрывка всего 26 см. Последнее обстоятельство показывает, что ремень оборвался и вторую половину ремня убийца унес с собой. Нельзя предположить, что найденным коротким обрывком ремня можно было задушить взрослую женщину, охват шеи которой равен 35 см. При обысках у подозреваемых нужно было бы искать вторую половину этого ремня.

Как относился следователь к собиранию вещественных доказательств, показывает случай с мешками. В деле фигурировали два мешка: один найденный на месте происшествия, другой — в квартире подозреваемых. Впоследствии эти мешки смешали, и один из них даже был утерян. В результате при предъявлении оставшегося мешка нельзя было даже установить, взят ли он с места преступления или изъят при обыске у подозреваемых.

Очевидно, что мотивом убийства Буниверской была также корыстная цель, но следователь не выяснил, что же было похищено у Б. Б. лично зарабатывала, ее вклад в сберкассу достиг к моменту убийства 6 550 руб. В день убийства у Б. могло быть наличными деньгами около 300—400 руб. Эту сумму нужно было искать у подозреваемых, но и этого сделано не было.

Очень многое в деле говорило о возможной причастности к убийству Б. сторожа школы Е. Но следствие уделило этому очень мало внимания. Вначале Е. был привлечен в качестве обвиняемого, а потом освобожден за недоказанностью. Между тем в поведении Е. очень много сомнительного. В августе 1934 г. он был уволен из школы за кражу у Б. Вновь в школу Ершов был принят только за месяц до убийства. Как провел Е. день 25 ноября, следователь не выяснил. 26 января Ершов в 5 часов утра заявил сторожу магазина С., что в школе неблагополучно, и тут же высказал почему-то предположение, что учительница задушена, хотя он, по его словам, в школу еще не входил. Естественно встает вопрос, почему Е. сделал столь «точное» предположение. Кроме этого, Е. обыкновенно являлся на работу в 7 часов утра, а 26 ноября явился в 5 часов утра. Как узнал Е. в темноте, что в школе неблагополучно?

Кругляк, который обнаружен был в коридоре у Б., мог быть из тех дров, которые рубил Ершов. Этого также не выяснили.

Как видим, при таком ведении следствия прекращение дела обычно является его естественным концом. Следственные органы оказались бессильными раскрыть кровавое преступление, и гнусные убийцы остались на свободе. Как после этого можно надеяться, что ведущие указанное дело следователи, прокуроры и судьи будут пользоваться авторитетом в глазах окружающего их населения?

Переходим к третьему примеру. 7 мая 1937 г. выстрелом из огнестрельного оружия недалеко от деревни Пашки, Иркутского района, была убита работница совхоза Дементьева.

В качестве обвиняемого по делу убийства Дементьевой был привлечен гр. Солдатов, член ВЛКСМ, работник совхоза. Дело казалось всем бесспорным, следствие было быстро закончено, и Солдатов был осужден на 8 лет. Но каков был конфуз иркутских следователей, когда после вынесения приговора нашлись настоящие убийцы Дементьевой. Это была группа несовершеннолетних, которые, совершив убийство, и не думали никуда скрываться.

Как могло получиться, что честный советский гражданин, не имеющий никакого отношения к убийству, был обвинен и осужден судом? Это случилось только потому, что такое ответственное дело, как следствие, доверили безграмотным людям.

Солдатова обвинили в том, что он убил выстрелом из огнестрельного оружия Дементьеву. Из какого оружия был произведен выстрел — не установлено. Следователь и не задавался таким вопросом, очевидно, он даже не имеет понятия о том, какие данные можно получить от экспертизы огнестрельного ранения.

Необходимо было выяснить:

1) является ли данное повреждение огнестрельным;

2) сколько сделано выстрелов;

3) если рана сквозная, выяснить, какое входное, какое выходное отверстие;

4) из какого огнестрельного оружия был произведен выстрел;

5) найдены ли на месте преступления выстреленные гильзы;

6) исследовать внедрившиеся порошинки вокруг огнестрельного ранения и установить сорт пороха в патронах;

7) установить, не имело ли в данном случае места самоубийство.

Ни один из этих вопросов не был на следствии выявлен. Больше того, Солдатов доказывал, что у него нет огнестрельного оружия, и сам просил проверить это. Однако его просьба не была выполнена.

Все обвинение было построено на показаниях свидетеля Чазовой. При первоначальном допросе Чазова заявила, что в день убийства она шла по дороге около деревни вместе с гр. Дементьевой. В то время когда Дементьева свернула влево, а она, Чазова, вправо, раздался выстрел, которым Дементьева была убита. Кто выстрелил и откуда — неизвестно.

На этом допросе она показала, что была сильно перепугана случившимся и не помнит, проезжала ли в это время мимо легковая машина. Но на втором допросе уже заявила, что выстрел был произведен из легковой машины и что в машине сидело четверо мужчин. Опознать стрелявшего Чазова отказалась, но в дальнейшем в лице Солдатова признала того, кто стрелял из машины. На судебном заседании она, вместо Солдатова, опознала гражданина Булах.

Несмотря на все эти противоречия, следователь не взял под сомнение показания Чазовой и положил их в основание обвинения Солдатова. Следователь имел предупреждение о характере показаний Чазовой от ее мужа, который заявил, что Чазовой доверять нельзя, ибо «у жены бывают минуты просветления и она говорит правильно, а затем вдруг переходит на разговор, совершенно не относящийся к первоначальной теме, и несет всякую чепуху, то-есть заговаривается». Амбулаторное исследование гр. Чазовой экспертами-психиатрами привело последних к выводу, что гр. Чазова является личностью с истерическими чертами характера и невысоким умственным уровнем.

Все это говорит за то, что к показаниям «свидетеля-очевидца» Чазовой нужно отнестись весьма критически. Но следователь даже не попытался проверить другие версии.

Как проводился в данном случае важнейший следственный акт — осмотр места происшествия, показывает участник этого осмотра фельдшер Володин: «Мы предполагали, что пуля пробила голову и улетела в лес. Осматривая близ стоящие березки, на одной из них мы нашли свежую царапину, как будто сделанную полетом пули, и заключили, что это «дальнейший полет пули», совершенно не предполагая, что пуля запуталась в волосах головы покойной» (!). И на таком акте «осмотра» следователь успокоился и совершенно не пытался выяснить истинную обстановку убийства.

Извлеченная из трупа пуля не была предметом специального исследования. Современные научные данные баллистической экспертизы позволяют с большой степенью достоверности сказать, из какого оружия произведен выстрел. Еще с большей достоверностью можно установить, из данного ли оружия выстрелена рассматриваемая пуля (для чего необходимо произвести идентификацию огнестрельного оружия по выстрелянной пуле). Но так как следователь не нашел то оружие, из которого, по его мнению, был произведен выстрел, то следователь совершенно не занимался всеми указанными выше вопросами.

В результате был осужден ни в чем неповинный человек. Можно ли спокойно пройти мимо всего этого? Можно ли признать нормальным такое положение, при котором органы прокуратуры, призванные охранять честь и достоинство советского гражданина, сами нарушают его? Необходимо, скорее освободиться от неграмотных, неквалифицированных следователей. Некоторых из них надо направить на учебу, а некоторых придется совсем освободить от этой работы.

Задачи, которые стоят сейчас перед прокурорско-следственными органами, могут быть хорошо выполнены только политически грамотными людьми, вполне овладевшими техникой своего дела.

**С. Митричев**

## О роли прокурора в надзоре за законностью постановлений общественных и товарищеских судов

Согласно ст. 19 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. (С. У. № 51, ст. 629) о сельских общественных судах «народный судья, обнаруживший в постановлении сельского общественного суда своего района существенное нарушение закона и интересов трудящихся, приостанавливает исполнение этого постановления и принимает дело к своему производству для рассмотрения по существу». Аналогичные постановления мы имеем и в положении о сельских общественных судах других союзных республик.

Таким образом, закон возлагает на народных судей функции надзора за законностью постановлений сельских общественных судов, так же как на народных судей возлагается обязанность руководства и инструктажа сельских общественных судов.

То же мы имеем и в отношении производственно-товарищеских судов. Так, в ст. 16 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 февраля 1931 г. (С. У. № 14, ст. 160) указывается, что «надзор за деятельностью производственно-товарищеских судов осуществляется народным судом. Народный судья, обнаружив в производственно-товарищеском суде дело, неподсудное этому суду, или усмотрев в постановлении производственно-товарищеского суда превышение его компетенции, либо существенное нарушение закона, приостанавливает исполнение этого постановления, изымает дело и принимает его к своему рассмотрению».

Значит ли это, однако, что прокуроры вправе и должны стоять в стороне от надзора за законностью деятельности общественных и товарищеских судов? На этот вопрос не может быть двух ответов. Прокуроры не вправе и не должны брать на себя функции руководства, инструктажа общественно-товарищеских судов, ибо это значило бы вторгаться в права и обязанности народных судей. Но никто не освобождает прокуроров от обязанностей борьбы с нарушениями революционной законности, кем бы они ни совершались. В том числе прокуроры обязаны бороться и с нарушениями законности и со стороны отдельных общественных товарищеских судов, если эти нарушения своевременно не устраняются народными судами или если первым узнает о них прокурор.

То обстоятельство, что руководство, инструктаж и надзор по конкретным делам общественных и товарищеских судов обязаны осуществлять в первую очередь народные судьи, также не может освободить прокурора от обязанностей общего надзора за революционной законностью, от обязанностей принятия мер к немедленной отмене выявляемых им незаконных постановлений сельских общественных судов и производственно-товарищеских судов,— как не освобождает прокурора от обязанностей опротестовывать нарушающие закон приговора или решения судов первой инстанции то обстоятельство, что судами первой инстанции руководят вышестоящие судебно-надзорные инстанции.

Эту совершенно бесспорную обязанность, к сожалению, многие районные прокуроры совершен-

но забывают. Положение вещей в большинстве мест таково, что районные прокуроры целиком устраняются от борьбы с нарушениями революционной законности, наблюдающимися в работе отдельных общественных и товарищеских судов.

Это было бы с полбеды, если бы, во-первых, такие нарушения носили бы единичный характер, а во-вторых, если бы эти нарушения во всех случаях своевременно исправлялись и устранялись народными судьями. Но в действительности дело обстоит не так. В этом можно убедиться хотя бы из следующих отнюдь не наиболее ярких и исчерпывающих фактах и цифрах.

Возьмем, например, вопрос о соблюдении СОС и ПТС установленных для них законом рамок подсудности.

Такие нарушения в работе многих общественных и товарищеских судов имеют весьма значительное распространение. При обследовании 7340 сельских общественных судов Украинской ССР в 1936 г. оказалось, что больше половины (!) рассмотренных ими дел, согласно законам, действовавшим в УССР, не подлежало рассмотрению в сельских общественных судах. Такую же картину, примерно, дало обследование 1125 СОС Украины в первом квартале 1937 г. 61% всех дел, рассмотренных за этот период СОС, согласно закону, не должен был ими рассматриваться.

Аналогичные нарушения выявлены и со стороны целого ряда СОС других союзных республик. Так например, по РСФСР в 1936 г. 10,5% рассмотренных СОС дел касались нарушений трудовой дисциплины, а эти дела должны были рассматриваться в порядке п. 17 Устава сельхозартели.

Можно было бы привести целый ряд случаев, когда отдельные СОС принимали к своему рассмотрению дела о серьезных преступлениях. Это вело к смазыванию борьбы с этими преступлениями и было на руку преступникам, отделывавшимся незначительными штрафами за преступления, за которые закон предусматривает суровое наказание.

Аналогичные нарушения в части превышения рамок подсудности мы имеем в работе целого ряда производственно-товарищеских судов. Выявлены, например, факты принятия ПТС к своему рассмотрению дел о крупных хищениях социалистической собственности, о спекуляции, о злостном хулиганстве. ПТС при заводе «Красный Аксай» (Ростов на Дону) даже рассматривал дела о контрреволюционной агитации.

Довольно часты факты рассмотрения ПТС дел о прогулах, что находится в противоречии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. (С. З. 1932 г. № 78, ст. 475).

Так, например, рабочий Рудых за полтора месяца своей работы в 1936 г. в сельхозкомбинате Лесозолотопродснаб (Жигалово, Вост. Сибирь) имел 14 прогулов, а рабочий Наумов — 17 прогулов. Вместо того чтобы с нарушителями трудовой дисциплины поступить так, как этого требует закон о прогулах, дирекция сельхозкомбината передала это дело ПТС. ПТС выносит постановление: «Объявить строгое общественное порицание и за плохое поведение на суде оштрафовать на 3 руб. В Омской области был допущен ПТС другой перегиб: работник совхоза «Победитель» Корниловского района совершил прогул. ПТС выносит постановление: «Выселить из совхоза в 24 часа».

Во всех приведенных выше случаях полностью отсутствует какая бы то ни было инициатива со стороны прокуроров в борьбе с подобными нарушениями. Довольно яркой иллюстрацией подобного положения могут служить факты, имевшие место в Кировском районе Узбекской ССР. Здесь райисполком издал обязательное постановление, согласно которому во всех сельсоветах были организованы специальные общественные сельские суды для разбора дел о неявке учащихся в школы. Обязательное постановление рика предлагало сельским общественным судам накладывать за эти проступки штраф в сумме от 10 до 100 руб. Один только сельский общественный суд Бахмальского сельсовета в течение 1936 г. и первом квартале 1937 г. присудил за неносещение школы к штрафу 117 учащихся (в том числе колхозников). Сельский суд Кумского сельсовета того же района присудил 45 учащихся к штрафу от 10 до 25 руб. Районный прокурор Джурабаев не заметил незаконного постановления рика и практики массового незаконного осуждения людей сельскими общественными судами. Потребовался выезд в район обследователя НКЮ Узбекской ССР для того, чтобы обнаружить эти безобразные факты, которые могли и обязаны были своевременно выявить и устранить как народный судья, так и прокурор района.

Значительное распространение имеют также нарушения революционной законности, связанные с самим порядком рассмотрения дел СОС и ПТС. Сюда относятся факты волокиты, незаконного наложения штрафов за неявку по вызову СОС и ПТС, взыскания некоторыми СОС и ПТС судебной пошлины и сборов в то время, как по закону никакие судебные пошлины и сборы за подаваемые заявления не должны взыскиваться.

Наконец, имеют также распространение нарушения революционной законности со стороны ряда СОС и ПТС в виде применения ими таких мер воздействия, которые они применять не вправе, а именно — наложения штрафов и присуждения к общественным работам свыше предусмотренных законом размеров, применения к одному и тому же нарушителю нескольких мер взыскания, увлечения репрессивными мерами за счет мер воспитательного воздействия и т. д. и т. п.

А наряду с этим мы имеем факты неосновательного осуждения людей некоторыми СОС и ПТС. Полтавский СОС (Казахская ССР) осудил пять человек за то, что они не сняли головные уборы в помещении сельсовета, наложив на каждого из них штраф в 5 руб.

Нельзя признать терпимым положение вещей, когда прокуроры при наличии таких далеко не единичных, а в ряде мест носящих массовый характер нарушений революционной законности, проявляют полнейшую пассивность. Очевидно, прокурор тут всецело полагается на народный суд, но ведь не секрет, что подобных нарушений в ряде случаев не замечают своевременно и народные судьи. До сих пор руководство СОС и ПТС со стороны народных судей еще во многих районах продолжает оставаться совершенно неудовлетворительным. В результате ряд грубейших нарушений закона своевременно не исправляется ни судами, ни прокурорами.

Одной из причин совершенно неудовлетворительного руководства СОС и ПТС со стороны

многих народных судей и полнейшей пассивности многих районных прокуроров является недооценка политического значения общественных и товарищеских судов. Некоторые считают, что поскольку в Конституции СССР в перечне органов, осуществляющих правосудие в нашей стране (глава 9, ст. 102), общественные и товарищеские суды не значатся, то эти суды совсем не должны существовать.

Навряд ли можно согласиться с таким выводом, игнорирующим огромное воспитательное значение общественных и товарищеских судов (причем практика товарищеских судов предусмотрена программой партии), а также игнорирующим то, что Конституция СССР перечисляет лишь суды, осуществляющие правосудие от имени государства.

Возникает вопрос — есть ли у прокуроров возможность в большей мере и более своевременно реагировать на нарушение революционной законности в данной области. Такие возможности у них, безусловно, имеются. Для этого, в частности, нужно в большей мере использовать группы содействия прокуратуре как в городах, так и на селе, организовать такие группы, связаться с ними, включить в поле их повседневного внимания деятельность общественно-товарищеских судов. Как известно, за последнее время работа прокуроров с группами содействия во многих местах была свернута, в связи с чем Прокуратурой Союза ССР было дано специальное указание о необходимости усиления этой работы.

Нет никакого сомнения в том, что когда эта работа будет развернута так, как это необходимо, прокуроры будут получать более своевременно сигналы о различных нарушениях революционной законности, в том числе и о тех нарушениях революционной законности, которые наблюдаются в работе общественно-товарищеских судов.

Другим источником, дающим прокурорам возможность своевременно выявлять нарушения революционной законности со стороны общественных и товарищеских судов, является усиление надзора прокуроров за законностью действий местных советов, так как многие такие нарушения совершаются под прямым влиянием и на основе незаконных постановлений отдельных советов.

Что касается форм реагирования прокуратуры на нарушения революционной законности со стороны СОС и ПТС, то они по сравнению с общими методами работы прокуратуры по линии общего надзора ничего особо специфического собою не представляют.

Получив сообщение о незаконном постановлении СОС или ПТС, прокурор вправе и обязан потребовать от народного суда отмены этого постановления. Если постановление, вынесенное народным судом по этому вопросу, по мнению прокурора, незаконно, он имеет право и обязан опротестовать это постановление в порядке надзора.

Этим, однако, не исчерпываются обязанности прокуратуры в данной области. На обязанности прокурора лежит, кроме того, сигнализация в соответствующие органы об отсутствии или неудовлетворительном состоянии руководства ПТС и СОС со стороны как судов, так и советских, профсоюзных органов, на которые закон также возлагает эти обязанности.

Нельзя мириться в дальнейшем с тем, что многие прокуроры выступают в роли бесстрастного и бездеятельного наблюдателя того, как отдельными судами и другими органами грубейшим образом игнорируются требования закона о руководстве ими общественными и товарищескими судами.

Наконец, соприкосновение прокуратуры с СОС и ПТС может и должно осуществляться также и по другой линии — по линии большего вовлечения актива СОС и ПТС в борьбу с нарушениями революционной законности. СОС и ПТС — один из важнейших отрядов общественного актива судов, который уже дал ряд блестящих примеров в борьбе с нарушителями революционной законности. Члены СОС и ПТС разоблачили немало расхитителей социалистической собственности, спекулянтов, саботажников.

Как зоркий часовой, актив СОС и ПТС должен и впредь бдительно охранять социалистическую собственность, тысячами глаз нащупывать злоупотребления, разоблачать все и всяческие происки врагов народа.

СОС и ПТС в первую очередь являются общественным активом судов и они должны держать связь с народными судами, но это отнюдь не исключает целесообразности и необходимости в ряде случаев непосредственной сигнализации со стороны СОС и ПТС прокурорам о преступных фактах, которые требуют немедленного вмешательства прокурора.

Будучи частью общественного актива судов, СОС и ПТС в то же время могут и должны оказывать прокуратуре повседневное содействие в ее борьбе за социалистическую законность. Но для этого необходимо, чтобы как народные судьи, так и прокуроры заботились о том, чтобы внимание СОС и ПТС было мобилизовано на борьбу с нарушениями революционной законности.

**Н. Лаговиер**

## К вопросу о материальной ответственности работников

В № 2 журнала «Советская юстиция» за 1937 г. помещена статья И. Леензона — «Материальная ответственность работников». Очевидно, автор этой статьи является представителем интересов хозяйственных органов. Иначе нельзя объяснить тех выводов, к которым он приходит на основании анализа действующего законодательства о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими предприятию. В заключительной части статьи автор приходит к следующим трем выводам:

1. Закон об имущественной ответственности работников государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений за причиненный ими ущерб должен быть единым и общесоюзным.

2. Материальная ответственность за причиненный ущерб, как правило, должна быть возложена на работников в полном размере убытков.

3. Удержание из заработной платы работников в установленных законом размерах должно производиться по непосредственным распоряжениям администрации с предоставлением работнику во всех случаях права обжаловать распоряжение администрации в РКК или суд.

Из этих трех выводов автора согласиться можно только с первым, т. е. выводом о необходимости единства закона о материальной ответ-

ственности работников и о том, чтобы этот закон был общесоюзным. Это стоит в полном соответствии с общей тенденцией единства нашего законодательства по основным вопросам на всей территории Советского Союза.

Что касается остальных двух выводов, то их нужно признать явно неправильными, идущими вразрез со смыслом и духом нашего социалистического законодательства.

Законы о материальной ответственности работников, критикуемые И. Леензоном, относятся к случаям уголовно-ненаказуемой небрежности. Автор не согласен с тем, что в этих случаях, согласно ст. 83 Кодекса законов о труде, работник несет ответственность в пределах одной трети месячной тарифной ставки. Разумеется, здесь можно ставить вопрос: почему именно одна треть тарифной ставки, а не ее половина или не целая месячная тарифная ставка? Надо полагать, что в свое время, устанавливая такой предел, законодатель просто исходил из того, чтобы размер вычета не мог угрожать работнику лишением средств к существованию, с этой точки зрения предел в одну треть месячной тарифной ставки можно считать разумным и достаточно обоснованным.

Но т. Леензон ставит вопрос о полной материальной ответственности. Здесь уже речь идет о принципе. И с принципиальной точки зрения с автором согласиться нельзя, и вот почему.

Что такое уголовно-ненаказуемая небрежность, которую имеет в виду ст. 83 Кодекса законов о труде? Для выяснения этого посмотрим, в каких случаях небрежность должна наказываться в уголовном порядке. Ответ на этот вопрос мы находим в п. «б» ст. 10 Уголовного кодекса, где говорится, что меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются в отношении лиц, когда эти лица «действовали неосторожно, т. е. не предвидели последствий своих проступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия».

Таким образом, если трудящийся причинил материальный ущерб, хотя и должен был предвидеть, что его действиями этот ущерб будет причинен, или безосновательно надеялся, что, несмотря на его неправильные действия, ущерба не последует, то в таких случаях он совершает действие, которое должно повлечь за собой уголовную ответственность, хотя бы и в самом легком виде. А в этом случае, согласно ст. 83[1] Кодекса законов о труде, он будет нести ответственность в пределах полного размера ущерба.

Таким образом, для применения ст. 83 Кодекса законов о труде остаются те случаи, когда трудящийся, допуская известную небрежность, не мог предвидеть вредных последствий от таковой, а это значит, что он просто допустил некоторую ошибку, промах.

Тов. Леензон считает, что трудящийся не должен нести материальной ответственности в тех случаях, когда ущерб вызван производственным риском. Об этом в статье сказано мельком, а между тем понятие «производственный риск» нуждается в серьезном обсуждении. Если мы признаем существование производственного риска, то мы этим самым признаем возможность известных просчетов, известных ошибок и промахов, которые вызываются не чем иным, как просто несовершенством человеческой природы. По нашему мнению, те промахи, та небрежность, о которой говорит ст. 83 Кодекса законов о труде, эта уголовно-ненаказуемая небрежность теснейшим образом связана с понятием производственного риска. У работника иногда может произойти тот или иной промах в работе. В большинстве случаев такой промах или не приносит никакого ущерба, или этот ущерб настолько незначителен, что на него не обращают внимания, или, наконец, этот ущерб не поддается никакому учету. Но в зависимости от характера работы может быть и так, что самый незначительный промах, который, рассуждая теоретически, не должен иметь места, но который все же время от времени бывает, влечет за собой определенный ущерб. Размер этого ущерба зависит не от злой воли работника, а сплошь и рядом от характера выполняемой им работы, несмотря на то, что промахи, совершаемые теми или иными работниками, совершенно аналогичны.

Итак, если налицо нет уголовно-наказуемого деяния, то абсолютно невозможно ставить вопрос о материальной ответственности за последствия, которые не были даже результатом неосторожности.

Что касается нашего законодательства, то ст. 83 Кодекса законов о труде вовсе не имеет своим назначением гарантировать возмещение убытка, причиненного небрежностью работника. С нашей точки зрения эта статья носит преимущественно штрафной характер. Ее задача — фиксировать внимание работника на точном и аккуратном выполнении им своих обязанностей, вызывая в противном случае некоторые невыгодные для него материальные последствия.

Ст. 83 Кодекса законов о труде, с нашей точки зрения, является определенным завоеванием нашего социалистического законодательства. Она устанавливает, что риск гибели имущества нанимателя, врученного работнику при выполнении им своих служебных обязанностей, если только эта гибель не была результатом уголовно-наказуемой вины, целиком лежит на предпринимателе.

У нас меньше, чем когда-либо и где-либо можно ставить вопрос о полном возмещении случайно причиненного имущественного ущерба. Мы сознательно употребляем слово «случайно», потому что, по нашему мнению, всякий неслучайно причиненный ущерб подойдет под понятие ст. 10 Уголовного кодекса со всеми вытекающими из этого последствиями.

Взаимоотношения между «нанимателем» и трудящимися на наших предприятиях меньше всего нуждаются в таком подстегивании, как угроза полного возмещения ущерба, к тому же практически неосуществимая.

С нашей точки зрения т. Леензон неправильно объединяет материальную ответственность работников, предусмотренную ст. 83 Кодекса законов о труде, с инструкцией НКТ СССР от 1 июня 1932 г. об ответственности за спецодежду, инструменты и т. д. Эта инструкция носила временный характер и объяснялась имевшей место несколько лет тому назад временной текучестью рабочей силы и недостатком спецодежды, потребность в которой сразу колоссально выросла во вторую половину первой пятилетки. Пожалуй, теперь в этих инструкциях нет особенной нужды. И надо заметить, что там речь шла о конкретных, не особенно больших ценностях, которые вверялись работающим и не только на время нахождения на работе. Мы не станем

здесь уточнять всех видов ответственности, предусмотренной этими инструкциями. Мы считаем, что эти инструкции были в значительной степени вызваны еще и разрывом между «твердой» и «рыночной» ценой спецодежды и некоторых инструментов, который в то время имел место. В настоящее время этот момент потерял практическое значение.

Если стать на ту точку зрения, которую развивает т. Леензон, то тем более странным покажется третий и последний вывод его статьи о способах возмещения причиненного ущерба. Тов. Леензон рекомендует производить удержания с заработной платы работников в установленных законом размерах по одностороннему распоряжению администрации. Прежде всего, о каких это установленных законом размерах говорит автор? Это может относиться к пятикратной стоимости спецодежды или инструмента, но никак не к полному размеру причиненного ущерба, потому что для таких случаев никаких размеров закон установить заранее не может и размер ущерба должен определяться, очевидно, в каждом отдельном случае и притом по усмотрению администрации. Практически это может привести к тому, что трудящийся в получку не получит ни одной копейки, потому что, по мнению администрации, он своими действиями причинил предприятию ущерб, превышающий весь размер причитающейся ему заработной платы.

Такие мероприятия, как одностороннее удержание администрацией задолженности, числящейся за трудящимися, могут быть допущены только в определенных, строго перечисленных, случаях, когда, собственно, речь идет не просто о материальном ущербе, а когда речь идет о конкретных ценностях, полученных работником и не возвращенных без указания причин, или если его объяснения при этом явно неудовлетворительны.

Вообще же говоря, надо признать совершенно правильным тот порядок вещей, который существует в настоящее время и гарантирует трудящемуся получение им заработной платы впредь до установления его вины в причиненном ущербе и определения размера этого ущерба. При этом администрация предприятия вовсе не снабжена у нас полномочиями судилища в своем собственном деле. Попытка предоставить ей такого рода полномочия, хотя бы только для первоначального удержания, должна встретить самый резкий отпор.

Мы не будем останавливаться на других вопросах, поднятых в статье т. Леензона, так как нас интересует преимущественно принципиальная сторона дела. Разумеется, т. Леензон прав, когда утверждает, что письменные договоры о повышенной материальной ответственности, которые для ряда служащих могли бы быть серьезным коррективом и стимулом для четкой работы с вверенными им государством материальными ценностями, должны быть распространены на новые категории служащих.

Следует признать, что законы о материальной ответственности работников нуждаются и в расширении, и в уточнении, и в редакционной переработке. Они безусловно нуждаются в известном единстве. Но в основу переработки действующего законодательства по этому вопросу отнюдь не должны быть положены те тенденции, которыми проникнута статья т. Леензона: доведение этой материальной ответственности во всех случаях до полного размера ущерба и удержание администрацией определенного ею же размера ущерба из заработной платы работников с предоставлением лишь последним права обжаловать эти действия.

**А. Кирзнер**

## Судебное признание как доказательство в гражданском процессе

Обращаясь в суд с просьбой о признании или восстановлении своего нарушенного права, истец обыкновенно ссылается на определенные факты, породившие его права, а ответчик, если он спорит против иска, ограничивается простым отрицанием приводимых истцом фактов или ссылается в свою очередь на факты, которыми опровергается наличие или юридические последствия приведенных истцом фактов.

Возьмем простейший пример: истец утверждает, что он заимообразно дал ответчику 100 рублей на срок до одного месяца и что ответчик своего долга не платит, а ответчик возражает, утверждая, что он денег от истца не получал или что он долг своевременно уплатил. Поскольку между сторонами происходит спор о фактах, суд на основе одних объяснений сторон не может составить себе убеждение в наличии спорных фактов или — что́ одно и то же — в правдивости объяснений истца или ответчика. В силу этого ст. 118 ГПК РСФСР (и соответствующие статьи ГПК других союзных республик) постановляет, что́ «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается».

Что же значит доказать известные обстоятельства? Это значит указать такие средства или факты, которые могут убедить суд в действительном наличии определенных обстоятельств (деньги действительно даны взаймы или заем действительно погашен платежом) и которые, таким образом, ведут к обнаружению материальной истины по спору сторон. Итак, под доказательствами следует разуметь известного рода средства, с помощью которых возможно обнаружить в гражданском процессе действительные (истинные) обстоятельства дела, имеющие значение для определения прав истца и ответчика.

Каковы же эти доказательные средства? Наше советское право такими средствами считает: признание сторон, свидетельские показания, письменные акты, заключение сведущих лиц и осмотр на месте. Буржуазные законодательства к числу доказательств относят еще присягу тяжущихся.

В судебной практике бывают случаи, когда суд выносит решение, основанное на одних только объяснениях сторон. Спрашивается: допустимо ли в мотивах решения ссылаться только на то, что суд доверяет объяснениям истца или объяснениям ответчика и только на этом основании удовлетворяет или отклоняет исковое требование? На этот вопрос инструктивное письмо ГКК Верхсуда РСФСР от 11 июня 1929 г. дает следующий ответ: «На основании личных объяснений сторон иск может быть удовлетворен или отвергнут лишь в том случае, если (он)

достаточно подтвержден объективными условиями, тем или иным способом судом установленными, о чем и должна быть соответствующая мотивировка в решении».

Итак, требование ст. 118 ГПК о представлении сторонами доказательств в нашем гражданском процессе не имеет такого абсолютного значения, как в праве буржуазном. Помимо права (а иногда и обязанности) самого суда собирать доказательства (та же ст. 118 и ст. 5 ГПК) советский суд, согласно приведенному разъяснению Верхсуда РСФСР, может при известных условиях выносить решения на основании одних объяснений сторон и вообще в праве признавать известное обстоятельство не нуждающимся в доказательствах (ст. 120 ГПК).

Но из объяснений сторон следует выделить особый вид объяснений, составляющих признание сторон.

Под признанием разумеется подтверждение на суде одной из сторон таких обстоятельств, которые служат на пользу другой стороне. Признание со стороны ответчика может относиться ко всему иску или только к части иска. Так, например, ответчик может признать, что он действительно задолжал истцу всю искомую им сумму, или может утверждать, что часть долга он уплатил, и, следовательно, признать только часть иска. Наш процессуальный закон относит судебное признание сторон к числу доказательств, на которых может быть основано достоверное решение. Положение это подтверждается ст. 187 ГПК, которая объявляет наиболее достоверными и подлежащими немедленному исполнению решения, основанные на достоверных нотариальных актах или на судебных признаниях сторон. При таком своем значении судебное признание является важным процессуальным действием, что́ между прочим видно из ст. 18 ГПК, согласно которой правомочие представителя стороны на учинение от ее имени судебного признания не предполагается и не может быть выводимо из общего смысла данной представителю доверенности, а должно быть в этой доверенности ясно выражено.

При всей важности судебного признания в нашем гражданском процессе наш советский суд формально не так связан признанием стороны, как это имеет место в процессуальных кодексах буржуазных государств. Древне-римское право считало судебное признание суррогатом судебного решения, так как признание обязательно влекло за собою решение против стороны, сделавшей признание (Professus pro judicato habetur). Этот принцип римского права с некоторыми модуляциями впоследствии перешел в законодательства западно-европейских стран и нашел свое отражение также в дореволюционном русском уставе гражданского судопроизводства. Статья 480 этого устава имела такое содержание: «Когда одна из сторон сама признает действительность такого обстоятельства, которое служит к утверждению прав ее противника, то оно считается не требующим дальнейших доказательств».

В нашей стране нет и не может быть такого риторического (строгого) правила, связывающего суд в свободной оценке сделанного перед ним признания. По существу признание истцом возражений ответчика равносильно отказу истца от всего или части своего искового требования. Между тем, в отличие от буржуазного процесса, где отказ стороны от своего права обязателен для суда, наш ГПК в ст. 2 прямо объявляет, что принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав зависит от суда. Не подлежит сомнению, что от усмотрения же суда зависит по конкретным обстоятельствам каждого дела принимать или не принимать за бесспорное доказательство одно судебное признание со стороны истца или ответчика. Ст. 120 ГПК может быть применяема и к судебному признанию, как к обстоятельству, нуждающемуся или не нуждающемуся в дальнейших доказательствах.

Советский суд, не связанный формальными узами буржуазного процесса и свободный в выборе и оценке доказательств для отыскания материальной истины, имеет полное право критически относиться и к судебному признанию, которое иногда делается с противозаконной целью скрыть материальную истину и добиться признания судом мнимых прав истца. В виде примера можно указать на случаи, когда должник признает иск мнимого кредитора по сговору с последним для соучастия его в получении удовлетворения из имущества, на которое уже обращено взыскание действительным кредитором должника. Наша судебная практика знает также случаи, когда ответчик, присужденный к платежу алиментов на содержание ребенка, признает на суде фиктивный второй иск об алиментах со стороны новой истицы по сговору с последней с прямой целью уменьшения размера алиментов, присужденных по правильному иску первой истицы. На подобные искусственные иски, сопровождаемые признанием ответчика, обращено было внимание Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников по гражданским делам в 1936 году.

Итак, можно сделать такой вывод: наш суд обязан обсуждать судебное признание стороны и может на одном таком признании основать свое решение и обратить это решение к немедленному исполнению, если при решении дела признание стороны не вызывает у суда никаких сомнений.

В литературе и в некоторых законодательствах буржуазных государств проводятся различия между признанием судебным и внесудебным, простым и квалифицированным. Под последним разумеется признание с оговорками. Если, например, по иску, основанному на словесном договоре купли-продажи, ответчик признает факт заключения договора купли-продажи, но добавляет, что он купил товар под условием предварительного испытания его качества, то подобное признание считается квалифицированным. Значение этих различий признания сводится к следующему: судебное признание считается абсолютным доказательством, безусловно обязательным для суда, а внесудебное признание считается относительным доказательством, требующим дальнейших доказательств. По вопросу о значении квалифицированного признания в отличие от простого признания существуют большие разногласия [1]. Все эти подробности, вызывающие споры и затруднения в буржуазном гражданском процессе, лишены существенного значения в нашем советском гражданском процессе. Если, как выше отмечено, для советского суда, не связанного формальностями,

[1] Энгельман. Учебник русского гражданского судопроизводства, стр. 255—256.

даже простое судебное признание не имеет значения абсолютного доказательства, то тем более наш суд свободен в той или иной оценке внесудебного или квалифицированного признания.

**А. Штейнберг**

## О регрессных исках органов Соцстраха[1]

В статье «Право регресса органов социального страхования»[2] т. Бафталовский поднял вопрос о том, в каких случаях предприятие отвечает в порядке регресса перед органами Соцстраха. Этот вопрос уже давно разрешен судебной практикой и предлагаемая т. Бафталовским трактовка явно неправильна.

Ссылаясь на ст. 413 ГК, в которой сказано, что ответственность в порядке регресса наступает, если вред причинен «преступным действием или бездействием предпринимателя», автор полагает, что орган Соцстраха, предъявляющий регрессный иск, обязан приложить к исковому заявлению: приговор суда о признании кого-либо из администрации предприятия виновником данного несчастного случая, или постановление прокурорского надзора о прекращении в отношении виновника несчастного случая судебного преследования и о разрешении дела в административном порядке, или постановление администрации предприятия о наложении на виновного административного взыскания. Только при этих условиях, по мнению автора, суду принадлежит право удовлетворить регрессный иск.

Автор, однако, жалуется, что рекомендуемый им порядок «не соблюдается». «Страховые органы,— сетует т. Бафталовский,— предъявляют иски, а суды иски эти удовлетворяют только на основании извещений инспекции о том, что данный несчастный случай произошел по вине предприятия».

Трудно предположить, чтобы автор статьи не знал основных установок Верхсуда РСФСР по затронутому им вопросу, но тогда совершенно непонятно, почему дело изображается таким образом, что суды, удовлетворяющие регрессные иски «по извещениям» инспекции (речь идет, повидимому, о заключениях правовой и технической инспекции), совершают какое-то беззаконие.

Еще 9 июня 1924 г. Пленум Верховного суда РСФСР по делу Корнаухова[3] совершенно четко указал, что «преступное действие или бездействие здесь (т. е. в ст. 413 ГК.—*В.Е.*) понимается в широком смысле несоблюдения мер предосторожности или поставления работающего в условия труда, при которых он вполне или отчасти утратил или мог утратить трудоспособность, безразлично, был ли вопрос на рассмотрении уголовного суда или нет».

28 июня 1926 г. Пленум Верхсуда РСФСР по делу Малофеева[4], подтвердив предыдущее постановление, уточнил вопрос указанием, что «суд обязан каждый раз надлежащим образом установить в гражданском деле и точно указать, в чем конкретно заключается преступность действия или бездействия предпринимателя, приведшие, по мнению суда, к увечью».

Таким образом, предлагаемое автором узкое и формальное толкование понятия «преступного действия и бездействия» было давно решительно отвергнуто судебной практикой. Эту точку зрения Верхсуд неуклонно проводит в жизнь и в настоящее время.

По нашему мнению, эта установка Верхсуда сохранила свое актуальное значение и нет никаких оснований к ее пересмотру. Непонятно, по каким соображениям рядом с приговором суда и постановлением прокуратуры, автор ставит, как равноценный юридический факт, «наложение администрацией взыскания на виновника несчастного случая». Нельзя всегда быть уверенным в объективности и лойяльности администрации предприятия. Судебная практика по увечным делам показывает, что зачастую администрация не только не налагает взысканий на виновников несчастных случаев, но, боясь ответственности, замазывает, а иногда и подтасовывает обстоятельства несчастных случаев.

В то же время автор не признает права за инспекцией (правовой и технической) разрешать вопрос о виновности администрации в несчастном случае, устанавливать в ее действиях наличие «преступного действия или бездействия».

Между тем постановлением СНК РСФСР от 7 октября 1932 г.[1] Инспекции труда предоставлено право налагать штрафы в сумме до 100 руб. за нарушение должностными лицами законодательства о труде. Следовательно, инспекция не только имеет право, но и, очевидно, обязана до наложения штрафа предварительно разрешить вопрос о виновности в несчастном случае (т. е. исследовав производственные условия, при которых произошел данный случай, дать определенное, технически обоснованное заключение по этому вопросу).

Такое заключение инспекции, как и вообще всякое заключение эксперта, не является обязательным для суда, и вопрос о «преступном действии или бездействии» администрации разрешается на основании совокупности всех представленных суду доказательств. Но совершенно ясно, что подобное, технически обоснованное, заключение инспекции, поскольку администрация предприятия не сможет его опровергнуть, будет иметь решающее значение для исхода регрессного иска. Вот почему автор и восстает против «извещений» инспекции. Он, впрочем, и не скрывает того, что предполагаемый им порядок предъявления органами Соцстраха регрессных исков нужен «в интересах ограничения числа регрессных исков».

Думается, что имеются иные, более действительные и более верные пути к уменьшению числа регрессных исков. Это — упорная и планомерная борьба с производственным травматизмом путем улучшения условий труда, неуклонного выполнения правил по технике безопасности и проявления бережного отношения к человеку.

Товарищ Сталин неоднократно указывал, что «из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом

---

[1] В порядке обсуждения.— Ред.

[2] См. «Советская юстиция» за 1937 г., № 6, стр. 11.

[3] Сборник разъяснений Верхсуда РСФСР 1932 г., стр. 111.

[4] Данилова, «Обеспечение увечных». 1927 г., стр. 71.

[1] ИНКТ 1932 г. № 34—36, стр. 431.

являются люди, кадры»[1]. Об этом следует всегда помнить, в этом гвоздь вопроса, а не в искусственных способах «ограничения числа регрессных исков».

Необходимо также иметь в виду, что предлагаемое т. Бафталовским «новое» толкование понятия «преступного действия или бездействия» неизбежно повлечет за собой значительное ущемление прав тех лиц, которые потеряли трудоспособность в связи с несчастным случаем и не получили полного возмещения труда в порядке социального страхования.

Ведь очевидно, что если принять к руководству толкование автора, то это толкование следует распространить и на эти случаи. Но тогда вполне возможны такие положения, при которых право пострадавшего во время несчастного случая лица на предъявление им иска к предприятию о дополнительном вознаграждении за потерю трудоспособности будет стоять в прямой зависимости от того, наложит ли администрация предприятия на виновника несчастного случая административное взыскание или нет, другими словами, иск будет зависеть от доброй воли самого ответчика. Выводы из подобного положения совершенно очевидны.

**Елифанович**

## Инкубационный период

Уголовно-процессуальный кодекс в ст. 413 предусматривает, что после слушания дела выносится приговор, решение или определение, причем по уголовным делам судья обязан составлять приговор, не выходя из совещательной комнаты.

Указания УПК о вынесении решений в одинаковой степени относятся так же и к кассационно-надзорно-ревизионной инстанции.

Однако в уголовной коллегии Верховного суда Армянской ССР эти процессуальные нормы грубо нарушаются.

Определение иногда выносится спустя три месяца после того, как слушалось дело. Такие нарушения являются не единичными случаями, а приняли систематический характер. Дела №№ 90, 119, 297, 298 и другие слушались в уголовной коллегии верховного суда Армянской ССР, а определение по ним было вынесено только спустя два-три месяца.

Возникает вопрос, откуда берется столь запоздалое определение — ведь за трехмесячный период судьи могли быть в командировке, в отпуску, отсутствовать по болезни и т. д.

Пора покончить с «инкубационным периодом» в судебной работе, с бездушным отношением к живому человеку.

**Сагарьян**

## О весовых недостачах грузов, перевозимых по железным дорогам[2]

В № 9 журнала «Социалистическая законность» за 1937 г. помещена статья А. Фрешкопа «Недостачи грузов по отправкам, производимым за весом отправителя», в которой автор пытается разрешить этот вопрос в отношении определенной категории отправок.

Тов. Фрешкоп не указывает, к сожалению, какие именно перевозки он имеет в виду, а для рационального разрешения вопроса это очень существенно.

Автор утверждает, что железная дорога перевешивает только 10% суточного прибытия грузов, прибывших за весом отправителя, в исправных вагонах, за исправными пломбами.

Это не совсем верно. Железная дорога обязана производить перевеску в пределах 10% суточного прибытия (а для хлебных грузов 15%), но не менее двух вагонов и при том не только в вагонах, прибывших за исправными пломбами, но и в вагонах без пломб и на открытом подвижном составе (добавление к ст. 45 Устава ж. д. от 26 мая 1936 г.).

Таким образом при получении одного-двух вагонов в сутки одним получателем перевеска производится в размере всего прибытия, причем составление коммерческих актов в случае установления недостачи для дороги обязательно.

Надо, кроме того, иметь в виду, что все более или менее ценные грузы запрещено принимать к перевозке без проверки веса железной дорогой (телеграмма НКПС от 25 сентября 1933 г.).

Утверждение автора, что хозорганы-получатели, при установлении недостачи груза, прибывшего за отправительским весом (а также и за весом железной дороги.— А. Р.) попадают в тяжелое положение — совершенно верно, но к разрешению этого вопроса автор подходит неправильно.

Выход из положения автор усматривает в «создании специального института государственных инспекторов по количеству», которые либо удостоверяли бы правильность веса, сдаваемого отправителем к перевозке груза, либо, при отсутствии таких удостоверений, принимали бы участие в приемке на станции назначения, в сопровождении его на склад получателя и перевеске его средствами последнего на складе.

Принимать всерьез подобное предложение, конечно, не приходится.

Если говорить о прибытии одного-двух вагонов в сутки, то, как мы указывали уже, вопрос разрешается дополнением к ст. 45 Устава ж. д. от 25 мая 1936 г., то есть дорога обязана перевесить груз и в случае недостачи составить коммерческий акт.

Если автор имеет в виду прибытие большого количества вагонов, то он должен был поставить перед собой вопрос — какое же количество государственных инспекторов понадобится для того, чтобы сопровождать каждую партию товара при перевозке каждого или даже нескольких вагонов груза со станции на склад получателя?

Выход из положения следует искать в другом направлении. Прежде всего хозорганы-получатели должны сосредоточить свое внимание не на предъявлении претензий и исков, часто неосновательных и сутяжнических, а на надлежащем оформлении получения грузов.

Для этого получателям необходимо:

1) Основательно ознакомиться со своими правами и обязанностями в отношении получения грузов, в частности с инструкцией по составлению коммерческих актов.

---

[1] Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 г., Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП, т. III, стр. 641.

[2] В порядке обсуждения.— Ред.

2) Настоятельно требовать от агентов железной дороги выполнения обязанностей, возложенных на железную дорогу по закону.

Во всех случаях отказа железнодорожных агентов от выполнения этих требований, эти отказы надлежаще оформлять актами.

3) Активно участвовать через своих представителей (экспедиторов) в оформлении документов и в составлении коммерческих актов и не допускать такого положения, когда коммерческие акты составляются одним агентом железной дороги, без участия грузополучателя.

4) При заключении договоров с поставщиками обеспечить свои интересы от возможных недостач путем точного определения условий количественной приемки при отправках за отправительским весом: требованием указания в железнодорожных документах кроме веса также и количества мест, требованием наложения на вагоны отправительских пломб и пр.

Если бы хозяйственные организации проявляли больше заинтересованности, активности, инициативы в деле борьбы с недостачами грузов при перевозках, то количество самых недостач значительно уменьшилось бы и порядок разрешения споров по недостачам упростился.

Вопрос о недостачах грузов очень серьезный, и мы вправе требовать постановки его шире, чем его поставил тов. Фрешкоп.

Количество коммерческих актов, составляемых железной дорогой на различные неисправности в перевозке, только по одной Юго-западной дороге достигает 10 тыс. в месяц, причем свыше 90% этого количества приходится на так называемые весовые недостачи. Определение веса грузов производится недопустимо безобразно.

Весовые недостачи по некоторым документам определяются иногда в 20 тонн на вагон. Например по отправкам Белозерье — Мытищи в январе 1937 г. недостача сена по накладной № 80242 составляла 19976 кг., по накладной № 80241—17650 кг., то есть недостача больше предельной вместимости вагона. Даже по хлебным грузам, для которых установлено обязательное двухстороннее взвешивание — дорогой и «Заготзерно» — недостачи достигают 6-7 тонн на вагон.

В вопросе борьбы с недостачами грузов НКПС проявляет полную беспомощность. НКПС издано много распоряжений по этому вопросу, но весь этот бумажный поток не улучшил положения. Ни расследования, ни контрольной перевески не производится. Контроль исполнения распоряжений НКПС не осуществляется. Стимула для правильного определения веса нет, так как ст. 68 Устава ж. д. освобождает дорогу от ответственности за неправильное определение веса.

Постановлением СНК СССР от 10 февраля 1935 г. № 232 было предложено НКПС не позднее 10 марта 1935 г. утвердить предусмотренные новым уставом железных дорог правила.

Это постановление не было выполнено. Вместо этого НКПС издал распоряжение руководствоваться правилами, существовавшими при старом уставе, поскольку они не противоречат новому уставу железных дорог.

Вряд ли целесообразно предоставлять на разрешение рядовых работников вопрос о том, насколько то или иное правило не противоречит новому уставу, тем более, что старый устав, в котором помещены эти правила, представляет собой библиографическую редкость. Многие правила и распоряжения по коммерческой эксплоатации были изданы еще во времена, когда на железнодорожном транспорте орудовали вредители. Задние мысли диверсантов в этих документах были искусно замаскированы. Провентилировать все эти распоряжения может только авторитетная комиссия НКПС.

На вопросы коммерческой эксплуатации НКПС до сих пор не обратил должного внимания. Несохранность перевозок — хищения, утраты, засылки, весовые недостачи — это вопрос не только материального ущерба государству, это создает предпосылку для морального разложения кадров, ибо «чисто весовые недостачи» очень легко могут быть превращены (и на практике превращаются) в преступные махинации.

Пробравшиеся в органы транспорта враги народа систематически вдалбливали в сознание работников транспорта, что вопрос коммерческой эксплуатации — вопрос второстепенный, что тщательное определение веса, полная исправность пломб, правильное составление актов нужны только клиентуре, которая враждебна транспорту.

Для радикального разрешения вопроса о недостачах грузов и о правильном определении веса необходимо провести следующие мероприятия.

1) Изменить ст. 68 Устава железных дорог, освобождающую дорогу от ответственности за неправильное определение веса, в смысле установления с дороги штрафа за неправильно произведенное взвешивание грузов.

2) Предложить НКПС пересмотреть правила и распоряжения по коммерческой эксплуатации.

3) Издать сборник правил, распоряжений и инструкций по железнодорожному транспорту в виде приложения к Уставу железных дорог.

4) Установить единый фронт — дороги и клиентуры — в деле борьбы с хищением и порчей грузов.

5) Осуществить проверку исполнения всех распоряжений НКПС.

В отношении технической эксплуатации работники транспорта показали, что при надлежащем руководстве они действительно могут творить чудеса. Для улучшения коммерческой эксплуатации транспорта нужно только глубоко осознать всю важность этого участка работы и по-большевистски взяться за его упорядочение.

**А. Рахманов**

## Освобождает ли усыновление ребенка от обязанности его родителей доставлять ему содержание

На такой вопрос судебного исполнителя 1 участка Больше-Глушицкого района Куйбышевской области редакцией журнала «Советская юстиция» (№ 2, 1937 г.) дан отрицательный ответ. В этом ответе указывается, что, если лицо усыновляет ребенка (а делает оно это добровольно), то оно тем самым принимает на себя обязанности нести все заботы по воспитанию и содержанию ребенка, то есть нести все те обязанности, какие закон возлагает на родителей по отношению к своим детям. Однако усыновление, как далее разъясняет редакция журнала «С. Ю.», не

освобождает родителей усыновленного ребенка от их обязанности доставлять ему содержание. Если усыновитель не в состоянии доставлять содержание усыновленному, или по своим материальным возможностям доставляет это содержание в недостаточном размере, то может быть предъявлено требование об алиментах также и к родителям ребенка.

На наш взгляд ответ редакции «С. Ю.» не соответствует существующему законодательству УССР.

Прежде всего возникает вопрос, кто же должен предъявлять требование об алиментах к родителям усыновленного ребенка, сам ли «нуждающийся» усыновитель, или органы опеки, и кто должен распоряжаться этими алиментами до совершеннолетия ребенка, усыновитель или кто-либо другой и кто именно. Если иск об алиментах будет предъявлять усыновитель, то этим самым он себя «добровольно» ставит в положение одного из нуждающихся родителей, что из закона усыновления не вытекает.

Согласно ст. 41 Кодекса законов УССР о браке, семье и опеке, усыновление производится после проверки, в каких условиях живет усыновляемый у усыновителя, не преследуется ли усыновлением эксплоатация усыновляемого или иные незаконные цели и в состоянии ли усыновитель обеспечить усыновляемому условия нормального физического и духовного развития. При отсутствии же этих условий регистрация усыновления не может иметь места.

Отсюда следует, что утверждение редакции «С. Ю.», что усыновление дело добровольное и что лицо усыновляющее принимает на себя обязанности нести все заботы по воспитанию и содержанию ребенка только на том основании, что оно добровольно соглашалось усыновить ребенка, не вполне отвечает действительному положению вещей.

Усыновитель, кроме своего добровольного согласия усыновить ребенка, обязан доказать наличие у него условий, предусмотренных ст. 41 Кодекса законов о браке, семье и опеке, и этим самым дать обязательство и перед родителями ребенка, и перед органами власти, что он обеспечит нормальное физическое и духовное развитие ребенка, то есть он обязан взять на себя все обязательства, которые по закону возлагаются на родителей ребенка.

Далее согласно ст. 43 Кодекса законов о браке, семье и опеке усыновленные и их потомство приравниваются по отношению к усыновителю в личных и имущественных правах и обязанностях к родным детям усыновителя и в то же время они теряют все права и освобождаются от всех обязанностей в отношении своих родителей.

Таким образом закон устанавливает, что ребенок с момента усыновления теряет все права и обязанности в отношении своих кровных родителей и приобретает все эти права и обязанности в отношении усыновителей, а это должно обозначать, что ребенок с момента усыновления теряет всякое право на получение материальной помощи (алиментов) от кровных родителей и приобретает эти права в отношении усыновителей.

При невыполнении усыновителями взятых на себя обязательств в отношении ребенка, усыновители (по отношению друг к другу) отвечают, как родители.

Примечание к ст. 79 инструкции НКСобеза и Центрального опекунского совета УССР от 27 ноября 1928 года. (Собр. узакон. УССР № 1, 1929 г., ст. 1) предусматривает, что когда отменяется усыновление вследствие ненадлежащего исполнения усыновителем своих обязательств, органы опеки согласно ст. 25 Кодекса законов о браке, семье и опеке возлагают расходы по содержанию и воспитанию несовершеннолетних на бывшего усыновителя.

При усыновлении родители добровольно отказываются от своих прав и обязанностей, а усыновитель добровольно принимает на себя эти права и обязанности. С этого момента усыновленный выбывает из числа членов семьи родителей и становится членом семьи усыновителя.

Что всякие материальные обязательства между родителями и их ребенком, усыновленным другими лицами, прекращаются, ясно говорит и приведенная нами ст. 43 Кодекса законов о браке, семье и опеке, лишающая ребенка всех прав и обязанностей в отношении своих родителей, в том числе и от обязанности содержать своих престарелых и нуждающихся родителей.

Как нелогично возлагать на усыновленного какие-либо обязательства, в том числе и алиментные, по отношению к его кровным родителям, так же нелогично было бы возлагать такие же обязательства, в том числе и алиментные, и на родителей усыновленного. Если усыновитель не выполняет взятых на себя обязательств (пусть даже вследствие изменившихся материальных условий, а в связи с этим нежелания нести родительские обязанности), то только на него, а не на кровных родителей может быть возложена обязанность платить алименты.

Если стать на путь трактовки затронутого нами вопроса в плоскости, которой придерживается редакция «С. Ю.», то само по себе право усыновления станет совершенно нежизненным институтом. Мало найдется при таких условиях родителей, которые согласились бы передать своих детей другим лицам для того, чтобы через некоторое время платить этим лицам алименты за своих детей. Тогда станет ненужной вся процедура усыновления, сопряженного с формальным снятием всех отцовских обязанностей с родителей и формальным перенесением их на усыновителей.

Вот почему мы считаем, что НКЮ СССР, чьим органом является «С. Ю.», необходимо внести большую ясность в поставленный в этой заметке вопрос.

**Пассевин**

## О «моральных» интересах

В статье т. Кирзнера «Наказание как удовлетворение потерпевшего» («Социалистическая законность» № 9 за 1937 г.) есть одно очень характерное признание: «... наше уголовное законодательство в основном не может преследовать цели удовлетворения чувств потерпевшего, это могло бы завести слишком далеко».

Мы считаем, что рекомендуемая т. Кирзнером в указанной статье «сугубая» внимательность к моральным интересам пострадавших от преступления может завести нас в самые непроходимые юридические джунгли.

Подобрав специфические случаи последующей встречи преступника (по отбытии им наказания)

с жертвой его преступления, наметив такую же специфическую возможность появления бывшего преступника в узком кругу знающих его лиц («в небольшой деревне»), т. Кирзнер почему-то приходит к выводу, что эти случаи настолько ярки и показательны, что говорят о необходимости дополнять приговора по делам об умышленном убийстве, о причинении тяжкого увечья, об изнасиловании, растлении, зараженци другого лица венерической болезнью и в случаях мужеложства с насилием — запрещением субъекту одного из видов этих преступлений «не только проживать по отбытии наказания, но даже показываться, хотя бы на самый короткий срок, в том месте, где находится потерпевший от его преступления».

Тов. Кирзнер не указывает, где лежит грань между «небольшой» и большой деревней, между селом и городом и т. д. По его предложению для бывшего преступника нет возврата в какой бы то ни было пункт, где находится жертва его преступления. Но все же т. Кирзнер суров не до конца! Почему предлагаемая им мера подлежит применению только по отношению к бывшему преступнику в случаях умышленного убийства и не должна иметь места при убийстве, совершенном по неосторожности?

Почему т. Кирзнер считает, что чувство злобы или раздражения будет присуще при тяжком увечьи пострадавшему и членам его семьи, лишившимся в увечном своего единственного кормильца, но это чувство не будет иметь места в случаях неосторожного убийства? Почему изнасилование вызовет возмущение как самой потерпевшей, так ее родных и близких друзей, а понуждение к половому сожительству, вылившееся в определенную связь между администратором и служебно подчиненной ему женщиной, оставит равнодушным мужа этой жертвы начальнического сластолюбия?

Почему чувство мести, по мнению т. Кирзнера, проявится в отношении правонарушителя, посягнувшего на жизнь, здоровье и достоинство личности, и не скажется в отношении вора, грабителя, бандита, обобравшего свою жертву и подчас причинившего этим ущерб не только пострадавшему, но и другим лицам, находящимся в материальной зависимости от жертвы преступления?

Тов. Кирзнер должен согласиться с тем, что, встав на его точку зрения и совершенно резонно допустив, что за очень ничтожным исключением как жертва преступления, так и ее близкие всегда будут настроены против преступника,— необходимо притти к выводу, что почти во всех случаях совершения преступления против личности или имущества частных лиц нашим судам придется выносить и дополнительные определения, рекомендуемые т. Кирзнером.

И все же т. Кирзнер полагает, что такой порядок не заведет нас «слишком далеко».

Надо ослабить, говорит т. Кирзнер, вероятность встречи преступника с его жертвой... Но как быть в тех случаях, когда эта жертва по тем или иным соображениям переедет на жительство в то место, где, по проекту т. Кирзнера, не возбраняется жить преступнику? Что же, выселять последнего, чтобы устранить вероятную возможность встречи с ним его жертвы?

А ведь т. Кирзнер не ограничивается в своем попечении одной лишь жертвой преступления, надо полагать, что он неспроста приводит случай выезда из какого-то городка всей семьи потерпевшего, чтобы не встречаться с бывшим преступником. Значит, эта опасность встреч учащается, поскольку избегать надо преступнику не только жертвы, но и членов ее семьи.

А если семья потерпевшего расселится по разным местам, станет переезжать из села в село, из города город? Если преступник — выходец из «небольшой деревни», где к нему, как к бывшему конокраду, скажем, затаили злобу десятки пострадавших людей, что тогда делать преступнику, как ему избежать во всей своей последующей жизни возможности встреч с пострадавшими?

Не обратим ли мы преступника, по проекту т. Кирзнера, в своеобразного Агасфера, для которого и десять и двадцать лет лишения свободы покажутся слаще такой перспективы «непроживания» в безграничном числе мест, хотя бы речь шла о такой обширной стране, как наша.

Я уверен, что, продумав до конца свое предложение, т. Кирзнер согласится признать его очевидную неосуществимость и неприемлемость.

При самом благожелательном отношении к жертве преступления и даже к ее близким нельзя бить до бесчувствия по преступнику. Выселение отбывшего наказание преступника из местности, где он проживал, может и должно применяться в случаях, специально предусмотренных Уголовным кодексом, то есть когда по прошлой преступной деятельности или связи с преступною средою оставление того или иного лица в данной местности явится общественно опасным.

**И. Аптекарь**

## О следователе и условиях его работы

После увольнения из рядов РККА я вернулся к работе народного следователя и сразу почувствовал огромную перемену в обстановке и условиях работы следователя за время моего отсутствия.

Прежде всего бросается в глаза рост следователя, его удельный вес.

Следователь перестал быть участковым милиционером юстиции, как его раньше часто называли, он стал юристом, к которому приходят за советами и члены президиума рика, чтобы, как они выражаются, «не попасть в чудную».

Следователь перестал быть в глазах районных организаций рассыльным прокурора, а в глазах прокурора его послушным исполнителем.

Народный следователь стал самодовлеющей фигурой, с которой начали считаться. Здесь между прочим сказалось и прибавление зарплаты, которое не только укрепило материальное положение следователя, но морально его поддержало.

Теплые и заботливые слова руководителей прокуратуры, неоднократно обращенные к следователям, вызвали подъем в работе, уверенность в себе. Книга «Материалы учебной конференции следователей при Прокуратуре СССР» дала нам много нового, расширила наши горизонты, а главное, эта книга показывает, что народным следователем по-настоящему, по-деловому начали заниматься в Прокуратуре СССР, а факт созыва конференции сам по себе очень знаменателен.

В связи с тем, что т. Вышинский на совеща-

нии следователей обещал в журнале «Социалистическая законность» организовать отдел для следователей, где каждый следователь сумеет открыто написать о своей работе, я хочу написать и о том, что мешает моей работе.

Ни один работник в районе, кроме разве работника НКВД, так не нуждается в отдельной комнате, как в этом нуждается следователь. Даже прокурор, и тот может работать с кем-либо вместе, с меньшим ущербом для дела, чем следователь, ибо допросить с наибольшей пользой для дела, расположить к себе человека, вызвать на откровенность можно только наедине.

Между тем я работаю в одной комнате с прокурором, его стол от моего находится на расстоянии 50 см. Я сижу, допрашиваю свидетеля, а прокурор, приняв посетителя, поднял такой шум, что мой свидетель забыл, о чем говорить.

Вот вам техника допроса применительно к моей действительности. Читай, прорабатывай тысячу раз технику и методику допроса — она при столкновении с реальной жизнью покажется фантастической игрой воображения. Ведь я не могу применять то, что так хорошо описывается в книгах!

Прокурор не раз ставил вопрос в райисполкоме, указывая на наличие помещений, но из этого ничего не выходит, а областная прокуратура хорошо знает об этом, но остается равнодушной к этим «мелочам».

А вот как работает народный следователь Терновского района, где и я раньше работал.

Ему нужно поехать в сельсовет. Он выходит на большую дорогу и упрашивает первого попавшегося подвезти до Козловки, но обычно получает отказ. И следователь вынужден плестись пешком до Козловки. О каком авторитете следователя в глазах населения, о какой быстроте расследования может итти речь при таком положении?

Условия работы следователя должны быть во что бы то ни стало улучшены.

**Народный следователь Хворостянского района, Воронежской области.**
**А. Попов**

## Бюрократическое творчество

В январе 1938 г., в дни заседаний первой сессии Верховного Совета СССР, избранного на основе Сталинской Конституции, президиум Ленинградской областной коллегии защитников (ЛОКЗ) разослал всем своим членам анкету (так называемый личный листок по учету кадров). При анкете было разослано приложение, озаглавленное: «Примерная схема автобиографии». Из уст в уста стали передавать «новейшее известие» о том, что в ближайшие же дни начнется чистка состава ЛОКЗ, которая будет проходить под названием «аттестации», и уже говорили даже о составе аттестационной комиссии.

Члены ЛОКЗ стали в спешном порядке заполнять анкеты и «схематические» автобиографии. Многие из них начали готовиться к экзамену в аттестационной комиссии. Некоторые недоуменно спрашивали: «Какие могут быть экзамены, когда мы имеем дипломы об окончании юридического высшего учебного заведения?» Вдруг, в один прекрасный день разнесся слух, что циркуляр о «чистке» отменен и что действие его приостановлено по протесту Прокурора СССР. И действительно, канцелярия ЛОКЗ не требовала возврата заполненных анкет.

Можно было бы прибавить от себя традиционное «хорошо то, что хорошо кончается» и тут же поставить точку. Но не безынтересно разобраться в тех документах, которые президиум ЛОКЗ предложил заполнить своим членам.

Начнем с анкеты. О ней, собственно говоря, распространяться не приходится. Анкета, как анкета... В ней, разумеется, наличествуют все те вопросы, которым полагается в анкете быть... Но зачем проводить подобный опрос среди членов организации, заполнявших уже в свое время подобные анкеты? Согласуется ли это, скажем, с постановлением III пленума комиссии советского контроля от 30 мая 1936 г.?

В ответ нас могут отослать к прежнему руководству Наркомюста. «Мы, мол, не при чем. Приказано — сделано»...

Оставим анкету и перейдем к «схематической автобиографии», которая, очевидно, является продуктом «местного творчества». А разит от него за километр запахом головотяпства и нарушения конституционных норм.

Характерно, прежде всего, что адвокатам, то есть людям, по крайней мере, грамотным, дается «примерная схема» автобиографии. Как будто они сами неспособны написать свою автобиографию или в свое время не представляли уже своих автобиографий. Но и это еще не все.

Заголовок «Примерная схема автобиографии» имеет еще подзаголовок. В нем предписывается: «Описание автобиографии производить последовательно в порядке поставленных вопросов и хронологическом. На все поставленные вопросы давать точные и конкретные ответы... Подписывать разборчиво». Вот до чего дошли: даже подпись обязательно надо вывести по всем правилам чистописания — без росчерков и загогулин! Но этого мало: всенепременно надлежит придерживаться порядка «схемы». Почему этот «документ» называется тогда примерной схемой, а не бланком автобиографии — остается тайной его авторов.

Наконец переходим к самим вопросам, каждый из которых занимает от 3 до 9 печатных строк (на машинке). Всего этих вопросов семь. Многое в них является повторением тех вопросов, которые имеются в одновременно разосланной анкете. Больше того, в самой «схеме автобиографии» некоторые вопросы ставятся два-три раза (в разных отделах «схемы»).

Каково же содержание этих вопросов?

Первый вопрос (являющийся, в сущности, не вопросом, а целым разделом, как и все другие вопросы «схемы») носит довольно странное для эпохи Сталинской Конституции наименование: «Социальное происхождение». В тексте этого вопроса, являющемся расшифровкой данного термина, встречается такая загадка: «Кто из родственников лишен или лишался избирательных прав».

Если такой вопрос даже считать сейчас законным, то нельзя не признать, что довольно трудно дать ответ в отношении всех своих родственников, так как «анкетируемый» и «автобиографически схематизируемый» адвокат о многих из них может иметь очень смутное представление (а ответы, как мы помним, требуются «точные и конкретные»).

Затем, если составители «схемы» не свалились только что с Марса, они должны знать, что ныне

в СССР есть категория лишенных избирательных прав только по суду. Следовательно, наличие или отсутствие таких родственников у адвоката (если только авторы «схемы» не страдают ломброзоманией) представляет мало интереса.

И, наконец, если авторы «схемы» живут на нашей планете и именно в Советском Союзе, им должно быть небезызвестно, что вопрос о том, кто лишался ранее избирательных прав, сейчас потерял у нас всякую актуальность, особенно когда речь идет о родственниках.

Неужели эту «примерную схему», которую можно назвать беспримерным издевательством над Конституцией СССР, составляли серьезные люди, находившиеся в здравом уме?

Отметим еще, что в вопросе 7-м, трактующем о судимости, имеется категорическое требование: «Указать и снятую судимость». Очевидно, горе-юристы, составившие «примерную схему», не имеют даже представления о статье 55 уголовного кодекса РСФСР.

**А. Либерман**

# СУДЕБНО НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

## В СЛУЧАЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ДОМРАБОТНИЦА ОБЯЗАНА ОСВОБОДИТЬ ПРЕДОСТАВЛЕННУЮ ЕЙ НАНИМАТЕЛЕМ ПЛОЩАДЬ

Гражданка Путран поступила на работу к гражданину Гайчман (Москва) в качестве домашней работницы в 1925 г. и поселилась в связи с этим в квартире последнего, в специальной комнате, предназначенной для домашней работницы, площадью в 6 кв. метров.

В 1929 г. к Путран временно приехала ее сестра Литвинская и поселилась в одной комнате с Путран, в 1931 г. — две дочери Литвинской и в 1935 г. — зять. Таким образом, в комнате в 6 кв. метров проживало 5 чел. в качестве временных жильцов.

В январе 1936 г. трудовой договор Путран с Гайчман был расторгнут, и Гайчман предъявил иск о выселении Путран и всех с ней проживающих.

26 апреля 1936 г. народный суд 6 участка Фрунзенского района г. Москвы решил выселить Путран со всеми проживающими, но обязал домоуправление предоставить выселяемым площадь.

Кассационная коллегия Московского городского суда 16 мая 1936 г. решение народного суда отменила и в иске Гайчман о выселении ответчика отказала, признав «нецелесообразным» выселение ответчиков, поскольку Гайчман с семьей в 3 человека занимает площадь в 4 комнаты, Путран же проживает на площади с 1924 г., а Литвинская с 1929 г.

Прокуратура СССР опротестовала решение народного суда и определение Мосгорсуда по следующим основаниям:

Ответчица Путран вселилась на площадь истца в связи с заключенным между ними трудовым договором; в 1936 г. этот договор был расторгнут, и, в соответствии со ст. 171-а ГК, истец имеет право на выселение Путран. Остальные ответчики никакого права на площадь не имели и проживали в квартире истца, вселившись в связи с тем, что Путран была у него домашней работницей; вся занимаемая ими площадь оплачивалась истцом. С потерей права на площадь Путран, остальные ответчики также подлежат выселению. Ссылка суда на нецелесообразность выселения произвольна. Закон, дающий нанимателю право выселения по ст. 171-а, имел в виду именно нецелесообразность заселения мест общего пользования лицами, утратившими трудовые отношения. Что касается решения суда в части возложения на домоуправление обязанности предоставить площадь Путран, то и в этой части оно также неправильно, так как выселение по ст. 171-а ГК производится без предоставления площади.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и принимая во внимание, что, согласно ст. 171-а ГК и инструкции Наркомхоза в НКЮ № 37 от 27 января 1934 г. п. 10, домашние работницы в случае прекращения трудового договора с постоянными пользователями, независимо от срока своего проживания, обязаны освободить предоставленную им их нанимателями жилую площадь, постановил решение народного суда и определение Гражданской кассационной коллегии Мосгорсуда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд, но в ином составе.

## СПОР О РАЗМЕРЕ КВАРТПЛАТЫ И О ПРАВЕ НА ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛПЛОЩАДИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Гражданка Хрипина М. Ф. из села Крылатского Кунцевского района Московской области предъявила 22 декабря 1935 г. в народном суде 44 участка иск о выселении из ее дома квартиранта гражданина Спиридонова И. М. по причине невозможности совместного проживания и неплатежа им квартплаты по 40 руб. в месяц с 15 июля 1935 г.

В судебном заседании 29 декабря 1935 г. ответчик Спиридонов заявил, что Хрипина сама создает невозможные условия и была даже осуждена за хулиганство. С 1932 г. до мая 1935 г. он, Спиридонов, платил Хрипиной по 40 руб. в месяц аккуратно, но с мая она стала требовать с него квартплату по 60 руб. в месяц. С этим он, Спиридонов, не согласился и перестал вносить квартплату, в результате чего Хрипина и возбудила иск о выселении.

Нарсуд 29 декабря 1935 г. в иске Хрипиной отказал, так как не подтвердилось, что ответчик Спиридонов скандалит. Учитывая же, что дом Хрипиной находится в г. Кунцево, суд признал, что ответчик Спиридонов имеет право вносить квартплату по ставке Горкомхоза.

Кассационная коллегия Московского областного суда 10 января 1936 г. это решение оставила в силе. Президиум Московского областного суда 10 ноября 1937 г. отклонил протест Прокуратуры Союза.

Прокуратура Союза, считая эти решения неправильными, опротестовала их по следующим основаниям:

Нарсуд нарушил ст. 5 ГПК тем, что точно не установил, где находится дом Хрипиной: на территории ли г. Кунцева или на территории сельского совета. В деле имеется справка, что спорный дом находится на территории Крылатского сельсовета, которому Хрипина и платит все налоги. Это же подтверждает и справка кунцевского районного прокурора.

При подтверждении этого обстоятельства, важного для разрешения вопроса о размере взимаемой с Спиридонова квартплаты, народный суд обязан руководствоваться циркуляром НКВД № 32 от 26 января 1927 г., согласно которому в сельских местностях домовладельцы вправе взимать квартплату по соглашению с жильцами.

В данном случае гр. Спиридонов продолжительное время (около 4 лет) платил истице по 40 руб. в месяц. Поэтому отказ его дальше уплачивать эту же квартплату есть одностороннее расторжение договора.

Согласно ст. 2 постановления ВЦИК и СНК от 18 октября 1926 г. «Об урегулировании взноса квартплаты и о выселении неплательщиков», гражданин Спиридонов имел право оспаривать размер квартплаты в судебном порядке, не приостанавливая, однако, срочных платежей по квартплате в размерах, которые он считал правильными.

Приостанавливая односторонне этот платеж, гр. Спиридонов поставил себя под угрозу применения к нему ст. 171 п. «з» ГК.

При разрешении данного дела и при установлении неплатежа ответчиком квартплаты народный суд должен был обсудить вопрос о применении в данном случае ст. 155 Гражданского кодекса. Согласно последней, договор имущественного найма, заключенный на неопределенный срок, каждая из сторон может прекратить во всякое время, предупредив об этом другую сторону за 3 месяца.

Ст. же 156 Гражданского кодекса в данном случае неприменима (примечание 3 к ст. 156 Гражданского кодекса).

При новом рассмотрении дела народному суду надлежит установить количество членов семьи Хрипиной, размер занимаемой ею жилплощади и жилплощади других квартирантов, а также более тщательно проверить действительные взаимоотношения истицы с ответчиком и основные причины нарушения ими правил общежития. В зависимости от полученных сведений народный суд и сможет правильно разрешить вопрос о необходимости выселения ответчика.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР 23 февраля 1938 г., рассмотрев протест Прокуратуры СССР, определила решение народного суда 44 участка Кунцевского района от 29 декабря 1935 г., определение Кассационной коллегии от 10 января 1936 г. и постановление Президиума Московского областного суда от 10 ноября 1937 г. отменить и дело для нового рассмотрения передать в тот же суд.

## ТРУДЯЩИЙСЯ, УВОЛЕННЫЙ С ВЫДАЧЕЙ ПОРОЧАЩЕЙ СПРАВКИ О ПРИЧИНАХ УВОЛЬНЕНИЯ, ИМЕЕТ ПРАВО НА ОПЛАТУ ЗА ВРЕМЯ ВЫНУЖДЕННОГО ПРОГУЛА

Гражданка Коваленко работала продавщицей в магазине Маслопрома. Ее уволили, обвинив в подделке чеков. Обвинение это не подтвердилось, Коваленко была реабилитирована и суд вынес решение о восстановлении ее на работе. В оплате же за вынужденный прогул народный суд ей отказал, а кассационная коллегия присудила за 1 месяц ничем не обосновав, почему ей отказано в оплате за все время прогула, который продолжался в течение 8 месяцев не по ее вине.

Имея в виду, что Коваленко была уволена со справкой порочащего характера, Прокуратура Союза ССР опротестовала решение народного суда г. Сталинграда и определение кассационной коллегии Крайсуда по этому делу, считая необходимым передать дело на новое рассмотрение для решения вопроса об оплате Коваленко за все время, в течение которого она не могла поступить на работу из-за порочащего ее документа, выданного ей при увольнении.

Президиум Сталинградского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил отменить состоявшиеся по делу судебные решения и передать дело в народный суд на новое рассмотрение в ином составе.

## ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 17 ОКТЯБРЯ 1937 г. О ВЫСЕЛЕНИИ ТРУДЯЩЕГОСЯ ИЗ ДОМА УЧРЕЖДЕНИЯ С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ДРУГОЙ ПЛОЩАДИ

Гр. Озеров в связи со своей работой в Дальстрое получил в Москве от Московского представительства для себя и своей семьи 2 комнаты. 19 октября 1934 г. гр. Озеров был освобожден от работы в Дальстрое и по решению ЦК ВКП(б) был откомандирован в распоряжение Наркомтяжпрома и направлен на работу в Никитовку директором Ртутного комбината (в настоящее время гр. Озеров работает в Рудоуправлении Свердловской области).

Семья его, состоявшая из 4 человек (жена работает) осталась в Москве. После отъезда гр. Озерова из Москвы жена одну комнату сдала Представительству Дальстроя и таким образом за ней осталась одна комната площадью в 18 кв. метров.

Московское представительство Дальстроя, учитывая, что площадь семье гр. Озерова была предоставлена в связи с его работой в Дальстрое, что в настоящее время он больше не работает в Дальстрое, предъявило в народный суд 3 участка Краснопресненского района иск о выселении всех лиц, проживающих на площади, предоставленной Озерову. Иск Московского представительства был удовлетворен. По жалобе гр. Озерова Кассационная коллегия Московского городского суда, учитывая, что гр. Озеров ушел с работы по собственному желанию, решение народного суда утвердила, но обязала Московское представительство предоставить семье гр. Озерова годную для жилья площадь. По протесту Прокуратуры РСФСР Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР определение Кассационной коллегии Мосгорсуда отменила,

оставив в силе решение нарсуда, т. е. признала, что семья гр. Озерова подлежит выселению без предоставления площади.

Прокуратура СССР опротестовала определение Гражданской кассационной коллегии Верховного суда по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что гр. Озеров ушел с работы не по собственному желанию, а был уволен или по сокращению штатов или же по рационализации. В деле имеются две телеграммы, из которых установлено, что Московское представительство 17 октября 1934 г. просило Правление Дальстроя дать указание по вопросу о дальнейшем использовании гр. Озерова на работе в Дальстрое и о необходимости его выезда к месту постоянной работы. На этот телеграфный запрос последовал из Правления ответ, что «Озеров не нужен, освободите и отберите квартиру». Этот ответ совершенно точно свидетельствует о том, что гр. Озеров ушел с работы не по собственному желанию.

То обстоятельство, что гр. Озеров ушел с работы не по собственному желанию, послужило основанием для Кассационной коллегии Московского городского суда, руководствуясь разъяснением Пленума Верховного суда РСФСР от 11 августа 1936 г., признать возможным выселение семьи Озерова при условии предоставления ей годной для жилья площади. Это определение Кассационной коллегии Мосгорсуда является правильным, и Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР не имела оснований его отменять.

Имея в виду, что вопрос о выселении лиц, потерявших трудовую связь, регулируется постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., что по этому закону Озеров и его семья не могут быть выселены без предоставления площади (ст. 31 п. «б»), определение Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 17 марта 1937 г. подлежит отмене, с оставлением в силе определения Кассационной коллегии Мосгорсуда от 17 сентября 1935 г.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил отменить определение Гражданской коллегии Верховного суда РСФСР от 17 марта 1937 г. и оставить в силе определение Мосгорсуда.

## ОБЯЗАННОСТЬ НАНИМАТЕЛЯ УПЛАТИТЬ ТРУДЯЩЕМУСЯ ЗА ПРОГУЛ ПРИ НЕОСНОВАТЕЛЬНОМ УВОЛЬНЕНИИ С ВЫДАЧЕЙ ПОРОЧАЩЕЙ СПРАВКИ

5 марта 1936 г. машинист Ломов был администрацией Тихорецкого депо уволен якобы за саботаж. Это увольнение Ломовым было обжаловано перед ЦК профсоюза дорог Юга. Постановлением последнего от 26 августа 1936 г. увольнение Ломова было признано неправильным, а начальнику дороги предложено восстановить Ломова в прежней должности, в связи с чем 7 октября 1936 г. был издан приказ по депо о восстановлении Ломова в должности машиниста.

Тогда Ломов обратился в народный суд Тихорецкого района с требованием о взыскании в его пользу заработной платы за время прогула с 5 марта по 7 октября.

Решением народного суда от 11 марта 1937 г. с Тихорецкого депо в пользу Ломова было взыскано 3496 р. 50 к.

Определением ГКК Азово-Черноморского крайсуда от 28 мая 1937 г. решение народного суда было оставлено в силе, однако размер взыскиваемой суммы был снижен до месячной зарплаты Ломова — 590 рублей.

Прокуратура Союза опротестовала определение ГКК Азово-Черноморского краевого суда по следующим основаниям:

Ломов был уволен с порочащей формулировкой, и естественно, он не имел возможности устроиться на работу по своей специальности. Учитывая, однако, что из имеющихся в деле материалов видно, что 20 августа 1936 г. администрация депо предложила Ломову работу, близкую к его специальности, от которой он без достаточных оснований отказался, Ломов имеет право на уплату за вынужденный прогул за время с 5 марта по 20 августа.

Президиум Краснодарского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил определение ГКК бывшего Азово-Черноморского крайсуда от 28 января 1937 г. отменить, оставив в силе решение народного суда от 11 мая 1937 г., со взысканием в пользу истца за вынужденный прогул с 5 марта по 20 августа 1936 г. в размере 3245 руб.

## ОТМЕНА ПРИГОВОРА ПО МЯГКОСТИ

4 сентября 1937 г. Линейный суд железной дороги Москва—Донбасс приговорил по ст. 59[3] п. «в», ч. 1 УК РСФСР Ноздрачева В. И. и Никитина Н. Ф. к 1 году исправ.-трудовых работ с удержанием из зарплаты 10% и Бокова А. В. к 2 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР приговор Линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховного суда СССР по следующим основаниям:

Из обстоятельств дела видно, что 16 июля 1937 г. на ст. Узловая автодрезина № 2609 наехала на маневровый состав. В результате столкновения автодрезина была повреждена (разбиты два передних стекла и помята лобовая часть кузова).

Ноздрачев, шофер автодрезины, поставил дрезину против кладовой Узловской дистанции пути для погрузки материалов. Передав ключи от автодрезины рабочим дистанции пути Никитину и Бокову, сопровождавшим дрезину, Ноздрачев сам ушел в столовую ужинать. Рабочий Боков самовольно привел в движение автодрезину и поехал в сторону элеватора, а Никитин самовольно приготовил для него стрелку, вследствие чего автодрезина наехала на маневровый состав, выходивший со стороны элеватора.

Из врачебного свидетельства, приложенного к делу, и показаний самих обвиняемых видно, что все они были в нетрезвом состоянии.

При этих обстоятельствах ясно, что линейный суд избрал в отношении всех обвиняемых чрезмерно мягкое наказание.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор Линейного суда Московско-Донбасской ж. д. и определение Транспортной коллегии Верхсуда СССР по делу Ноздрачева, Никитина и Бокова отменить по мягкости и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

## НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ СНИЖЕНИЕ НАКАЗАНИЯ

8 декабря 1937 г. Линейный суд железной дороги им. Дзержинского приговорил Чипанина Ивана Андреевича по ст. 59³ п. «в» ч. 1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы.

28 декабря 1937 г. Транспортная коллегия Верхсуда Союза ССР заменила наказание Чипанину условным осуждением с испытательным сроком на 2 года.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР по следующим основаниям:

Чипанин — старший стрелочник станции Орехово ж. д. имени Дзержинского грубейшим образом нарушил §§ 391 и 393 Правил технической эксплоатации.

12 ноября 1937 г., приняв на станцию поезд № 1051, Чипанин не закрыл входной светофор и не поставил стрелку в нормальное положение. В это время к станции подошла передача, и вследствие того, что входной светофор был открыт, въехала в пределы станции на занятый путь. Крушение случайно было предотвращено.

Указание Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР, что крушение предотвращено лично Чипаниным, не соответствует фактическим обстоятельствам дела. Материалами дела установлено, что неизбежное крушение предотвратил Зрителев, заведующий маневрами, и Шуленов — машинист. Чипанин же в это время на стрелке не был.

Чипанин допустил грубейшее нарушение Правил технической эксплоатации и у Транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР не было никаких оснований для снижения ему наказания.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии от 28 декабря 1937 г. по делу Чипанина Ивана Андреевича отменить и дело вернуть ей на вторичное рассмотрение.

* * *

16 декабря 1937 г. Линейный суд Ленинской ж. д. приговорил Крылова Василия Филипповича по ст. 59³ п. «в» ч. 1 УК РСФСР к шести годам лишения свободы.

4 января 1937 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР снизила Крылову срок лишения свободы до 3 лет.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР о снижении Крылову наказания по следующим основаниям:

Крылов, будучи старшим рабочим 5 околотка Ленинской ж. д., допустил грубейшее нарушение § 454 Правил технической эксплоатации.

25 августа 1937 г., исполняя обязанности бригадира пути, без разрешения дежурного по станции выехал с вагончиком на перегон Бронницы — Раменское для производства ремонта пути.

Производя ремонт пути, Крылов не оградил место работ сигналами. В это время по перегону следовал пассажирский поезд № 43 и наехал на неогражденный вагончик. Крушение поезда было предотвращено благодаря бдительности машиниста поезда, сумевшего своевременно остановить поезд.

Крылов в прошлом имеет ряд дисциплинарных взысканий: в 1936 г. за неограждение вагончика ему был объявлен выговор, в 1936 г. объявлен выговор за излом рельса, в 1937 г. объявлены три выговора за плохое состояние пути.

25 августа 1937 г. Крылов своим преступным отношением к выполнению возложенных на него обязанностей создал обстановку для крушения пассажирского поезда, и только благодаря бдительности машиниста поезда неминуемое крушение пассажирского поезда было предотвращено.

При наличии таких обстоятельств у Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР не было никаких оснований для снижения Крылову наказания.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 4 января 1938 г. по делу Крылова Василия Федоровича отменить и дело вернуть ей на вторичное рассмотрение.

* * *

13 декабря 1937 г. Линейный суд ж. д. им. Дзержинского приговорил по ст. 59³ п. «в» ч. 1 УК РСФСР: Бланкова Александра Николаевича к двум годам лишения свободы и Зуева Семена Ефимовича к году исправ.-трудовых работ по месту работы.

4 января 1938 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР заменила Бланкову лишение свободы условным осуждением. В остальном приговор линейного суда был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР в отношении Бланкова по следующим основаниям:

25 сентября 1937 г. в 14 час. по 11 пути ст. Москва следовал монтажный поезд под управлением машиниста Бланкова. На подножке паровоза находился составитель Зуев.

Бланков и Зуев, следуя по станционным путям, не следили за сигналами и задавили паровозом работницу Жебелеву.

Несчастный случай с работницей Жебелевой произошел днем, на станционных путях и никаких оснований для снижения Бланкову наказания у Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР не было.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР в отношении Бланкова отменить по мягкости и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

* * *

Линейный суд Юго-Восточной ж. д. 23 октября 1937 г. приговорил по ст. 59³ п. «в» ч. 1 УК РСФСР Батищева В. Ф. к 2 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР, рассмотрев 10 ноября 1937 г. дело Батищева в кассационном порядке, определила считать наказание Батищеву условным с испытательным сроком на 1 год.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что 10 октября 1937 г. в 2 ч. 30 м. на 101 км перегона Москвка — Дрязги Юго-Восточной ж. д. в поезде № 929 у девятого от хвоста вагона произошел

излом оси. Отскочившее колесо легло между рельсовыми нитками противоположного пути. Батищев, главный кондуктор поезда № 929, после остановки поезда, не убедившись в причине остановки поезда, дал сигнал отправления. Однако продвижение поезда было остановлено сигналом старшего кондуктора. Вслед за этим Батищев, установив, что остановка поезда была вызвана изломом оси, не обнаружив, где находится отломившееся колесо и свободен ли противоположный путь, послал поездного мастера Балмочных на ст. Московка с извещением о происшедшем и с требованием высылки восстановительного поезда.

В этом извещении Батищев указал, что соседний (Мичуринский) путь свободен. Между тем, как было уже указано выше, на этом пути лежало отвалившееся колесо, которое являлось препятствием для движения поездов и могло вызвать крушение.

Старший кондуктор Желудков, идя ограждать хвост поезда № 929, за 300 метров от него, обнаружил колесо, лежавшее на Мичуринском пути. В этот же момент Желудков, оглянувшись назад, заметил проходящий по Мичуринскому пути поезд № 948. Желудков побежал навстречу этому поезду с красным сигналом, однако, вследствие того, что поезд № 949 был уже на близком расстоянии и не смог во-время по сигналу Желудкова остановиться, он наехал на это колесо, в результате чего был поврежден паровоз.

Таким образом, Батищевым 10 октября 1937 г. были допущены два грубейших нарушения правил техники эксплоатации.

Не проверив причины остановки поезда № 929, Батищев дал сигнал отправления, что могло вызвать крушение поезда.

Не проверив свободность Мичуринского пути, Батищев сообщил на станцию, что этот путь свободен, в связи с чем потерпел крушение поезд № 949, пущенный по этому пути.

При этих обстоятельствах Линейный суд избрал Батищеву чрезмерно мягкое наказание — 2 года лишения свободы, а Транспортная коллегия неосновательно заменила ему это наказание условным осуждением.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 10 ноября 1937 г. по делу Батищева Владимира Филипповича отменить и дело вернуть ей на вторичное рассмотрение.

* * *

23 ноября 1937 г. Линейный суд Юго-Восточной ж. д. приговорил по ст. $59^3$ п. «в» ч. 1 УК РСФСР Пузырева Т. Г. к 3 годам лишения свободы, Шпилева П. П. — к 5 годам лишения свободы и Иванникова — к 5 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР 28 декабря 1937 г. приговор в отношении Шпилева и Иванникова оставила в силе, а Пузыреву снизила наказание до 1 года исправ.-трудовых работ с удержанием из заработной платы 10%.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Линейного суда Юго-Восточной железной дороги и определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР в отношении Пузырева по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что 10 ноября 1937 г. на ст. Лиски поезд № 903 был принят на 5-й путь, занятый 17 груженными вагонами. Крушение было предотвращено.

Пузырев, дежурный по станции Лиски, сдавая дежурство дежурному по станции Федорову, записал в журнал, что 5-й путь свободен, между тем этот путь был занят 17 вагонами. Старшие стрелочники Шпилев и Иванников, приготовлявшие по распоряжению дежурного по станции Федорова маршрут для поезда № 903 на 5-й путь, не проверили таковой и сообщили дежурному по станции Федорову, что путь свободен.

Пузырев является одним из основных виновников аварийного случая, имевшего место на ст. Лиски 10 ноября 1937 г. Неправильной записью в журнал он ввел в заблуждение своего сменщика — дежурного по станции Федорова. Утверждение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР о том, что вина Пузырева заключается лишь в ошибочной записи в журнал, неправильно. Пузырев обязан был, помимо занесения в журнал правильных сведений о состоянии путей при сдаче дежурства, предупредить Федорова о том, что на 5-м пути оставлены 17 груженых вагонов, чего Пузырев не сделал.

При этих обстоятельствах Линейный суд определил Пузыреву чрезвычайно мягкое наказание — 3 года лишения свободы, а Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР неосновательно снизила ему приговор до 1 года исправ.-трудовых работ с удержанием 10%.

Пузырев должен отвечать наравне со Шпилевым и Иванниковым, и определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР в отношении Пузырева за мягкостью подлежит отмене.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР от 27 декабря 1937 г. отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

## ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОСЛЕДОВАННОСТЬЮ ДЕЛА

20 сентября 1937 г. Линейный суд Казанской ж. д. приговорил по ст. $59^3$ п. «в» ч. 1 УК РСФСР Сальникова Василия Васильевича к 2 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах и Васильева Виктора Арсеньевича к 5 годам лишения свободы.

8 октября 1937 г. Транспортная коллегия Верхсуда Союза ССР приговор Линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Сальников, старший ремонтный рабочий, получил распоряжение от бригадира пути произвести ремонт стрелки на ст. Мухталово и исправить отжим пера на стрелке № 6 (отжим доходил до 4 мм). Для производства работ в помощь Сальникову был дан ремонтный рабочий Васильев. В это время стрелка № 6 была приготовлена к приему поезда № 72 и находилась в запертом состоянии.

Сальников в нарушение § 173 ПТЭ, без разрешения дежурного по станции, в отсутствие стрелочника, приказал рабочему Васильеву перебросить баланс стрелки и стал осматривать ее. Убедившись в неисправности стрелки, он предложил Васильеву поставить баланс в нормальное положение и, оставив Васильева у стрелки, сам ушел на склад за материалами.

В отсутствие Сальникова Васильев перебросил баланс стрелки и стал производить обмер, а затем, оставив баланс в переброшенном положении, ушел на станцию.

При подходе поезда № 72 к станции стрелочник Новиков своевременно заметил ненормальное положение стрелочного баланса и принял меры к переводу его в нормальное состояние.

22 марта 1937 г. Сальников и Васильев были арестованы и привлечены к ответственности по ст. $59^3$ п. «в» УК РСФСР. Допрошенные на следствии Сальников и Васильев признали себя виновными: первый в том, что, зная о приеме на первый путь поезда, допустил производство работ на стрелке № 6, а второй — в том, что, зная о приеме на первый путь поезда, перевел баланс запертой стрелки на второй путь.

5 апреля 1937 г. следствие было закончено, и дело направлено прокурору Казанской ж. д. для утверждения обвинительного заключения.

17 апреля 1937 г. бывш. прокурор Казанской ж. д. Суворов возвратил дело на доследование и предложил: 1) предъявить Сальникову и Васильеву обвинение по ст. $58^9$ УК РСФСР; 2) точно выяснить политическое лицо Сальникова и Васильева; 3) выяснить связь их с бывш. нч Ашурковым; 4) установить отношение Сальникова и Васильева к производству в прошлом.

22 апреля 1937 г. Сальникову и Васильеву был задан вопрос — подтверждают ли они свои прежние показания, на который они ответили утвердительно.

После этого без производства каких-либо дополнительных следственных действий Сальникову и Васильеву было предъявлено обвинение по ст. $58^7$ УК РСФСР (а не по ст. $58^9$ УК РСФСР), и дело было возвращено прокурору дороги, фактически без выполнения его требований.

13 мая 1937 г. б. прокурор Казанской ж. д. Суворов вынес постановление о переквалификации преступления Сальникова и Васильева со ст. $58^7$ УК РСФСР на ст. $58^9$ УК РСФСР. При этом он в своем постановлении не привел ни одного мотива, разъясняющего, почему действия обвиняемых необходимо квалифицировать именно по ст. $58^9$ УК РСФСР, и направил дело военному прокурору войск НКВД по Горьковской области.

Военный прокурор возвратил дело обратно в Прокуратуру ж. д. Дело опять было возвращено участковому прокурору; вновь без производства каких-либо следственных действий по делу, на основании ранее добытых материалов, Сальникову и Васильеву было предъявлено обвинение по ст. $58^9$ УК РСФСР и дело направлено военному прокурору. 17 июля 1937 г. военный прокурор вторично возвратил дело в прокуратуру железной дороги, и 9 сентября 1937 г. прокурор Казанской ж. д. утвердил обвинительное заключение по делу Сальникова и Васильева по ст. $59^3$ п. «в» ч. 1 УК РСФСР и направил дело для рассмотрения в линейный суд.

Несмотря на неоднократное возвращение дела на доследование, оно осталось не расследованным. Между тем имеющиеся в деле материалы дают основание предполагать умышленный вывод Васильевым перед приходом поезда № 72 баланса стрелки № 6 из нормального положения.

Как видно из дела, Васильев — сын кулака, отец его был раскулачен и лишен избирательных прав. Однако, несмотря на это, окружение Васильева и его связи следствием не были проверены.

Васильев хорошо знал, что на станцию прибывает пассажирский поезд № 72. Никакой необходимости в переброске баланса у него не было, тем не менее он вывел стрелку из нормального положения, а сам ушел.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Казанской ж. д. от 20 сентября 1937 г. и определение Транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР от 8 октября 1937 г. отменить по недоследованности и дело вернуть в Линейный суд на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

## НЕОБОСНОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

17 октября 1937 г. Линейный суд Октябрьской ж. д. приговорил по ст. $59^3$ п. «в» ч. 1 УК РСФСР: Дорошенко Ивана Романовича к 7 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах и Лапина Федора Ивановича к шести годам лишения свободы.

1 ноября 1937 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор Линейного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

17 октября 1937 г. в 4 ч. 45 м. на станцию Заклинье — Витебск одновременно прибывали товарный поезд № 952 со станции Батецкая и поезд № 631 со станции Ленинград. По расписанию поезда имели остановку на станции Заклинье.

Дежурный по станции дал распоряжение стрелочникам принять поезд № 952 на первый главный путь, а поезд № 631 — на третий путь.

Машинист Дорошенко и помощник машиниста Лапин, следуя с поездом № 631, не следили за сигналами. Несмотря на предупреждение стрелочника о сокращении скорости, они не сократили скорость, проехали контрольный столбик и врезались в бок прибывшего товарного поезда.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР предложила выяснить, допустим ли, согласно требованиям §§ 385 и 389 Правил технической эксплоатации, одновременный прием поездов на станции Заклинье.

§ 389 п. «в» Правил технической эксплоатации запрещает производить одновременный прием поездов противоположных направлений в том случае, когда один из них по расписанию не имеет остановки на станции.

Материалами предварительного и судебного следствия с исчерпывающей полнотой установле-

но, что поезд № 952 и поезд № 631 имели остановку на станции Заклинье.

Таким образом, одновременный прием поездов № 952 и № 631, имевших по расписанию остановки на станции Заклинье, был произведен работниками станции в соответствии с § 389 п. «в» Правил технической эксплоатации, и оснований для доследования дела нет.

Также с исчерпывающей полнотой установлено что стрелочник поста № 1 дал поезду сигнал «т кого хода». Машинист Дорошенко дал ответный сигнал, что сигнал принят, и, проходя стрелку № 1, притормозил состав, но потом отпустил тормоза и повел поезд по станционным путям с превышенной скоростью (20—25 км в час).

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 1 ноября 1937 г. по делу Дорошенко и Лапина отменить и дело вернуть ей на вторичное рассмотрение.

## ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1 сентября 1937 г. Линейный суд Сталинской ж. д. приговорил Мамонтова Анатолия Васильевича по ст. 56[39] п. «а» ч. 1 УК УССР к двум годам лишения свободы.

7 октября 1937 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор Линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Линейного суда и определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Машинист Мамонтов был признан Линейным судом виновным в том, что 12 июля 1937 г., следуя с паровозом № 681—61 со станции Фабричная на ветку строительства железнодорожной больницы, он не проявил должной бдительности и наехал на вагон, стоявший на пути. Вагон одним скатом сошел с рельс.

14 июля 1937 г., подавая на строительство груженые вагоны, Мамонтов не принял мер к остановке и наехал на порожние вагоны. Разбит был один вагон и повреждено восемь вагонов.

Из данных дела видно, что железнодорожная ветка была построена вредительски, не оборудована сигналами и не имела телефонной связи. Ветка имела ломаный профиль с крутыми подъемами и спусками до 0,0025.

По такому пути машинисту Мамонтову было предложено вести состав. При этом в составе не было необходимого количества тормозов. Мамонтов отказался вести состав без достаточного количества тормозов, но дежурный по станции Голубец приказал ему состав вести.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор Линейного суда Сталинской ж. д. от 1 сентября 1937 г. и определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 7 октября 1937 г. по делу Мамонтова Анатолия Васильевича отменить и дело о нем прекратить.

## НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ ОТМЕНА ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Приговором народного суда Ленинского района (г. Ростов-на-Дону) от 3 июля 1937 г. гражданин Пронин Василий Григорьевич по ст.ст. 137 и 143 УК был приговорен к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Пронин был признан виновным в том, что 23 июня 1934 г. участвовал в драке, в которой нанес ножом смертельную рану гражданину Завилопуло и ранил гражданина Басова.

Настоящее дело пять раз рассматривалось в суде первой инстанции. Первым приговором 24 сентября 1934 г. Пронин признан виновным и приговорен к 7 годам лишения свободы. Этот приговор был отменен Кассационной коллегией. При новом рассмотрении 10 июня 1935 г. Пронин был оправдан. Этот оправдательный приговор был отменен по протесту прокурора. При новом рассмотрении 25 ноября 1935 г. Пронин вторично был оправдан. Этот второй оправдательный приговор опять был опротестован Прокуратурой и отменен Кассационной коллегией. При новом рассмотрении дела 11 мая 1936 г. Пронин третий раз был оправдан. Оправдательный приговор был оставлен в силе Кассационной коллегией. Определение Кассационной коллегии и приговор вновь были опротестованы прокуратурой и отменены президиумом краевого суда 31 октября 1936 г.

При последнем рассмотрении 1 июля 1937 г. был приговорен к 8 годам лишения свободы. Аналогичное положение создалось с другим обвиняемым по настоящему делу — Пуршевым Иваном Сергеевичем, который при первом рассмотрении дела по ст. 74 ч. II УК был приговорен к 3 годам лишения свободы, потом третий раз был оправдан, а при последнем рассмотрении приговорен к 3 годам лишения свободы с заменой кассационной инстанцией 3 мес. исправительно-трудовых работ.

Рассмотрение этого дела проходило в совершенно недопустимых условиях. Вынесение трехкратного оправдательного приговора судом первой инстанции является свидетельством достаточно устойчивого судейского убеждения, которое складывалось у судей при рассмотрении всех обстоятельств дела, и совершенно недопустимо трижды отменять оправдательный приговор при отсутствии каких-либо новых данных, которые бы устанавливали его неправильность по существу. По существу же дела в материалах предварительного и судебного следствия нет достаточно твердых доказательств, уличающих Пронина, а также Пуршева.

Допрошенные по делу свидетели Дудников, Довбников, Завилопуло не установили категорически, что ранение потерпевшим было нанесено именно Прониным. Свидетельница же Сазонова, которая видела драку, показала, что бил не Пронин, а били самого Пронина, что на нем сидел какой-то взрослый мужчина и бил его в пах.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала постановление президиума Крайсуда.

Уголовно-судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор суда в отношении Пронина и Пуршева отменить и дело за отсутствием в их деяниях состава преступления производством прекратить.

## РСФСР

### Злостный неплатеж алиментов

(по материалам Московского областного суда)

Заботой о матери и ребенке, нашедшей яркое выражение в историческом постановлении ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июня 1936 г., были продиктованы не только установление точных размеров алиментов, но и усиление уголовного наказания за уклонение от платежа последних. До издания указанного закона суд на основании ст. 158 УК РСФСР мог присудить злостного неплательщика к лишению свободы на срок до 6 месяцев или к штрафу до 300 руб.; по новому закону наказание повышено до 2 лет тюремного заключения с возложением на подсудимого издержек по его розыску, если таковой производился. Изменение закона, естественно, должно было произвести перелом в карательной политике по уголовным делам этой категории в сторону максимальной защиты прав матери и ребенка против покушений на них со стороны злостных неплательщиков. Чтобы выяснить наличие этого перелома и дать руководящие указания о дальнейшем проведении судебной работы в борьбе с злостным неплатежом алиментов, Мособлсуд произвел изучение практики судов и кассационных коллегий по этим делам.

Статистические данные, взятые за год (с 1 октября 1936 г. по 1 октября 1937 г.) по Московской области до ее разделения, показывают довольно устойчивую цифру дел о злостном неплатеже алиментов. Эта цифра колеблется от 557 до 630 дел за квартал. В отношении репрессий по этим делам с момента издания закона 27 июня 1936 г. замечается рост из квартала в квартал применения меры лишения свободы на 2 года (с 74 случаев в 4-м квартале 1936 г. до 110 случаев в 3-м квартале 1937 г.) с одновременным уменьшением применения меры лишения свободы на меньшие сроки (со 104 до 90 случаев в те же сроки) и ИТР на общих основаниях (с 119 до 64 случаев). Применение ИТР по месту работы и количество условных приговоров оставалось в общем стабильным, причем количество последних колебалось от 145 до 152, что составляет от 24,2% до 25,5% к общему количеству всех дел. Применение тюремного заключения за весь изученный период не имело места ни в одном деле.

Обжалование приговоров возрастает с 32% всего их количества в 4-м квартале 1936 г. до 46,6% в 3-м квартале 1937 г.; однако одновременно с этим неизменно возрастает количество приговоров, оставленных в силе (за указанные сроки с 57,5% до 70,2% всех обжалованных приговоров).

Изучение 137 дел о злостном неплатеже алиментов по Серпуховскому, Орехово-Зуевскому и Раменскому районам в основном подтверждает общие тенденции, наметившиеся по всей Московской области. Из указанного количества дел было вынесено 111 обвинительных приговоров, вошедших в законную силу. По 49 делам (44%) были вынесены приговора с лишением свободы, по 30 делам (27,3%) — ИТР на общих основаниях и 32 приговора — ИТР по месту работы (28%). В абсолютных цифрах наибольшее количество приговоров было вынесено с применением безусловного лишения свободы на 2 года (по 22 делам). Однако особый интерес приобретает ряд других показателей прохождения этих дел.

К ответственности привлекаются неплательщики алиментов за период свыше 3 месяцев. Поводом к неплатежу в течение особенно длительных сроков является иногда незначительная сумма присужденных алиментов и незаинтересованность самой матери в их получении. Дела, где неплатеж алиментов имел место в течение трех месяцев, возникают обычно по чисто-техническим причинам, связанным с переменой плательщиком места работы и службы и задержкой в пересылке исполнительного листа.

Возникают дела почти исключительно по жалобам матерей, которые не получают присужденные алименты. Эти жалобы приносятся в органы милиции (50,4% всех жалоб), в прокуратуру (28,5%), в нарсуд (21%). В редких, единичных случаях дела против злостных неплательщиков возбуждались органами печати, профсоюзными и комсомольскими организациями, органами опеки и жильцами дома — соседями.

Сроки прохождения дел, считая от момента подачи жалобы до вступления приговора в законную силу, колеблются от 9 дней до 2 лет. Главнейшая причина задержек — приостановление дела в связи с розыском обвиняемого (37% всех дел), а также неявка подсудимого, проживающего вне района нарсуда, рассматривающего дело, на судебное заседание. Дела рассматриваются, как правило, в нарсудах по местожительству потерпевшей, причем 40% всех обвиняемых проживает вне этого района.

Прохождение дел о злостном неплатеже алиментов как в стадии предварительного следствия, так равно и в стадиях его судебного рассмотрения имеет ряд существенных недостатков.

Дела о злостном неплатеже за весь изученный период влекли за собой предъявление обвинения по ст. 158 УК РСФСР в ее старой редакции, несмотря на то, что самые дела возбуждались уже после издания закона 27 июня 1936 г., сильно повысившего наказуемость за неплатеж алиментов. Этот недостаток за единичными случаями не исправляется ни в подготовительном, ни в судебном заседании и оставлялся без внимания кассационной коллегией.

Само следствие обычно заключается в допросе потерпевшей и обвиняемого (допрос свидетелей — редкое явление). Следственный материал редко выясняет действительные причины и размеры неплатежа, а также не всегда дает возможность установить наличие злостности в действиях обвиняемого. Наличие злостного нежелания платить алименты считается доказанным

самим фактом их неплатежа в течение нескольких месяцев или даже одним фактом перехода обвиняемого с одного места работы на другое без какого-либо анализа причин этих явлений. Действительное имущественное положение обвиняемого и его возможность платить алименты вне зависимости от получения им зарплаты не устанавливается. В результате составляемое на основе следственных материалов обвинительное заключение нередко представляет собою трафаретное воспроизведение показаний потерпевшей и обвиняемого, не дающее никакого анализа собранного фактического материала, и формулирует обвинение такой же трафаретной фразой, не связанной с подлинным содержанием дела, а иногда и противоречащей собранным на следствии материалам.

В подготовительных заседаниях обвинительное заключение штампуется без действительного изучения дела; случаи возвращения дела на доследование или переквалификацию предъявленного обвинения представляют собой совершенно исключительное явление. По ряду дел наблюдаются случаи невручения подсудимому обвинительного заключения.

Существенными недостатками страдает рассмотрение дел о злостном неплатеже алиментов в нарсудах и кассационной коллегии.

В народных судах еще не изжиты случаи слушания дела без своевременного вручения подсудимому утвержденного подготовительным заседанием обвинительного заключения. Слушание дел иногда откладывается до пяти раз вследствие неявки подсудимого; а для обеспечения явки своевременно не принимаются должные меры.

Судебное следствие обычно ограничивается допросом подсудимого и потерпевшей. Нарсуды не требуют каких-либо документальных доказательств правильности расчета предъявленных к подсудимому претензий, не выявляют действительные причины, побудившие его переменить место работы, не обследуют его материально-имущественное положение, что является особенно важным для оценки его нуждаемости при временном перерыве в работе, на который так часто ссылаются подсудимые в оправдание задержек уплаты алиментов. Не всегда с достаточной точностью выясняются и сроки уклонения от платежа алиментов. Поскольку дела о злостном неплатеже алиментов в громадном большинстве случаев проходят при признании подсудимым самого факта неплатежа, то нарсуд уделяет очень мало внимания вопросу о том, является ли неплатеж алиментов действительно злостным, не выявляет всех обстоятельств, изобличающих или оправдывающих подсудимого. В частности, обычно не выявляются причины, по которым потерпевшая, иногда точно зная адрес подсудимого и место его работы, долгое время не предъявляет исполнительный лист для взыскания. Не уделяется нарсудом также должное внимание виновности третьих лиц, по причине которой могли произойти задержки в выплате алиментов, что особенно важно в случаях кратковременной задержки в их платеже.

Приговора по делам о злостном неплатеже алиментов в свою очередь страдают рядом недостатков. В первой части приговора, которая должна содержать выводы из установленных судебным следствием обстоятельств, обычно отсутствуют должные анализ и оценка этих обстоятельств: суды ограничиваются лишь повторением фактов, установленных на судебном следствии. Во второй части приговора, устанавливая меру наказания, суды после издания закона 27 июня 1937 г. продолжали неправильную квалификацию злостного неплатежа алиментов по ст. 158 УК РСФСР, хотя фактически применяли меры наказания, установленные новым законом (т. е. лишение свободы на срок до 2 лет). Несмотря на постановление президиума Верховного суда РСФСР от 3 мая 1936 г. (протокол № 22 п. 3/46) по изученным делам еще имело место вынесение условных приговоров, приведение которых в исполнение зависит от выполнения или невыполнения осужденным возложенного на него в приговоре обязательства (например, погашение к точно указанному сроку всей задолженности по алиментам). В приговорах на осужденного не возлагается, как того требует закон, стоимость расходов по его розыску[1].

В отношении гражданских претензий, вытекающих из факта злостного неплатежа, помимо указанных выше неточностей в исчислении сроков и размеров неплатежа, необходимо еще отметить, что нарсуды в приговорах зачастую выносят новые решения по гражданским взаимоотношениям между потерпевшей и обвиняемым, подчас меняя размер взыскиваемых алиментов, и выдают по этим решениям новые исполнительные листы, неизбежно дублирующие обязательства подсудимого, уже зафиксированные в исполнительном листе, выданном по ранее состоявшемуся решению. Такой порядок может повлечь за собой разного рода недоразумения при взыскании алиментов. Наряду с этим все просмотренные дела пестрят исполнительными листами, представленными в качестве доказательства по делу и своевременно не возвращенными потерпевшей или же судебному исполнителю для надлежащего по ним взыскания. Это хранение в деле исполнительных листов несомненно вызывает всякого рода затруднения и задержки при взыскании алиментов.

Имеется ряд недостатков и в работе кассационной коллегии. Прежде всего, по громадному большинству жалоб составлялись безмотивные определения, и доводы кассационных жалоб оставлялись без должного внимания и разбора. На неправильную квалификацию неплатежа алиментов по ст. 158 УК РСФСР вместо ст. 31 закона 27 июня 1936 г., равно как и на указанные выше нарушения ст. 34 ч. 2 УК РСФСР, кассационная коллегия внимания не обращала, равно как и на прочие нарушения норм материального и процессуального права (например, на случаи невручения подсудимым обвинительного заключения). В изученных делах не было ни одного частного определения или товарищеского письма по поводу тех или иных недочетов обжалованных приговоров.

---

[1] Выполнение этого требования закона вызывает необходимость установления единообразных оснований для исчисления этих расходов, о чем Мособлсуд запросил НКЮ РСФСР. Вопрос перенесен на рассмотрение НКЮ СССР, но разрешения пока не получил.

Все отмеченные недочеты были предметом обсуждения на заседании президиума Мособлсуда, после чего был издан специальный приказ, направленный на устранение недостатков работы народных судов и кассационных коллегий.

Результаты изучения практики судов Московской области позволяют остановиться на некоторых общих вопросах, возникающих в связи с делами о злостном неплатеже алиментов.

Прежде всего, необходимо остановиться на самом тексте закона. Действовавший до издания закона 27 июня 1937 г. в РСФСР закон (ст. 158 УК РСФСР) за злостное, несмотря на имеющуюся к тому возможность, уклонение от платежа присужденных судом средств на содержание детей устанавливал лишение свободы на срок до 6 месяцев или штраф до 300 руб. При такой редакции требовалось установление по данным делам ряда признаков в отношении наказуемого уклонения: оно должно быть злостным, совершенным при наличии возможности платить алименты и при том в отношении тех средств на содержание детей, какие присуждены судом. Закон 27 июня 1936 г. в ст. 31 говорит об этом гораздо категоричнее: он отбрасывает такие субъективные моменты, как злостность и наличие у подсудимого возможности платить алименты, и в качестве неотъемлемых объективных признаков наказуемого деяния выдвигает два момента: фактический неплатеж алиментов и при том именно тех, которые присуждены судом. При такой редакции применение уголовной кары за неплатеж алиментов получило гораздо большую сферу применения, так как отпали указанные выше субъективные признаки злостности и наличия возможности платежа. Однако в законодательстве РСФСР эти установки вновь подверглись изменению: постановление ВЦИК и СНК РСФСР 10 мая 1937 г. в ст. 4 п. 2, давая новую редакцию ст. 158 УК РСФСР, указывает в ней, что «злостный неплатеж средств на содержание детей, а равно оставление родителями детей до их совершеннолетия... карается тюремным заключением до 2 лет с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов за его счет». Прежде всего, здесь в терминологии есть некоторая двойственность, поскольку в начале говорится о неплатеже средств на содержание детей, а в конце о расходах по розыску уклоняющегося от платежа алиментов. Но главное здесь в восстановлении признака злостности неплатежа и в пропуске указания на неплатеж присужденных судом алиментов. Пока в изученных делах, проходивших, главным образом, до издания цитированного постановления ВЦИК и СНК РСФСР 10 мая 1937 г., не отмечалось колебаний практики судов по этим делам. Предварительное следствие и судебный разбор дел во всех изученных случаях говорят о злостном неплатеже присужденных алиментов, то есть судебная практика по существу объединяет требования союзного и республиканского законодательства. Все же вполне возможно, что в дальнейшем может возникнуть на почве указанного «разночтения» разнобой в практике: нарсуды будут выносить обвинительные приговоры и по тем делам, где предшествующим судебным решением не определены ни обязанности, ни размеры алиментов, что особенно возможно в отношении браков незарегистрированных. Между тем, наличие предварительного решения суда об обязанности платить алименты безусловно обязательно для тех дел, где оспаривается самое отцовство: вряд ли можно обвинить человека в злостном неплатеже алиментов на содержание ребенка, когда еще оспаривается отцовство. Необходимо разъяснение, направленное на заблаговременное устранение разнобоя в судебной практике по вопросу о пределах действия ст. 158 УК РСФСР в новой ее редакции.

Вторым вопросом, требующим также общих указаний судебным органам всего Союза, является порядок и основания исчисления стоимости расходов по розыску уклоняющихся от платежа алиментов. По изученным делам нет ни одного взыскания с подсудимого указанных расходов, несмотря на категорическое указание закона и на то, что розыск иногда длится очень долго, вызывая значительные расходы у производящих его органов. Это происходит потому, что нарсуды не знают, как производить подсчеты расходов по розыску.

Есть еще директива, которая фактически никогда не исполняется — устройство судьбы детей, остающихся без кормильца в связи с присуждением их отца к отбыванию лишения свободы или ИТР на общих основаниях за злостный неплатеж алиментов. Есть не только общие, но и специальные директивные указания по этому вопросу. В частности, утвержденное НКЮ СССР 13 января 1937 г. постановление Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников по гражданским делам о практике применения закона 27 июня 1936 г. в ст. 7 прямо обязывает нарсуды при заключении под стражу лиц, обвиняемых в уклонении от платежа алиментов, ставить перед подлежащими организациями (органы охраны материнства и младенчества, профсоюзы, колхозы и т. д.) вопрос об оказании материальной помощи детям впредь до наступления возможности реального взыскания алиментов с осужденного. Ни одного частного определения по этому вопросу в изученных делах не оказалось, что следует считать недостатком работы нарсудов. Необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что осужденный неплательщик алиментов может иметь новую семью с большим количеством детей, судьба которых также может быть предметом указанного определения нарсуда.

В вопросах доказанности вины потерпевшего и его злостности есть некоторые моменты, требующие особого внимания в отношении всех дел этого порядка. Органы следствия и нарсуды, совершенно правильно останавливаясь в первую очередь и главным образом на обстоятельствах, изобличающих подсудимого, тем не менее без достаточных оснований упускают из виду некоторые общие почти всем делам моменты, требующие обязательного выяснения.

В первую очередь это касается своевременности предъявления исполнительного листа самой потерпевшей. Подсудимый очень часто заявляет, что потерпевшая своевременно не предъявила исполнительный лист по месту его работы или службы, хотя имела для этого все возможности. Нельзя отрицать, что на почве прекратившейся семейной связи между бывшими супругами слагаются весьма своеобразные взаимоотношения. Если бывший муж злостно уклоняется от платежа алиментов, то вполне возможно, что у быв-

шей жены чувство раздражения и мести против ушедшего мужа могут возбудить желание обратить предоставленную законом защиту прав в средство отягчения положения обвиняемого. В особенности это может иметь место там, где алименты незначительны и для жены, имеющей самостоятельный заработок, большого значения не имеют. Конечно, поскольку основным моментом всего законодательства об алиментах в первую очередь является обеспечение интересов детей, то все осложнения во взаимоотношениях между родителями должны отступать на третий план. В интересах самого ребенка качество следствия должно быть таким, чтобы приговор выносился на основе действительно содеянного подсудимым и не отражал в себе субъективных чувств потерпевшей.

Как показывает статистика, среди лиц, привлекаемых к ответственности за злостный неплатеж алиментов, имеется довольно много рецидивистов, привлекаемых к ответственности тотчас же вскоре после отбытия наказания в виде лишения свободы или ИТР. Естественно, что устройство на работу и связанная с этим реальная возможность платить алименты требует определенного периода времени; однако нарсуды не всегда считаются с тем, что перерыв в платеже по этой причине не носит обязательно злостного характера, и выносят обвинительные приговора неуспевшим «встать на ноги» рецидивистам, вновь направляя их в тюрьму или на ИТР уже за неплатеж алиментов. В этих случаях упускается также из виду основной смысл закона — обеспечение детей: отбывая новое наказание, осужденный фактически опять лишается возможности начать платить алименты.

Не всегда придается должное значение для определения характера и степени злостности неплатежа алиментов тем действиям, какие совершены обвиняемым до суда и выражаются в посылке денег или в других видах поддержки детей, находящихся у потерпевшей. Также недостаточно выясняются причины неплатежа за короткие сроки (1—3 месяца), которые подчас зависят от третьих лиц, а не от обвиняемого.

Наряду с выяснением обстоятельства, выявляющих подлинную картину действий обвиняемого, необходимо в процессе следствия уделять внимание деталям его поведения, подчас второстепенным, но совершенно ярко и отчетливо изобличающим сознательность и злостность уклонения от платежа алиментов. Сюда, например, следует отнести случаи использования обвиняемым своей двойной фамилии или перемены фамилии со специальной целью уклонения от платежа алиментов (как это имело место в деле Шариковой-Шарапова, Орехово-Зуевский район). Дела подобного рода вполне уместно рассматривать в порядке показательного процесса или в первой инстанции обл. и крайсудом с назначением максимальной меры наказания, то есть тюремного заключения.

Эти процессы должны ярко освещать преступный и нетерпимый в Советском Союзе характер злостного неплатежа алиментов и быть орудием для судебных органов в их решительной борьбе с подобного рода преступлениями, свидетельствуя вместе с тем о неустанной заботе советской власти о детях.

**А. Баталин**

## Участие прокуратуры Новочеркасска в избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР

В период избирательной кампании в Верховный Совет СССР на органы Прокуратуры были возложены определенные обязанности, выполнение которых в конечном счете должно было содействовать успешной подготовке к выборам.

Как это указывалось в циркуляре Прокуратуры РСФСР от 19 октября 1937 г. № 23, «задачи прокурорского надзора в избирательной кампании определяются самим положением прокуратуры. Прокурор должен осуществлять надзор за точным выполнением Положения о выборах, утвержденного IV сессией ЦИК СССР 7 созыва 9 июля 1937 г., наблюдать за тем, чтобы на местах не нарушались права граждан, гарантированные им Сталинской Конституцией».

Однако нельзя не признать, что избирательная кампания и предшествовавший ей период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР ставили перед органами прокуратуры более широкие задачи, чем один только надзор за выполнением законов, регулирующих выборы в Верховный Совет. Эти задачи обязывали прокуратуру максимально развернуть борьбу с нарушениями революционной законности вообще, а в наиболее важных областях — в особенности.

Мы хотим поделиться опытом нашей работы, связанной с избирательной кампанией по выборам в Верховный Совет СССР. Нам предстоит в недалеком будущем принять участие в работе по выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик, областные (краевые), городские и сельские советы депутатов трудящихся, и мы должны учесть наши достижения и недостатки в первой избирательной кампании.

Совершенно очевидно, что активизация борьбы прокуратуры с нарушениями революционной законности должна была коснуться в первую очередь тех участков, где состояние революционной законности не может быть признано благополучным.

При правильной постановке учета работы прокурор должен знать эти неблагополучные участки и знать, таким образом, куда должны быть устремлены его усилия. Жалобы трудящихся, газетные заметки, проходящие через прокуратуру уголовные дела, акты целевых обследований отдельных сторон работы советских учреждений, приносимые прокуратурой протесты в порядке общего и судебного надзора, получаемые ею от своих групп содействия сигналы — вот тот богатый материал, который при соответствующей обработке дает нам представление о состоянии революционной законности на том или ином участке социалистического сектора.

Нам могут, и не без основания, возразить, что борьба с нарушениями революционной законности во всех областях является повседневной обязанностью прокурора, его будничной работой, но вряд ли можно возразить против того, что мы приурочили развертывание нашей борьбы, если по ряду причин она раньше была недостаточно интенсивной, к выборам в Верховный Совет Союза. Дело в том, чтобы эту борьбу не ослаблять в дальнейшем, не сдавать завоеванных позиций.

В период подготовки к выборам и избирательной кампании мы наметили следующие задачи как наиболее актуальные:

усиление надзора за издаваемыми горсоветом обязательными постановлениями;

усиление борьбы с незаконными штрафами и другими административными взысканиями, налагаемыми за нарушение обязательных постановлений;

усиление борьбы с нарушениями техники безопасности и промсанитарии на промпредприятиях;

усиление борьбы с нарушениями жилищных законов.

Сплошной просмотр всех действующих обязательных постановлений горсовета показал, что горсоветское хозяйство в этой области приведено его прежними руководителями, разоблаченными как враги народа, в состояние развала. Сменённое руководство прокуратуры города этому вопросу никакого внимания не уделяло и с беззакониями не боролось. Из 31 действовавших обязательных постановлений только 4 оказалось изданными с соблюдением требований закона, остальные 27 нами были опротестованы и президиумом горсовета отменены. Вопрос свелся к переизданию заново всех обязательных постановлений, что и было сделано, причем соответствие их закону нами проверено, и несколько наших протестов о внесении изменений во вновь изданные обязательные постановления президиум горсовета удовлетворил.

В результате проверки штрафной политики комиссии при горсовете по наложению административных взысканий было опротестовано 59% всех просмотренных нами постановлений.

В результате изучения постановки техники безопасности и промсанитарии на предприятиях выявлен ряд крупных нарушений существующих правил и даже случаи прямого вредительства. О виновниках вредительства начато расследование в уголовном порядке.

Таким образом, ко дню выборов в Верховный Совет СССР мы добились ощутительных сдвигов в области укрепления революционной законности.

В период подготовки к выборам и избирательной кампании мы держали тесную связь с печатью. В местной газете было помещено семь статей, посвященных подготовке к выборам, работе прокуратуры в этой области, тем ошибкам и извращениям закона, которые нам удалось установить, раскрытым нами вылазкам враждебных советскому строю элементов.

Пропаганде и разъяснению выборного закона и информациям о работе прокуратуры в период избирательной кампании было посвящено семь докладов горпрокурора перед большими аудиториями трудящихся (в «Доме Красной Армии», в «Доме ученых» и на собрании городского партактива).

Новочеркасск являлся центром Новочеркасского избирательного округа, в который входило 8 районов и город Новочеркасск с присоединенной к нему сельской местностью.

Поэтому Новочеркасская горпрокуратура в период избирательной кампании объединяла связанную с проведением избирательной кампании работу всех райпрокуратур, входящих в избирательный округ.

Именно такое построение работы прокуратур округа признала необходимым областная прокуратура.

В начале ноября под непосредственным руководством и при участии прокурора области мною было проведено совещание прокуроров районов, входивших в избирательный округ, а затем я установил тесную связь с ними. Каждый из них регулярно информировал меня о ходе своей работы, связанной с кампанией, что давало возможность быстро сигнализировать окружной комиссии обо всех обнаруженных в работе избирательных участков нарушениях.

Еще в конце октября я посетил ряд избирательных участков и ознакомился с ходом подготовки к выборам, причем помимо ряда нарушений избирательного закона был обнаружен и ряд крупных дефектов организационного порядка. К числу выявленных фактов нарушений закона относятся: неправильное и неполное составление списков избирателей, невключение в них лиц, имеющих право участия в выборах, и, наоборот, внесение в них лиц, не обладающих этим правом. К числу организационных дефектов относится: размещение двух избирательных участков в здании милиции и индустриального института, так как доступ избирателей в эти здания был сопряжен с необходимостью предъявлять свои паспорта и получать пропуск; отсутствие заботы о создании условий, которые обеспечивали бы явку на предвыборные собрания и на выборы в сельских местностях избирателей, которым некому поручить заботу о своих больных родственниках или малолетних детях, избирателей-инвалидов, отсутствие заботы об охране социалистической собственности и имущества частных граждан во время предвыборных собраний и в день выборов; игнорирование вопроса об обеспечении противопожарных мероприятий.

Обо всех этих дефектах я тотчас же сигнализировал горсовету и ГК партии, и они были исправлены.

Все без исключения прокуроры районов Новочеркасского избирательного округа систематически знакомились с работой избирательных участков и добивались исправления обнаруженных ими нарушений.

По Бело-Калитвинскому району, например, в трех избирательных участках весьма неблагополучно обстояло дело с составлением списков избирателей. В одном из этих районов не включили в списки 38 избирателей, в другом — 122, в третьем — 196. Среди невключенных в списки оказались председатель райисполкома, народный судья и народный следователь. Имена, отчества и фамилии избирателей зачастую искажались.

В Николаевском и Богаевском районах по требованию прокуроров списки пересоставлялись не несколько раз. В одном из избирательных участков Богаевского района не включили в список родившихся в 1919 г.

В Раздорском районе председатель сельсовета намеренно не включил в списки избирателей всех глухонемых, лишив их таким образом избирательных прав. Там же позабыли включить в списки избирателей редактора районной газеты.

По Новочеркасску мною было обнаружено про-

никновение в избирательные комиссии 4 участков белогвардейских и других враждебных элементов и внесение в списки избирателей иностранноподданных. Такие же случаи включения в списки иностранцев имели место и в других районах.

Прокурорские работники Новочеркасской и других прокуратур проверяли работу по рассмотрению жалоб избирателей и принимали меры к своевременному и правильному их разрешению.

Имевшие место в период избирательной кампании вылазки врагов трудящихся и социалистического строя, направленные на срыв выборов в Верховный Совет, встречали со стороны прокуратуры резкий отпор.

Было установлено несколько случаев провокационных вылазок с целью срыва предвыборных собраний. Так, в колхозе «Красный колос», Н. Калиновского сельсовета Константиновского района, в помещении, в котором происходило собрание избирателей по обсуждению кандидатур депутатов в Верховный Совет, ворвалась гр. Пономарева с криком «обворовывают». Участники собрания хлынули на улицу. Оказалось, что никто никого не обворовывал. Расследованием установлено, что провокационная вылазка Пономаревой была инспирирована неким Ореховым, создавшим контрреволюционную группу с целью срыва выборов в своем селе. Орехов и Пономарева привлечены к уголовной ответственности.

На собрании колхозников хутора Мечетнова, на котором изучалось положение о выборах в Верховный Совет СССР, выступил с контрреволюционной клеветой на Конституцию СССР молодой парень Астахов — сын жандарма. При задержании Астахов угрожал колхозникам «посчитаться» с ними.

На хуторе Базки, Константиновского района рукою врага произведен был выстрел из дробовика в здание школы, где помещался избирательный участок, в тот же день стреляли в окна квартиры активистки-учительницы и ударницы-колхозницы. Враг был обнаружен и арестован. Он оказался выходцем из кулацкой семьи.

Опыт работы, проделанной Новочеркасской прокуратурой во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, позволил выявить как ее положительные, так и отрицательные черты и должен быть учтен нашей прокуратурой при подготовке к предстоящим выборам в Верховный Совет РСФСР и выборам в областные (краевые), городские и сельские советы депутатов трудящихся.

**А. Синицын**

## На страже социалистической законности

Великий вождь трудящихся товарищ Сталин неоднократно бичевал всех, кто с пренебрежением относится к советским социалистическим законам.

На XVII партийном съезде товарищ Сталин со всей категоричностью поставил вопрос о соблюдении законов всеми работниками. Он бичевал людей, спекулировавших своими заслугами в прошлом, ставших вельможами, которые считают, что «партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков».

Сталинская Конституция подняла вопросы социалистической законности на небывалую высоту.

Несмотря на это мы все еще нередко сталкиваемся с случаями грубого нарушения социалистической законности. Так, Гумбетовский райисполком ДАССР в 1936 г. издал обязательное постановление, по которому всем приезжающим в район вменялось в обязанность являться в сельсоветы или в рик для получения направления во врачебный пункт, где они должны были подвергаться медосмотру, причем без справки врача о состоянии здоровья право проживания в Гумбетовском районе не предоставлялось. Опаздывающие с явкой отделывались от произвола сельсовета штрафом в 25 руб. Граждане в аулах отбывали устанавливаемые самими сельсоветами «повинности», причем отказывающиеся от их выполнения штрафовались на 25 руб. Рик дошел до такого мудрствования, что обязательным постановлением воспретил содержать скот в общем дворе (имея повидимому в виду выстроить отдельный скотный двор для каждого трудящегося). Помимо того райисполком предоставил сельсоветам право штрафовать граждан до 25 руб., тогда как закон предусматривает штраф не более 10 руб.

Гумбетовский райисполком настолько увлекся штрафами, что даже начал штрафовать председателей сельсоветов за неявку по его вызову. Так, в январе 1937 г. райисполком оштрафовал председателя Килятлинского сельсовета на 50 руб. за то, что он не явился на заседание президиума рика с докладом, хотя председатель сельсовета в этот момент был занят подготовкой к переписи населения.

От Гумбетовского райисполкома не отстает и Хунхазский.

14 марта 1937 г. Хунхазский райисполком разослал сельсоветам распоряжение, которым предлагалось подвергать штрафу в 100 руб. родителей школьников за непосещение их детьми школы. Основываясь на этом постановлении, председатель Хунхазского сельсовета за один месяц в покрытие штрафов за непосещение детьми школы конфисковал у их родителей 33 предмета домашнего обихода.

В Мочохском сельсовете граждане штрафовались за непосещение пунктов по ликвидации неграмотности.

В Хасав-Юртском районе Муцал-аульский сельсовет протокольным постановлением обязал каждого единоличника купить облигации государственного займа на сумму в 25 руб., а каждого колхозника приобрести облигаций на 25 руб. При этом райисполком отклонил протест райпрокурора по данному вопросу.

В том же Хасав-Юртском районе были установлены официальные сборы с колхозников в сумме от 50 до 100 руб. для изготовления километражных столбов по дорогам государственного значения и т. д. Этот же райисполком решил штрафовать всех работников магазинов за отсутствие в магазине некоторых товаров, причем штрафы достигали 2-месячной зарплаты этих работников.

В Очлинском сельсовете Хунхазского района распоряжением сельсовета 15 трудящихся кол-

хозников были оштрафованы по 15 руб. каждый за недоставку дров для учителей по разверстке. Ботлихский райисполком издал постановление, по которому граждане, появляющиеся на улице в нетрезвом виде, подвергаются штрафу.

Прокурорские работники на местах, к сожалению, не всегда реагируют должным образом на подобного рода нарушения советских законов.

Дальше такое положение не может быть терпимо, и главнейшая задача органов прокуратуры в корне пресекать всякие попытки с чьей бы то ни было стороны нарушать советские законы.

## ССР Грузии

### О некоторых итогах работы прокуратуры Абхазской АССР за 1937 г.

В течение ряда лет в прокуратуре Абхазской АССР в качестве руководителей орудовали враги народа (Тарба, Лагвилава, Багапш), ставленники Н. Лакоба, бывшего председателя ЦИК Абхазской АССР, заклятого фашистского агента. Этот заядлый троцкист, двурушник, предатель, будучи прожженным буржуазным националистом, мечтавшим о реставрации капитализма и о неограниченной диктаторской власти, через своих троцкистских ставленников проводил гнусную вредительскую работу в органах прокуратуры и суда.

В работе прокуратуры и суда не было никакой плановости, никакой системы и целеустремленности, направленной на обеспечение революционно-социалистической законности. Вся работа, начиная от республиканской прокуратуры и кончая районными органами прокуратуры, протекала самотеком. Непосредственное, живое руководство и инструктаж районных прокуроров и следователей подменялись бюрократической, юридически-неграмотной писаниной.

В результате прокуратура республики годами не была в курсе работы районных прокуроров и народных следователей.

Прокуратура не представляла из себя организующего центра борьбы с преступностью. Весьма серьезные, имеющие общественно-политическое значение, дела смазывались, если только в этих делах были заинтересованы Н. Лакоба или кто-нибудь из его банды.

Лица прокуратуры и суда не было видно в Абхазии. Эти органы, призванные проводить в жизнь революционную законность — волю пролетариата, выраженную в законе, на деле проводили в жизнь вредительские установки обер-бандита Н. Лакоба. О независимости суда, получившего законодательное закрепление в Сталинской Конституции, не могло быть и речи. Всем известно дело «Абхазлеса», по которому главный обвиняемый, растранжиривший десятки тысяч народных денег, член лакобовской банды, махровый террорист — Инал-Ипа К., благодаря вмешательству Н. Лакоба, был привлечен к делу как «свидетель-эксперт».

Близкий родственник Н. Лакоба, Т. Лакоба, учинивший самосуд в сельсовете над своим усыновленным из-за того, что тот потребовал выдела имущества, благодаря вмешательству Н. Лакоба, сидел в тюрьме всего несколько месяцев и впоследствии был по болезни (миакардит) досрочно освобожден. Для спасения его были поставлены на ноги не только суд, вынесший явно либеральный приговор (убийство из корысти почему-то было признано «привилегированным» убийством), прокурор, «признавший» этот либеральный приговор слишком суровым, и тюремная администрация, выдавшая Т. Лакобе справку о том, что он «стахановец» и «ударник», но и врачи которые признали миакардит болезнью, угрожающей жизни Т. Лакоба. Решение пленума Верховного суда Абхазской АССР об освобождении Т. Лакоба по нашему протесту уже отменено и дело Т. Лакоба на днях будет слушаться в нарсуде Гудаутского района. По приказанию Н. Лакоба (здесь уже без всякой формальной процедуры) был освобожден некий Джоджуа, осужденный за убийство (путем удушения) четырехмесячного ребенка. Джоджуа также водворен нами в тюрьму, и он отбывает определенное судом наказание.

Приостановление судебных приговоров и решений «до особого распоряжения», на «несколько дней» было превращено в систему.

Делалось это по телефонным звонкам не только мерзавца Н. Лакоба, но и по запискам самого прокурора республики.

Растратчики, приговоренные судами к лишению свободы, освобождались по запискам «до особого распоряжения» (Шелия в Гальском районе, Багателия в Гагринском районе, Лагвилава и Чания в Сухуми и т. д.).

Совершенно законные решения судебных органов по гражданским делам также приостанавливались, и заинтересованные лица, недоумевая, обивали пороги прокуратуры и Верховного суда, что не только дискредитировало революционную законность, но также создавало недовольство среди населения.

Многое нами уже выявлено и исправлено, но это не все. Над ликвидацией последствий хозяйничания троцкистских агентов придется еще много поработать.

Вмешательство Н. Лакоба в судебные дела дошло до того, что ЦИК, руководимый им, был превращен в высшую судебную инстанцию, где корректировались приговора и решения судов в угоду бандиту Н. Лакоба, а прокуроры республики (Тарба, Лагвилава) считали это положение вполне нормальным и не давали отпора не только Н. Лакобе, но и другим его сподвижникам.

О критике и самокритике, о необходимости перестройки работы никто из руководителей прокуратуры и не думал. Обюрократченный аппарат, предаваясь самотеку, не только мирился с существовавшим положением, но ему казалось, что им достигнуты уже предельные успехи, дальше которых нет и надобности двигаться. Бюрократическая самоуспокоенность, косность, волокита, абсолютное отсутствие чувства ответственности за порученное дело, расхлябанность, недисциплинированность, безинициативность, бесхребетность и беспринципность культивировались годами троцкистскими мерзавцами, возглавлявшими прокуратуры Абхазской АССР.

Против этого гнилого духа, против этого стиля работы, полученного нами в наследство от контрреволюционного руководства, нам пришлось и приходится вести решительную борьбу.

Очень часто и до сих пор у некоторых работников встречаешь отрыжки старого, прорываются еще нотки успокоенности, кое-где дает себя чувствовать еще глухое, молчаливое сопротивление бюрократов, людей желающих жить по старинке. Кое-кто считает, что стахановские методы работы обязательны только для рабочих и колхозников. Видите ли, прокурор или следователь не могут быть стахановцами, так как их труд не физический, а умственный. Они не могут быстрее и лучше работать.

Эта «теория» не выдерживает критики. Это «теория» закостенелого бюрократа, старающегося подобного рода «теориями» оправдать свою умственную отсталость, свою плохую работу, свое отставание от общего движения вперед.

Второе республиканское оперативное совещание прокурорско-следственных работников, состоявшееся в конце июля 1937 г., имело своей целью вскрыть основные недостатки в работе прокуратуры, перестроить работу, объявив решительную борьбу остаткам вредительства. На этом совещании были заслушаны доклады районных прокуроров и содоклады работников республиканской прокуратуры, обследовавших их работу. Из докладов райпрокуроров было установлено отсутствие оперативного руководства следственной работой. Были вскрыты безобразные факты волокиты. Например, у следователя Сухумского района было обнаружено 67 дел, половина которых лежала без всякого движения. У следователя Гудаутского района из 60 дел, находившихся в производстве, 40 дел лежало без движения. По Очемчирскому району из 76 дел — 30 находились также без движения. У следователя 2 участка Очемчирского района было обнаружено без всяких следственных действий около 50 дел, причем около 36 дел по растратам и хищениям социалистической собственности (на сумму 145 тыс. руб.) лежало с 1934—1935 гг. Там же были обнаружены дела по ст. 103 УК ГССР (нарушение техники безопасности), по которым следствие затягивалось без всякой необходимости.

Плохо также обстояло дело в области надзора за органами РКМ. Проверка дел в органах милиции показала, что некоторые участки завалены делами, которые лежат без движения от 2 до 6 месяцев.

Например, в Очемчирской районной милиции находилось в производстве 195 дел, среди которых были найдены дела, возникшие в 1935 г. и в 1936 г. В УРКМ в Сухуми в ящике у уполномоченного было обнаружено много дел о спекуляции, которые лежали без движения с 1936 г. Районные прокуроры не только не осуществляли систематического надзора за делами, находившимися в органах милиции, но ни разу их не проверили и не сигнализировали об этом в прокуратуру республики.

Не лучше выглядел и судебный надзор. Прокуроры очень редко выступали в судах. Недостаточно было участие их и в подготовительных заседаниях.

На основе развернувшейся критики и самокритики на совещании были намечены конкретные мероприятия, обеспечивающие перестройку работы.

В частности, в Очемчирский район, где скопилось большое количество следственных дел, была послана бригада следователей, закончившая в течение 3 недель свыше 60 дел.

К отстающему Гудаутскому следственному участку был прикреплен из центрального аппарата следователь, в результате чего в течение декабря 1937 г. было закончено до 50 дел.

После июльского совещания была произведена проверка дел о растратах и хищениях в системе госторговли и кооперации, выявившая случаи нарушения сроков ведения следствия. Во всех следственных участках были проверены дела по закону от 27 июня 1936 г., а также дела о купле и продаже земли. При этом было установлено, что прокуроры не осуществляли должного надзора за этими делами, недооценивали их политического значения.

На основе собранного материала 19 декабря 1937 г. было созвано третье оперативное совещание, на котором были заслушаны доклад начальника следственного отдела о состоянии следственной работы и доклад начальника уголовного и судебного отдела о судебном надзоре.

Сравнивая состояние прокурорско-следственной работы в прошлом с настоящим, отмечаем определенный перелом; аппарат стал работать более интенсивно и качественно лучше, несмотря на увеличение количества дел.

Для характеристики темпов работы укажем, что если за январь — апрель 1937 г. всеми следователями было окончено 304 дела, то за август — ноябрь окончено уже 660 дел, причем процент прекращенных дел сократился с 25% (апрель — июль) до 19,7% (август — ноябрь), а процент возвращенных для доследования дел с 29,4% за период январь — апрель до 15,2% за август — ноябрь.

Мы ставим себе задачей закрепить достигнутые успехи и в ближайшее время добиться еще лучших показателей. Для этой цели необходимо, чтобы районные прокуроры обеспечили конкретное плановое оперативное, повседневное и систематическое руководство работой следователей.

Если в области следственной работы мы добились заметного перелома, то этого мы не можем, к сожалению, констатировать в области судебного надзора. Судебный надзор все еще остается узким местом в нашей работе. В прошлом больше половины дел, передаваемых в суды, рассматривалось на подготовительных заседаниях без участия прокуроров. За последнее время в этом отношении мы добились определенных успехов. Так, например, если за апрель — июль в подготовительных заседаниях народных судов с участием прокуроров было рассмотрено 290 дел, то за август — ноябрь рассмотрено 522 дела. Однако эти успехи недостаточны, если принять во внимание, что количество дел, переданных в народные суды за август — ноябрь, гораздо больше, чем за указанные апрель — июль.

Плохо еще обстоит дело с участием прокуроров в судебных процессах.

Все эти недостатки в области судебного надзора были вскрыты и подвергались жестокой критике на оперативном совещании прокурорско-следственных работников. На этом совещании принято было решение, обязывающее прокуроров обеспечить участие прокуроров в качестве докладчиков в подготовительных заседаниях народных судов, обеспечить обязательное участие прокуроров в судебных процессах по более или

менее важным, имеющим общественно-политическое значение, делам, установить систематическую (два раза в месяц) проверку исполнения судебных приговоров.

Массово-политическая работа была также не в почете при старом руководстве прокуратуры.

Группы содействия прокуратуре не были организованы на предприятиях, в совхозах и колхозах. Для оживления массовой работы летом 1937 г. по этому вопросу были даны местам соответствующие указания.

В одном только г. Сухуми были организованы ГСП в 16 местах, в Сухумском районе — в 4 колхозах и в ряде предприятий, в Гудаутском — 10 колхозах, в Бомборском совхозе, на ферментационном и гвоздильном заводах и т. д.

Во всех местах, где созданы ГСП, были проведены доклады на тему «Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры». Недавно была проведена конференция ГСП по всей Абхазии.

Проделанная в этой области работа далеко не достаточна. Нет еще регулярной систематической связи с ГСП и не во всех местах они организованы. В ближайшее время эти недочеты мы должны во что бы то ни было ликвидировать. Группы содействия прокуратуре на заводах, фабриках, совхозах, колхозах и т. д. должны быть зорким оком прокуратуры, выявляя своевременно растратчиков и расхитителей социалистической собственности, остатки троцкистско-бухаринской банды, нарушителей устава сельскохозяйственной артели, спекулянтов, хулиганов и всех тех, которые своими преступными действиями мешают рабочим и колхозникам строить социалистическое общество.

Великая Сталинская Конституция, единственная подлинно народная, демократическая, неизмеримо подняла активность и, вместе с тем, правовое самосознание народных масс. За последнее время почти на 80% увеличилось количество заявлений трудящихся, обращающих внимание прокуратуры на те или иные нарушения советских законов.

Задачи, вытекающие из решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и Сталинской Конституции, настоятельно требуют от органов прокуратуры коренной и решительной перестройки всей системы работы.

Абхазская прокуратура, следуя указаниям вождя нашей партии — великого Сталина, о чутком отношении к людям, о стабильности и нерушимости советского закона, выкорчевывая последние остатки разгромленных, презренных троцкистско-бухаринских агентов, в 1938 году добьется еще лучших показателей работы.

**Прокурор АбхАССР Шония**

## Азербайджанская ССР

### Кировабадский народный суд

Корни гнилой теории и вредительской практики презренных врагов народа, орудовавших в органах юстиции Азербайджанской ССР, дают себя знать и поныне.

Жалобы граждан по поводу ущемления их гражданских прав, по поводу присуждения их к мерам наказания, не соответствующим содеянному,— остаются подчас гласом вопиющего в пустыне. Даже районные и городские прокуроры в течение многих месяцев, а подчас и ряда лет, не могут получить от Верховного суда Азербайджанской ССР ответа на поданные протесты по поводу выявленных правонарушений.

Приведем несколько примеров.

Гражданин Искандеров в 1933 году, отправляясь на учебу в Закавказскую военную школу, сдал по договору Гасану Сулейманову полга виноградника. Сулейманов, воспользовавшись пребыванием Искандерова в рядах армии, используя подложные документы, перевел сад на свое имя. На поданный прокуратурой 2 февраля 1937 г. протест по поводу незаконного решения суда по этому делу ответа нет до настоящего времени.

21 декабря 1936 г. в Кировабадском объединенном народном суде под председательством судьи Геворкянда было рассмотрено дело пяти колхозников из колхоза имени Л. М. Кагановича, похитивших из колхоза 186 арбузов. Виновные были осуждены — двое к 3 годам лишения свободы и трое к 4 годам лишения свободы каждый. Несмотря на явно чрезмерную суровость приговора, кассационная жалоба осужденных была Верховным судом АзССР оставлена без последствий. Наряду с этим судья Аскеров приговорил только к 6 месяцам наказания условно Энвера Курбанова, который выколол стрелой правый глаз 2-летнему ребенку колхозника Абдул Рахмана, прибывшего для обмена опытом из Узбекистана в Азербайджан. Поданные по этим делам протесты даже не рассмотрены.

Такие нетерпимые нарушения закона имеют место в органах юстиции.

В 1934 г. было разоблачено вредительство, совершенное бывшим председателем Самухского района, врагом народа Везир Сафаровым совместно с группой преступников, работавших на районном строительстве. Виновные были привлечены к ответственности. Обвинительное заключение по этому делу было утверждено заместителем прокурора СССР т. Рогинским, но телеграфные распоряжения восседавших в органах юстиции врагов народа Султановой, Якубова и других сорвали рассмотрение дела. В результате Везир Сафаров проник в председатели Касум-Измайловского райисполкома и, питая ненависть к мастеру по хлопку орденоносцу Бесди Багировой, сумел организовать разбазаривание колхозного общественного имущества, чтобы ее скомпрометировать.

Безответственность наркомюста Азербайджанской ССР видна хотя бы на следующем примере: Кировабадский объединенный народный суд с 1 августа делится на 5 участков. На 4-х имеются судьи; на сельском участке, обслуживающем около 30 крупных колхозов, нет судьи. На вопрос, предложенный председателю объединенного народного суда Бабаеву о том, когда будут рассмотрены дела этого участка, получается ответ: «Тогда, когда комиссариат юстиции пришлет судью».

Великая задача, возложенная Сталинской Конституцией на органы революционной законности, обязывает принять самые срочные меры к наведению порядка в органах юстиции Азербайджана.

**Байрамов**

# ПРАВО, ПРОЦЕСС И СУДОУСТРОЙСТВО В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

## Законодательство капиталистических стран о шпионаже

### Его развитие и современное состояние

Наполеон, предвидевший и предсказавший огромную роль, которую сыграют войны в эпоху господства буржуазии, говорил:

«Бывают войны, которые решаются не столько пехотой, артиллерией или кавалерией, сколько шпионажем; и полководец должен учитывать его, как решающий фактор в своих расчетах» [1].

Со времени наполеоновских войн шпионаж, как орудие политики буржуазных правительств, приобретает особое значение. С этого времени мы наблюдаем чрезвычайно интенсивное развитие шпионажа во всех буржуазных странах, а отсюда, естественно, и вызванные этим развитием меры борьбы, вырабатываемые каждой страной, против шпионов и агентов других государств. Эта борьба и находит свое отражение в законодательстве буржуазных государств о шпионаже.

I

Предлагая своим генералам при ведении войны пользоваться возможно шире услугами шпионажа, Наполеон в то же время при проектировании уголовного кодекса для возглавляемого им государства предписывал его авторам «принять в расчет» борьбу со шпионажем. В результате французский Code pénal 1810 г. провозгласил драконовские кары за шпионаж. Наряду с постановлениями, угрожающими смертью каждому французу, который вступит в связь с каким-либо иностранным правительством или его агентом с целью предоставления им каких-либо средств для войны против Франции (ст. 76), кодекс в специальных постановлениях предусматривает борьбу со шпионажем. Согласно ст. 81 наказывается смертью каждый чиновник, или лицо, занимающее публичную должность, которые предоставят врагу или его агенту секретные планы крепостей, арсеналов или гаваней. За предоставление указанными лицами подобных же сведений нейтральному правительству они наказываются каторгой.

Такому же наказанию подвергается лицо, не занимающее публичной должности, получившее подобные планы путем коррупции, обмана или силой и предоставившее их какому-либо иностранному или враждебному Франции правительству (ст. 82). Смертной казнью карается также всякое способствование деятельности иностранных шпионов (ст. 83). Эти постановления действуют и по сегодняшний день. Ко времени их издания, в первые десятилетия прошлого века, они оказали решающее влияние на реформирование уголовного права всех буржуазных государств, особенно на Баварский уголовный кодекс, написанный известным криминалистом Ансельмом Фейербахом (отцом Людвига Фейербаха — философа-материалиста). Однако этот закон превзошел Code pénal в том отношении, что дал определение конкретных составов преступления. В нем также нашло свое выражение типичное для законодательства о шпионаже подразделение на шпионаж в узком смысле (Ausspähung) и выдачу (Verrat), повторяющееся во всех буржуазных кодексах.

Шпионаж в собственном смысле слова (Ausspähung) является по этому кодексу государственной изменой второй степени и карается смертной казнью. По этому деликту может быть виновным только «подданный»,

«который во время войны каким бы то ни было способом умышленно и добровольно, советом и действием поддерживает врага, служит ему в качестве шпиона, сообщает ему оперативные планы или планы крепостей, выдает склады...»

Обязательным условием наказуемости указанных действий предполагается, стало быть, состояние войны. Рассматриваемому закону известен лишь военный шпионаж. Под действие его далее подпали лишь подданные данной страны, но не солдаты вражеской армии, производящие шпионские действия в интересах своей армии. Последние, по обычаю войны, либо расстреливались, либо забирались в плен.

Выдачу (Verrat) Фейербах относит к государственным преступлениям третьей степени. За это преступление ответственным является:

«Служащий государственного учреждения или иной подданный страны, который выдает военную почту, документы или иные тайны своей страны, известные ему в силу его положения или права». За это преступление указанный закон предусматривает долгосрочное лишение свободы; действие его также распространяется лишь на подданных данного государства, но не на иностранцев.

Основные положения этого законодательства были заимствованы буржуазией во все созданные ею в первые десятилетия прошлого века уголовные кодексы. Конечно, в ряде случаев имеются отклонения от этого образца в сторону его расширения и установления более строгих санкций, но ничего существенно нового эта эпоха в законодательство о шпионаже не внесла.

При выработке законов о шпионаже примером служили либо Code pénal 1810 г., либо баварский уголовный кодекс 1813 г.; за их пределы буржуазное уголовное законодательство того времени не выходило. Изданный и вошедший в силу еще в 1851 г. прусский уголовный кодекс, который после основания Германской империи в 1871 г. вошел в силу в качестве «Уголовного кодекса Германской империи» по всей территории Германии, строит свои постановления о шпионаже в теснейшем соответствии с образцом, созданным Фейербахом.

Предписания, содержащиеся в уголовных кодексах, конечно, восполнялись широко распространившимися в этот период военными законами, расширяющими полномочия военных и гражданских учреждений, которые предоставляли им право в случае войны или угрозы «по-

[1] Seliger, Spione und Verräter, S. 9, 1930.

рядку и спокойствию» страны, т. е. в случае гражданской войны, принимать исключительные меры, не прибегая к согласию нормальных законодательных инстанций и по своему усмотрению формулировать преступления и устанавливать наказания за них. Это, прежде всего, законы об осадном положении и военные кодексы. Эти законы предоставляли указанным учреждениям право при объявлении военного или осадного положения издавать особые запретительные постановления, нормирующие собирание, распространение или оглашение секретных предметов и сведений, и устанавливать за нарушение этих постановлений наказания вплоть до смертной казни (например, прусский «закон об осадном положении» 1851 г.; французский «Code de justice militaire» 1857 г., ст.ст. 63, 64, 70; итальянский «Codice penale per l'escercitio del Regno d'Italia» 1863 г. ст. 546). Таким образом, поскольку наряду с выдачей государственной тайны наказуемым объявлялось и собирание секретных сведений (шпионаж в узком смысле слова), последний относился либо к военному времени, либо ко времени, когда объявлено военное или осадное положение. Стало быть, в этот период был известен только военный шпионаж.

Эти границу переступил лишь австрийский уголовный кодекс 1852 г. В I части 67 параграфа этого кодекса речь идет о шпионаже в военное время, а дальше говорится:

> «или тот, кто в мирное время производит разведку с целью дать сведения иностранному государству об обстоятельствах или предметах, которые связаны с боевой мощью страны или имеют оборонное значение и которые правительство считает не подлежащими опубликованию,— виновен в преступлении шпионажа».

За это преступление предусматривалось одиночное заключение от 1 года до 5 лет, а в случаях, когда лицо, производившее разведку, «действительно предоставило подобные сведения иностранной державе», наказание устанавливалось от пяти до десяти лет одиночного заключения. Однако постановления, предусматривающие шпионаж в мирное время, оставались одинокими в течение более чем тридцати лет.

## II

Описанное состояние законодательства о шпионаже характерно для весьма ограниченного периода развития буржуазных стран. Это то время первоначального, сравнительно мирного развития капитализма, когда противоречия буржуазных государств между собой были еще относительно слабы. Основные объекты шпионажа — армия, вооружения, крепости не приобрели еще того значения, какое они завоевали впоследствии. Но этот «мирный» период оказался чрезвычайно коротким. В последние десятилетия прошлого века обострение противоречий между буржуазными государствами происходит во все более быстрых темпах, а военная техника достигает очень высокого уровня. Создаются постоянные армии, строятся крепости и укрепленные сооружения и т. д. «Мирное» время постепенно превращается в приготовление к войне. Особенно остро противоречивые интересы буржуазных государств столкнулись после франко-прусской войны 1870—1871 гг., когда Германская империя выступила со своими империалистическими требованиями. Начинается эпоха империализма. Мир оказался поделенным между капиталистическими хищниками и расширение хозяйственных рынков и распределение сфер политического влияния без военных столкновений отныне было исключено. Война готова была прорваться каждый день. Готовность к нападению и защите стала основной заботой каждого буржуазного правительства. Все они начинают наперебой вооружаться, устремляя все свои усилия на то, чтобы перекрыть соседа и как можно точнее изучить для этого состояние его вооружений.

К этому присоединяются все более усиливающиеся затруднения во внутренней политике. Рабочее движение в этот период достигает мощного подъема. Широкие массы трудящихся под руководством революционного пролетариата вступают во все более решительную борьбу с буржуазными правительствами и их хищнической политикой. Буржуазные правительства лишены поддержки масс в своих интенсивных приготовлениях к войне, они вынуждены производить вооружения против воли этих масс. В возводимых крепостях, в строящихся военных судах, во всей организации работ по вооружению армии, широкие массы видят часть угнетающего и давящего их государственного аппарата, которому они вынуждены подчиняться против своей воли, в силу принуждения. Господствующий класс, перед лицом столь противоречивого и все более усложняющегося положения, вынужден охранять свои вооружения и армию, свои укрепления, свою мощную военную технику суровым уголовным законодательством. Такими законами, изданными в последние десятилетия прошлого столетия, являются так называемые «законы о шпионаже». Правда, они не всегда носят это название, но в литературе они повсюду известны как законы о шпионаже.

Назовем законы трех важнейших западноевропейских стран. Это: французский — Loi qui établit des penalités contre l'espionage от 18 апреля 1886 г.; английский — Official Secrets Acts, 1889 г.[1]; немецкий — Gesetz gegen den Verrat militärischer Geheimnisse, 1893 г.

Эти законы были изданы в дополнение к предыдущим постановлениям об измене и шпионаже, которые не были отменены. Путем издания этих законов была создана целая система охранительных постановлений. Все военные объекты были объявлены «секретными», и всякий, кто выдаст подобный объект или произведет о нем, не имея на то права, разведку, ответственен по изложенному здесь основному закону о шпионаже. Круг военных тайн описывается следующим образом. Французский закон называет «планы, рукописи, или документы, которые подлежат хранению в тайне в интересах безопасности Франции и защиты ее территории» (ст. 1). Немецкий закон говорит о «рукописях, чертежах или иных предметах, сохранения которых в тайне требуют интересы страны» (§ 1). Английский закон перечисляет: «документы, чертежи, планы, модели... или информации», которые в интересах государства должны сохраняться в секрете (Section 2.) В выдаче (Verrat) виновен тот,

[1] См. «Zöblin Die moderne Spionagegesetzgebung, S. 161, 1895.

кто выдает подобные секретные сведения третьему лицу, не обладающему правом располагать ими, сообщит ему их содержание, или, наконец, опубликует (§§ 1 и 2 французского закона, 1, 2 немецкого закона, 2 section английского закона). За указанное преступление предусматривается наказание в виде срочной каторги или срочного тюремного заключения. При этом, наказание повышается, если деяние было совершено чиновником или доверенным правительству лицом. Английский и немецкий законы предусматривают также повышение наказания в тех случаях, когда деяние было совершено с умыслом совершившего его причинить вред государству. Преступление выдачи секретных сведений может быть совершено также по неосторожности. Ответственным, хотя и в меньшей мере, по этому закону, является также и тот, кто в силу неосторожности, или, упустив из виду существующие постановления, допустил подлог, похищение или распространение военных тайн.

Виновным в шпионаже (Ausspähung) в узком смысле слова согласно этим законам является всякий, кто, не имея на то права, стремится «овладеть» указанными тайными сведениями. Это преступление может быть совершено и в мирное время. Смысл закона заключается именно в том, чтобы сделать наказуемым так называемый «мирный шпионаж». Эти законы должны были распространить на мирное время все постановления о шпионаже, действовавшие до этого лишь во время войны. Более подробно состав шпионажа конкретизируется лишь в английском законе. Согласно ему деяние шпионажа имеет место в тех случаях, когда лицо его совершившее проникает на территорию какого-либо военного объекта, либо изготовляет эскизы и чертежи этого объекта (section 1). Французский и немецкий законы говорят лишь в общей форме о добывании (procurer) тайных сведений (§§ 3, 4 немецкого закона, ст. 3 французского закона). В английском, а также в немецком законе в качестве отягчающего, но не обосновывающего наказание сбстоятельства выступает умысел совершившего деяние использовать полученные сведения во вред германской империи путем сообщения их другим лицам». По французскому закону подлежит наказанию всякий, кто даже без доказанного шпионского умысла, при помощи переодевания, сокрытия своего настоящего положения, путем присвоения себе чужого имени, проникнет на военную территорию или иной военный объект и при помощи этого обмана снимет планы, произведет разведку о состоянии путей сообщения и т. п. (ст. 5). В качестве наказания предусмотрено срочное лишение свободы. Все эти законы предусматривают далее специальные наказания за заговор, повышенно по сравнению с общим законодательством карают недонос ительство, покушение, соучастие и пособничество. В остальном, однако, в этот период предмет шпионажа ограничивался военными объектами.

Ни один из этих законов, и это чрезвычайно важно, не требует умысла совершающего деяние способствовать своими действиями врагу или иностранному государству. Они признают подлежащим наказанию за шпионаж всякое ознакомление с секретными сведениями (или сообщение их) лицом (или лицу), не управомоченным располагать ими. Законы эти не требуют наличия какого-либо намерения, выходящего за пределы ознакомления; преступление считается законченным при наличии этого признака. В английском и немецком законе умышленное поставление государства в опасность или сообщение иностранной державе секретных сведений является квалифицирующим, но не обосновывающим наказание обстоятельством.

Основной целью, явной или тайной, действовавших до этого времени законов о шпионаже буржуазных государств, так же как и уголовного права предбуржуазной эпохи, являлась охрана «тайн» от иностранного государства. Поэтому понятие шпионажа включало предположение о том, что шпион сообщает добываемые им сведения иностранному государству. Законы о шпионаже преследовали цель охраны государственных тайн от иностранной державы. Понятие государственной тайны предполагало тайну лишь от иностранного государства; только иностранное государство рассматривалось как возможный враг.

Но последние названные нами законы далеко выходят за эти пределы. Они охраняют государственную тайну не только от иностранных государств и их агентов, но, кроме того, и от всякого «неуправомоченного» на ее знание. «Управомоченным» знать эти тайны, однако, является узкий круг буржуазии, из состава которой формируется правящая каста; это, стало быть, верхушка класса буржуазии, ее генералы, банкиры, политики. Все остальные «неуправомочены». А если эти «неуправомоченные» стремятся проникнуть в тайны, на охрану которых претендует буржуазия, их привлекают за шпионаж. Если бы это законодательство действительно имело в виду только предательство враждебной или иностранной державе, это было бы соответствующим образом выражено в законе. Но этим описываемые нами законы не ограничиваются; они стремятся к большему, они стремятся охранять от разоблачения перед широкими массами грязную стряпню господствующего класса на государственной кухне, его приготовления к хищническим империалистическим войнам. Ибо к этому времени широкие народные массы все более и более превращаются во «внутреннего врага» господствующего класса; классовые противоречия в этот период сталкиваются все острее и острее, и трудящиеся массы под предводительством революционного пролетариата вступают в энергичную борьбу против господствующего класса и его политики.

Ибо надо иметь в виду, что рассматриваемые нами законы были изданы в такое время (начало империализма), когда резко обострились не только империалистические интересы отдельных государств между собой, но и классовые противоречия внутри них, и буржуазные государства все более открыто превращались во враждебную массам машину подавления. Развитие военной техники буржуазных государств уже перестало отвечать интересам широких масс, точно так же, как войны, к ведению которых стремилась буржуазия. Буржуазия знала, что в предстоящих империалистических войнах народ может быть объектом использования, может служить по ее приказу пушечным мясом, и, конечно, не может выступить как сознательно с ней вместе борющийся субъект. И народные массы все более и более исключаются из аппарата ведения войны точно так же, как они исключаются из аппарата

государственного управления. Государственный и военный аппарат превращается в засекреченный аппарат господствующих клик. И созданная в рассматриваемых нами законах охрана тайны является логической частью всего законодательства, направленного не только против иностранных агентов, но и против собственного народа.

В последующие годы, по мере обострения империалистических и классовых противоречий, законодательство о шпионаже развивается в том же направлении. Очень скоро описанные нами законы оказались уже недостаточными. В годы, непосредственно предшествовавшие объявлению империалистической мировой войны, Англия первая издала новый закон о шпионаже (1911 г.). Новеллой 1912 г. царская Россия развила и расширила установленное Уложением о наказаниях 1903 г. законодательство о шпионаже. В 1914 г. Германия произвела реформу законодательства о шпионаже 1893 г.

Английский закон, озаглавленный «Act to re — enact the Official secrets Act 1889, whith Amendements» (22 августа 1911 г.) отменяет закон 1889 г. и направляет английское законодательство о шпионаже на совершенно новый путь. По этому закону объявляется виновным в шпионаже и подлежащим каторге сроком до семи лет всякий, кто с угрожающим интересам и безопасности государства умыслом (это, конечно, значительно шире умысла шпионажа) приблизится к запретной территории, находится вблизи подобного места или вступит на его территорию; далее всякий, кто составляет какие-либо модели, эскизы или планы, могущие оказаться полезными для врага. При этом закон устанавливает общую презумпцию виновности. По словам закона, умысел причинить вред государству, при отсутствии особых доказательств вины совершившего деяние, можно считать установленным во всех случаях, «когда из особых обстоятельств дела, или из поведения совершившего деяние, или из общественных свойств его характера явно, что его умысел угрожал интересам или безопасности государства» (§ 1, абз. 2). Далее закон определяет, что надо понимать под «запретной территорией», к которой нельзя приблизиться безнаказанно. Он прежде всего называет все сооружения оборонного значения, суда, военную территорию, далее, железные дороги, каналы, гидро- и электростанции, газовые заводы и другие производства общественного порядка, а также частные предприятия, где производится, ремонтируется или хранится оборонная продукция, если правительство объявляет их запретной территорией. Как на основание данного постановления указывается на то, что информации, относящиеся к таким местам, а также разрушительная и тормозящая деятельность и постороннее вмешательство могут принести пользу только врагу. Таким образом, этот закон дает право государственным органам ставить под усиленную охрану наряду с предприятиями общественного типа (пути сообщения, железные дороги, каналы и т. д.) также и частные предприятия, так что каждый, кто, не имея на то права, приблизится к такому предприятию или проникнет на его территорию или будет находиться в непосредственной от него близости может быть наказан наравне с лицом, проникшим на какой-либо военный объект. При этом, та часть закона, в которой говорится о предоставлении органам власти права приравнивать частные предприятия к военным объектам, имеет весьма интересное дополнение, указывающее, что постановление это основано на том, что не только информация о производстве, но и всякая иная деятельность, нарушающая или тормозящая нормальную работу предприятия, а также всякое вмешательство в эту работу, идут на пользу врагу. Этим путем закон приравнивает к шпионажу нарушение и торможение нормальной работы предприятия и вмешательство в нее. Для того чтобы устранить возможность подобных явлений, частные предприятия получают право на неограниченную защиту уголовного закона, изданного для борьбы со шпионажем. Таким образом, каждый, приблизившийся к территории подобного предприятия с умыслом не шпионажа, а «вмешательства», может быть приговорен к каторге как шпион. Это вовлечение предприятий и объектов невоенного типа в сферу военной тайны, их приравнение к военным объектам не являются единичным случаем, это лишь первое проявление ставшего впоследствии типичным, а в послевоенное время повсеместным явлением,— все большего расширения объектов шпионажа за пределы военных объектов в собственном смысле этого слова. Постановления этого закона дают, далее, «правовую основу» для пресловутой «мобилизации предприятий», объявления их «предприятиями особого значения», что, как правило, влечет за собой строжайшую борьбу на них со стачками и их усиленную охрану. И эти мероприятия регулируются законом о шпионаже!! Законы эти совершенно ясно направлены не только против внешнего, но и против «внутреннего врага» и преследуют цель обостренной борьбы со стачками и другими действиями революционного пролетариата, могущими ослабить созданный буржуазией военный аппарат.

Изданная в 1912 г. царским правительством новелла значительно расширяет постановления о шпионаже Уложения о наказаниях 1903 г. Если до сих пор шпионажем считалось лишь опубликование государственной тайны или сообщение ее иностранному правительству, то по новому закону подлежит наказанию как шпион всякий, кто содействует иностранному правительству в собирании сведений и предметов, касающихся внешней безопасности страны или относящихся к ее военным объектам. При этом понятие оказания помощи понимается значительно шире всякого пособничества в технико-юридическом смысле. Всякое сообщение даже не секретных сведений о состоянии армии подпадает под это понятие.

Расширение немецкого закона о выдаче военной тайны 1914 г. относится главным образом к размерам наказания. Все санкции повышаются. Кроме того, этот закон приравнивает пересылку всяких, подлежащих хранению в тайне сведений, касающихся обстоятельств оборонного значения, выдаче планов или чертежей.

Таково было состояние законодательства о шпионаже в буржуазных государствах ко времени объявления империалистической войны, которая вызвала лихорадочное развитие шпионской деятельности во всех буржуазных странах. Вследствие этого усилилась и борьба со шпионажем. Но эта борьба во время войны велась главным образом при помощи не нормальных судов, а исключительных военных органов, которые, базируясь на данных им полномочиях, из-

давали по своему усмотрению постановления, проведение которых в жизнь находилось в ведении преимущественно местных военных органов, жестоко терроризовавших население прифронтовой полосы. Эти постановления лишь в редких случаях содержат в себе описание точных составов преступления, в большинстве случаев облекаясь в форму бессодержательных диспозиций, ярко отражающих всю полноту власти военного командования над жизнью и смертью человека.

Все эти мероприятия не всегда можно отнести к категории уголовно-правовых, а скорее к «обычаям войны». Они только в очень немногих случаях пережили военное время.

## III

Те богатые познания в области шпионажа, которые военные круги буржуазных стран приобрели во время войны, не прошли бесследно в послевоенный период. Шпионаж достиг за это время необычайного организационного и технического совершенства, которое оберегалось буржуазными правительствами и особенно их генеральными штабами самым педантичным образом. Постоянное возрастание империалистических противоречий в послевоенные годы влекло за собой активизацию шпионской деятельности одних буржуазных стран по отношению к другим. Поэтому законодательство буржуазных государств о шпионаже в послевоенный период все время менялось, оно должно было поспевать за все развивающейся деятельностью шпионских организаций во всех направлениях, куда бы эта деятельность ни направлялась. К тому же, надо учесть чрезвычайно резкое обострение внутренних противоречий. Воодушевленный победой Великой пролетарской революции и политикой мира, проводимой Советским Союзом, пролетариат во всех буржуазных странах все смелее выступал против поджигателей войны. Он ненавидел хищническую империалистическую войну, которая принесла уже массам столько страданий. Это заставило буржуазию расширять и развивать законодательство, охраняющее ее военную машину. Но уже изданные в первое десятилетие по окончании войны законы, усиливающие борьбу со шпионажем, оказались недостаточными, благодаря глубокому обострению кризиса капитализма в 1929 г., когда война снова стала вопросом дня, а «мирное время» еще в более сильной степени, чем раньше, превратилось в приготовление к войне. Будучи слишком слабой для того, чтобы управлять демократическими методами, буржуазия обращается в своей внутренней и внешней политике к фашистским методам управления. Основную задачу в управлении государством фашизм видит исключительно в том,— и это открыто декларирует фашистская теория,— чтобы создать мощную военную машину, подчинив этой цели все публичные и частные институты государства. Согласно фашистской теории у государства нет иной цели, кроме ведения войны против врагов внутренних и внешних.

Приход в 1933 г. к власти германского фашизма принес с собой усиление международной фашистской реакции. С этого времени в международной политике все большее распространение получает фашистская агрессия: фашистские страны, во главе с Германией, являющейся самой реакционной частью фашизма, не брезгуют никакими средствами шпионажа и диверсии, чтобы подготовить нападение на другие страны. Открытый, жесточайший террор является подчас официальным методом управления народными массами, которые борются с империалистической политикой своих правительств.

Таким образом, после прихода к власти немецкого фашизма в 1933 г. в буржуазных странах повсеместно происходит перестройка и расширение законодательства о шпионаже. Из числа западно-европейских держав только одна Англия осталась при старом законе 1911 г., который, однако, был расширен и восполнен во многих направлениях законом 1920 г. Все остальные страны издали после 1933 г. новые законы о шпионаже: в 1934 г. Франция, Польша, Бельгия, Германия, Венгрия, Италия; в 1935 г. Швейцария; в 1936 г. Чехословакия, Болгария и Румыния. Еще до этого в 1933 г. в США было преобразовано действовавшее до тех пор законодательство о шпионаже.

Если изучать особенности законодательства о шпионаже буржуазных стран последних лет, то при всем их различии в нем все же можно проследить известные единообразные тенденции. Характерно не только всеобщее расширение понятия состава шпионажа и повышение санкций, что, конечно, прежде всего бросается в глаза, но и решительное распространение объектов шпионажа, кроме военных объектов (которые до сих пор в основном и охранялись законодательством), на все так называемые государственные тайны и даже на «хозяйственные тайны». Это распространение осуществлялось либо путем точного перечисления наряду с военными объектами и государственными тайнами и «тайн хозяйственных», либо путем того, что в теоретических работах и судебной практике под понятием государственной тайны объединялись военные и хозяйственные объекты. Распространение законодательства о шпионаже на область хозяйства призвано было удовлетворить настоятельную потребность капиталистов, исполнить выдвинутое ими требование. Промышленность буржуазных стран, в первую очередь военная, в послевоенные годы развивалась не только в напряженной международной обстановке, которая влекла за собой постоянную активизацию шпионской деятельности капиталистических государств по отношению друг к другу, но и в не менее обостренной внутриполитической атмосфере. Пролетариат превращался во все более непримиримого противника буржуазии и ее империалистической хищнической политики. Трудящимся массам, работающим на предприятиях, фабриках и в лабораториях буржуазии, становилось все яснее и яснее, что результаты их работы служат не их интересам, а хищнической погоне буржуазии за прибылью. В целях сохранности продукции своих предприятий и полного порабощения рабочих масс, буржуазия настаивала на необходимости усиленной уголовно-правовой защиты от нарушений со стороны «внутренних врагов». Хотя законы о шпионаже и преследовали непосредственную цель борьбы против хозяйственного шпионажа агентов иностранных государств, но они должны были также осуществлять нажим на рабочих, чтобы устранить возможность какой бы то ни было критики и использования приобретенных ими в процессе производства знаний для борьбы против хищников империализма. В этом и заклю-

чается смысл постановлений по борьбе с «промышленным шпионажем», которые выпускаются в послевоенные годы наряду с законодательством о шпионаже в собственном смысле слова. Они направлены, как и все буржуазные законы о шпионаже, не только против «внешнего», но и против внутреннего врага.

В остальном законодательство буржуазно-демократических государств о шпионаже резко отличается от законодательства о нем фашистских стран не только по устанавливаемым размерам наказания, но и по пониманию состава преступления. Если мы возьмем французское, бельгийское и чехословацкое законодательство о шпионаже, т. е. законодательство буржуазно-демократических стран, то при всей растяжимости и расплывчатости отдельных определений состава шпионажа, все же понятие его более или менее отграничивается от других деликтов. Это — уголовные законы с типизированными составами, законы в буржуазно-демократическом смысле этого слова. Сконструированная путем этого ограничения и типизации схема приближается к описанным выше законам конца XIX века, особенно к французскому закону 1886 г.

Так, французский закон о шпионаже 1934 г. представляет собой по существу расширение закона 1886 г. Он приводит различие между изменой и шпионажем в узком смысле и точнее определяет объект шпионажа.

Предметом шпионажа по этому закону являются: объекты, материалы, военные и морские планы, карты, рукописи, документы или тайные сведения о военных, дипломатических или экономических постановлениях» (ст. 1).

В выдаче (Verrat) тайных сведений виновен тот, кто выдаст какие-либо не подлежащие оглашению сведения или документы: 1) путем сообщения их лицу, не управомоченному располагать ими, 2) их опубликования, 3) снятия с них копии или фотографирования, 4) сообщения сведений об их содержании.

Предписаний о действиях, выходящих за пределы этих требований, в законе нет. По этому деликту ответственен может быть всякий, француз или иностранец, военнослужащий или штатский. Но при этом отягчающим обстоятельством является совершение указанных в законе действий правительственным чиновником или доверенным правительству лицом. В этом случае закон предусматривает лишение свободы от 2—5 лет и штраф, тогда как при отсутствии указанных отягчающих обстоятельств законом установлено лишение свободы от 1 года до 5 лет. Согласно закону, выдача (Verrat) может быть совершена и по неосторожности. В неосторожной выдаче виновен тот, кто допустит похищение или разрушение указанных в законе объектов, упустив из виду требования охранительных постановлений, существующих в отношении их.

В шпионаже (Ausspähung) виновен тот, кто, не обладая на то правом, добывает подобные сведения и объекты (procurer). Для законченного состава преступления достаточно лишь собирания этих сведений. Наказание предусматривает лишение свободы от 6 месяцев до 3 лет и штраф. Наказание повышается, если деяние было совершено с умыслом использовать добытые сведения в целях шпионажа. Кроме простого собирания сведений для себя, наказуемым является проникновение на запрещенную территорию лицам, на то не управомоченным, путем переодевания, принятия чужого имени или другим обманным способом (лишение свободы от 2 до 5 лет и штраф). Наказание здесь также повышается в тех случаях, когда деяние было совершено в целях шпионажа. Далее, изменяя общую часть Code pénal, закон приравнивает покушение к законченному преступлению; всякие формы соучастия, подстрекательство и пособничество наказуются как самое деяние, причем пособничество толкуется законом весьма широко.

К этой же схеме, несмотря на большие различия в деталях, примыкает и бельгийский закон 1934 г. В качестве наказания он предусматривает заключение в крепости, причем сроки заключения предусмотрены более высокие, чем во французском законе. Они могут доходить до 15 лет.

Чехословацкий закон, хотя иначе конструирует составы преступления, все же держится тех же рамок. Он устанавливает смертную казнь лишь в исключительных случаях, когда к выдаче военной тайны присоединяются особо отягчающие обстоятельства (§ 1 закона 1936 г).

Иначе построен польский закон, закон полуфашистского государства. Здесь, так же как и всюду, шпионаж подразделяется на выдачу (Verrat) и шпионаж в узком смысле (Ausspähung). Закон приводит еще большее дробление и различает простую выдачу и выдачу иностранному правительству, простой шпионаж и шпионаж иностранному правительству, причем квалифицирующим моментом для понятия выдачи и шпионажа в отношении к иностранному правительству является умысел совершившего деяние способствовать своим действием иностранной державе. В качестве наказания предусмотрена срочная или бессрочная каторга и смертная казнь. Но характерное отличие от указанных выше законов заключается не в этом. Оно значительно ярче проявляется в определении понятия «тайны», выдачу которой карает этот закон. Это понятие определяется польским законом чрезвычайно широко. Закон прежде всего проводит различие между первостепенными и второстепенными тайнами. К первым относятся государственные тайны в собственном смысле слова. Это «сведения, документы или иные объекты», содержания которых в тайне требуют интересы польского государства. По своему содержанию, однако, это понятие дальше не конкретизируется. Но закон добавляет, что тайными надлежит считать также и такие сведения, которые по существу не являются тайной в силу того, «что содержание их в тайне невозможно для известной группы лиц» (ст. 9, § 1). Это положение дополнительно конкретизируется согласно одному из решений верховного суда следующим образом: «То обстоятельство, что состояние укрепленных сооружений известно широкому кругу лиц и что получение этих сведений доступно без соблюдения особых условий, не лишает все же эти сведения характера государственной тайны». Это надо понимать таким образом, что те действия, которые правительство не может утаить от народа, ибо народ все же имеет глаза и уши, но которые оно все же предпочитает сохранить в секрете, считаются государственными тайнами и защищаются законодательством о шпионаже. Здесь самое понятие тайны доведено до абсурда. По смыслу закона тайной является не только то, что засекречено,

но и те явления, говорить о которых, критиковать и разоблачать «не должны» народные массы. Но это еще не все. Наряду с так называемыми тайнами закон объявляет наказуемым изготовление «военных информаций», сведений и документов, которые, «не являясь государственной тайной, касаются интересов обороны страны и ее вооруженных сил» (ст. 9, § 2).

То же относится и к законодательству Италии о шпионаже. Основы действующего в Италии законодательства о шпионаже установлены в уголовном кодексе 1930 г., но расширены и дополнены упомянутым выше королевским декретом 1934 г. Объектом шпионажа по итальянскому уголовному кодексу наряду с государственной тайной являются «сведения, распространение которых запрещено компетентными учреждениями» (ст. 256, абз. 3), даже тогда, когда они не являются тайной. Самое понятие государственной тайны трактуется чрезвычайно широко. Закон определяет его следующим образом: «Сведения, которые должны сохраняться в тайне в интересах безопасности государства, либо в интересах внешней или внутренней политики» (ст. 256). Обстоятельства, подлежащие хранению в тайне, не обязательно должны быть оформлены в виде планов, рукописей или документов; закон употребляет обширное, всеобъемлющее выражение с в е д е н и я. Всякие сведения, распространение которых может повредить государству или, иначе говоря, фашистскому режиму не только вовне, но и внутри страны, т. е. все факты, дискредитирующие фашистское правительство перед массами, если они не общеизвестны, объявляются государственной тайной, и каждый, кто пытается их разоблачить или распространить, обвиняется в шпионаже и карается исправительным домом на срок не ниже 3 лет (ст. 256, 261).

Для шпионажа в особо отягчающих случаях допускается и смертная казнь.

Выдача и распространение обстоятельств, не составляющих тайны, если их распространение запрещено правительством, карается исправительным домом от 2—8 лет, или не ниже трех лет и в отдельных случаях смертной казнью (ст. 256, абз. 4, ст. 262).

Упоминавшийся выше декрет Муссолини, изданный в сентябре 1934 г., содержит подробный перечень объектов, разглашение которых запрещается. Они, главным образом, относятся к вооружениям. При этом, однако, декрет весьма отчетливо добавляет, что указанный перечень ни в коей мере не является исчерпывающим, может быть в любое время расширен и дополнен и что отсутствие в нем какого-либо объекта не исключает того, что он может быть признан государственной тайной. Если же выдача государственной тайны или обстоятельств или сведений, распространение которых запрещено, была совершена с целью политического или военного шпионажа, т. е. в интересах иностранной державы, то наказание может быть повышено до смертной казни.

Установленное законом 1934 г. предварительное законодательство о шпионаже фашистской Германии превосходит итальянское как тяжестью наказаний, так и растяжимостью своих постановлений. Мы говорим предварительное, так как издание нового уголовного кодекса стоит в Германии в порядке дня. Новеллой 1934 г. были изменены разделы старого уголовного кодекса, нормирующие измену родине и государственную измену. Но при этом решительно было указано, что этот закон ни в какой мере не является окончательным и не предвосхищает решительной реформы. «Смертной казни подлежит всякий, кто предпримет действия, направленные к выдаче государственной тайны» (§ 89); «Смертной казни или пожизненной каторге подлежит всякий, кто предпримет действия, направленные к овладению государственной тайной с целью ее выдачи» (§ 90),— так гласят основные положения немецкого фашистского закона о шпионаже 1934 г. В выдаче (Verrat) виновен тот, кто «доставит в распоряжение другого» государственную тайну, причем закон не требует, чтобы этим другим было иностранное правительство; или тот, кто доведет «эту тайну» «до всеобщего сведения» (§ 88). Предписания закона об измене преследуют цель «охраны блага империи», а не, стало быть, охраны внешней политики государства. Таким образом, действие, угрожающее фашистскому режиму, является также направленным против «блага империи». По определению закона государственной тайной являются «рукописи, чертежи и иные предметы, обстоятельства и сведения такого рода, содержание которых в тайне от иностранных правительств вызывается интересами блага империи, в особенности, защиты родины». Приведенное здесь определение не устанавливает точных границ преступления и дает полный простор произволу суда. Состав преступления выдачи и шпионажа не ограничивается законченными выдачей и шпионажем; действия, «предпринятые в целях» выдачи и шпионажа, приравниваются к законченному преступлению. «Покушение и законченное деяние» охватываются одним постановлением закона (§ 87). Каковы должны быть, например, объективные элементы такого деяния, как покушение на получение сведений»?! Легко себе представить, какие действия получают возможность фашистские суды охватить подобными каучуковыми формулировками? А наказание, устанавливаемое законом,— смертная казнь!

---

Уже в 90-х годах прошлого века, во время обсуждения в рейхстаге немецкого закона о шпионаже, один из представителей революционного пролетариата бросил имперскому правительству обвинение в том, что этот закон не имеет другой цели, кроме удушения критики буржуазной политики империализма и положения императорской армии. Этот закон относится к эпохе зарождения империализма и назревания пролетарской революции. С тех пор законодательство буржуазных стран о шпионаже прошло много этапов. Оно охраняет ныне не только военный аппарат буржуазии,— все «государственные тайны» являются на сегодня объектом шпионажа; не только военный аппарат, но и вся политика буржуазных правительств превращена в настоящее время в государственную тайну и не только от иностранных правительств, но и от всего народа. Законодательство о шпионаже является частью всего законодательства, направленного на то, чтобы охранить буржуазную государственную машину, монополию власти буржуазии, на то, чтобы охранить буржуазный государственный аппарат и политику буржуазии от разоблачения перед широкими народными массами.

**Поляков**

# ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

## О БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ИЗРАСХОДОВАНИЕМ ФОНДОВ ЗАРПЛАТЫ НА ДРУГИЕ НУЖДЫ

По имеющимся в распоряжении Прокуратуры Союза ССР материалам, в частности сообщению Государственного Банка СССР, ряд прокуроров на местах не ведет должной борьбы с антигосударственной практикой расходования хозорганами фондов зарплаты на другие нужды и задержкой выплаты заработной платы.

Так, Вяземский кожзавод (Смоленской области) образовал у себя «черную кассу» и допустил незаконное расходование средств, полученных на зарплату, на другие нужды.

Глинковский льнозавод (Смоленская область) получил в Госбанке деньги по завышенной справке о начисленном фонде зарплаты и полученные деньги израсходовал на другие нужды.

Завод «Лифт» (г. Москва) израсходовал не по назначению 389 тыс. руб., полученные на выплату заработной платы.

Сталинский тракторный завод за 1937 г. перерасходовал огромные суммы фонда зарплаты.

О всех этих незаконных перерасходах фондов зарплаты, по сообщению председателя Правления Госбанка СССР, своевременно сообщалось соответствующим прокурорам, которые, однако, мер по этим сообщениям не приняли.

Подобное же положение имело место в Тамбове, Кирове, Одессе.

Прокуратура Союза неоднократно требовала от местных прокуроров решительной борьбы с антигосударственной практикой незаконного расходования фондов заработной платы не по назначению и с задержкой выплаты заработной платы. Очевидно, ряд прокуроров не усвоил себе необходимости решительной борьбы с этого рода антигосударственными тенденциями; предупреждаю, что за волокиту с расследованием этих дел и за неосновательный отказ в возбуждении уголовного преследования против виновных в незаконном израсходовании фондов зарплаты и в задержке выплаты зарплаты буду налагать строгие взыскания.

Приказываю:

1. Безоговорочно возбуждать уголовное преследование против виновных в незаконном израсходовании фондов зарплаты и виновных в задержке выплаты зарплаты.

2. Расследовать, как правило, эти дела в 15-дневный срок.

3. Принимать участие при рассмотрении этих дел в подготовительных и судебных заседаниях суда.

Донести о проделанной в этой области работе к 10 июня 1938 г., неуклонно опротестовывая неправильные приговора.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

27 февраля 1938 г.

№ 197

## ОБ ОХРАНЕ ЛЕСОВ

В Прокуратуру СССР поступили материалы о том, что местные советы и исполкомы при издании обязательных постановлений об охране лесов и насаждений допускают грубые нарушения действующего законодательства.

Так, например, президиум Оренбургского облисполкома в постановлении от 20 ноября 1937 г., вопреки постановлению СНК СССР от 29 мая 1934 г. (С. З. 1934 г. № 32) и постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) за № 1261 от 2 августа 1937 г., воспретил беспрепятственную пастьбу скота на всей площади леса, а также запретил сбор древесных плодов в лесу, установив при этом административный порядок взыскания штрафов за нарушение правил лесопользования, чем нарушил постановление ВЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. (С. З. 1937 г. № 30) и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 2 августа 1937 г.

Президиум Ростовского облисполкома постановлением от 9 декабря 1937 г. также запретил пастьбу скота, сенокошение и сбор древесных плодов в лесах.

Такие же нарушения допустил СНК Калмыцкой АССР в постановлении от 17 января 1938 г.

Между тем все эти постановления органами прокуратуры на местах не были опротестованы, и о допущенных нарушениях в Прокуратуру СССР сообщили другие организации. Это указывает на слабость работы по общему надзору органов прокуратуры перечисленных выше областей и автономных республик.

Предлагаю всем прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей и районным прокурорам проверить обязательные постановления, изданные соответствующими совнаркомами АССР и исполкомами об охране лесов и лесонасаждений, и при обнаружении в них нарушений действующего законодательства — немедленно опротестовать эти постановления.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

15 марта 1938 г.

№ 14/24

## О НАРУШЕНИЯХ ЛЬГОТ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

От демобилизованных красноармейцев поступают массовые жалобы на нарушения на местах ст. 93 Кодекса о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-Крестьянской Красной Армии и их семей.

Эти нарушения заключаются в том, что демобилизованным красноармейцам не возвращают жилплощадь, которую они занимали до ухода в Красную Армию.

Между тем ст. 93 Кодекса о льготах прямо говорит, что по возвращении со службы «военнослужащие имеют право занять жилую площадь, которую они занимали до поступления на службу. Лица, проживающие на этой площади во время нахождения военнослужащего на службе,

обязаны ее освободить не позднее 2-недельного срока. Эта льгота может быть использована в течение 6 месяцев со дня увольнения».

Из жалоб демобилизованных красноармейцев видно, что органы прокуратуры на местах не борются с нарушениями 93 статьи Кодекса о льготах и, в частности, не опротестовывают незаконные действия местных советов и домоуправлений, нарушающих порядок временного заселения жилой площади красноармейцев, и не оказывают содействия в административном выселении лиц, временно занимавших эту жилплощадь.

Предлагаю прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей и районов обеспечить полное и безоговорочное выполнение ст. 93 Кодекса о льготах как в части порядка временного заселения жилплощади, принадлежащей лицам, уходящим в Красную Армию, так и освобождения этой площади по возвращении их из армии.

Во всех случаях поступления от демобилизованных красноармейцев жалоб на нарушение их жилищных льгот, органы прокуратуры обязаны детально проверять эти жалобы и немедленно принимать меры к восстановлению нарушенной законности.

На виновных в волоките с рассмотрением жалоб демобилизованных красноармейцев и в непринятии мер борьбы с нарушениями предоставленных им льгот я буду налагать строгие взыскания.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

16 марта 1938 г.
№ 15/24

## О РАБОТЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ

Статистические данные о работе органов прокуратуры по общему надзору за 3 квартала 1937 г. показывают, что количество протестов по общему надзору, принесенных органами прокуратуры на местах, из квартала в квартал 1937 г. не росло, а уменьшалось.

Так, например, если в I квартале 1937 г. было принесено 15 938 протестов, то во II квартале количество их снизилось до 14 913, а в III квартале — до 12 060. Только в двух республиках — Белорусской и Киргизской — количество протестов по общему надзору в III квартале, по сравнению с первым кварталом, увеличилось. Наибольшее сокращение протестов показывает статистика по РСФСР, где в III квартале принесено на 31,2% меньше протестов, чем в I квартале этого же года.

Оперативные материалы отдела общего надзора Прокуратуры СССР и, в частности, материалы, полученные при выезде работников Прокуратуры СССР на места, говорят о том, что целый ряд грубых нарушений законов остается незамеченным и неопротестованным органами прокуратуры. Так, при проверке представителем Прокуратуры СССР Слуцкого и Копыльского районов БССР за несколько дней им было принесено 28 протестов на незаконные постановления местных органов.

Прокуратура Союза ССР считает установленным, что уменьшение количества протестов объясняется недостаточной активностью органов прокуратуры в деле выявления нарушений закона и борьбы с этими нарушениями, а также зачастую неумением распознавать эти нарушения.

Кроме того, из просмотра поступающих в Прокуратуру СССР копий протестов по общему надзору, приносимых краевыми, областными и райпокурорами, устанавливается, что практика опротестования незаконных постановлений, приказов и распоряжений местных органов страдает существенными недостатками.

В большинстве случаев протесты приносятся с значительным запозданием. От момента совершения незаконных действий до принесения органами прокуратуры протеста зачастую проходит по несколько месяцев, а иногда и лет. Так, например, прокуратура Харьковской области 3 февраля 1938 г. опротестовала постановление Двуреченского рика о проверке и клеймении мер и весов, принятое 3 февраля 1937 г.; та же Харьковская прокуратура 26 января 1938 г. опротестовала постановление Никольского сельсовета Ульяновского района о лишении единоличников земли, принятое 3 июля 1935 г., то есть 2½ года назад.

Техника составления органами прокуратуры на местах протестов крайне несовершенна. В них зачастую не указывается, по каким юридическим основаниям опротестовывается то или иное постановление, иногда в протестах вообще не приводится никаких мотивов, а содержится только требование об отмене постановления «как незаконного».

Так, например, прокурор Оренбургской области в одном из своих протестов за 1938 г. потребовал отмены сразу 8 постановлений Державинского рика ни словом не упомянув, почему он считает эти постановления незаконными. Многие из протестов, особенно приносимых райпрокурорами, отличаются исключительной небрежностью и неграмотностью изложения, не дающих порой возможности понять существо и мотивы принесенного прокурором протеста.

За рассмотрением протестов органами, куда эти протесты были направлены, наблюдение зачастую не ведется, благодаря чему разрешение вопросов, поставленных в протестах, тянется месяцами. Это особенно относится к протестам райпрокуроров, направляемым через вышестоящие прокуратуры и в краевые (областные) организации .Райпрокуроры, послав свои протесты в вышестоящую прокуратуру, считают свою миссию исчерпанной и дальнейшим движением протеста не интересуются. Вышестоящая же прокуратура не считает своей обязанностью сообщать райпрокурорам о результатах рассмотрения протестов, а иногда даже и о том, что протесты ею не подтверждены и не внесены в соответствующую краевую (областную) организацию.

В результате этого, число нерассмотренных протестов, по статистическим данным за 3 квартала 1937 г., достигает цифры в 14 227, составляя 33,2% к числу принесенных протестов. При этом число нерассмотренных протестов в некоторых союзных республиках из месяца в месяц растет.

Так, например, по Казахской ССР количество нерассмотренных протестов с 23 в январе поднялось до 220 в сентябре месяце.

Все эти недостатки в практике принесения протестов по общему надзору свидетельствуют о

том, что прокуроры союзных и автономных республик, а также прокуроры краев и областей не занимаются изучением протестов, приносимых нижестоящими органами прокуратуры, и не руководят этой важнейшей работой, вопреки моим прямым указаниям, данным в циркуляре от 16 августа 1937 г. № 60/24 об организации, задачах и методах работы по общему надзору. В некоторых краях и областях до сих пор еще не налажена даже присылка в вышестоящие органы прокуратуры копий важнейших протестов по общему надзору (Актюбинская, Алтайская и др.). Почти единственное исключение составляет прокуратура Ленинградской области, которая проделала опыт изучения протестов, приносимых окружными и районными прокурорами, за 11 месяцев 1937 г. Проделанная работа дала Ленинградской прокуратуре возможность документально установить, кто из районных прокуроров проявляет действительную активность в работе по общему надзору и кто занимается только общими рассуждениями по поводу этого надзора.

Так, например, если прокурор Демьяновского района сумел выявить и опротестовать за 11 месяцев 163 незаконных постановления, Оредежский прокурор — 156, Кировский прокурор — 90, то прокуроры Слуцкого и Молвотицкого районов за это время не выявили и не опротестовали ни одного незаконного постановления. На основе изучения протестов окружных и районных прокуроров, Ленинградская областная прокуратура дала по своей периферии ряд практических указаний о порядке опротестования незаконных постановлений и, в частности, о технике составления протестов, приложив к своему письму на места примерные образцы протестов по различным случаям нарушений законов.

Считая этот опыт конкретного выполнения данных мною в циркуляре от 16 августа 1937 г. указаний удачным, рекомендую прокурорам других краев и областей использовать его в своей работе.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

17 марта 1938 г.

№ 16/24

## О ПРИВЛЕЧЕНИИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫПЛАТУ НЕЗАКОННО ПОВЫШЕННЫХ СТАВОК ЗАРПЛАТЫ

Наблюдаются случаи отказа со стороны органов прокуратуры в привлечении к ответственности руководителей местных организаций за выплату незаконно повышенных ставок зарплаты и другие нарушения штатной и финансовой дисциплины по мотивам санкционирования этих действий вышестоящими органами.

Предлагаю органам прокуратуры в подобных случаях сообщать о них соответственно прокурорам союзных республик или Прокурору Союза ССР для привлечения к ответственности лиц, санкционировавших эти нарушения штатной и финансовой дисциплины.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**

21 марта 1938 г.

№ 18/24

## ЦИРКУЛЯР ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА ССР И НАРКОМТОРГА СССР № 11053 ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1938 г.

**«О подготовке организациями и предприятиями торговли и общественного питания материалов о растратах и хищениях для передачи органам расследования».**

Своевременная и правильная подготовка материалов по делам о растратах и хищениях для передачи органам расследования является одним из важных условий успешной борьбы с растратчиками и расхитителями социалистической собственности.

От полноты и правильности оформления материалов, подготовленных организациями и предприятиями торговли и общественного питания, зависит быстрое расследование дел о растратах и хищениях и надлежащее их разрешение органами суда.

Поэтому Прокуратура Союза ССР и Наркомторг СССР предлагают при передаче дел о растратах и хищениях органам расследования руководствоваться следующим:

§ 1. На имя органа расследования (милиции, следователя или прокуратуры), которому направляется дело для привлечения к уголовной ответственности обвиняемого в растрате или хищении, составляется заявление.

В заявлении кратко излагается, в чем состоит преступление, какая сумма похищена или растрачена, где и при каких условиях растрата была совершена, когда было выявлено данное преступление и кого, по мнению предприятия торговли или общественного питания, нужно привлечь к уголовной ответственности, а также указываются лица, могущие быть свидетелями по настоящему делу.

§ 2. О личности привлекаемого (или привлекаемых) в заявлении необходимо дать самые полные сведения: указать имя, отчество, фамилию, возраст привлекаемого, домашний адрес, номер паспорта или временного удостоверения, должность и срок его работы в данном предприятии.

К заявлению необходимо приложить фотографическую карточку привлекаемого, если она имеется у предприятия.

§ 3. К заявлению о возбуждении уголовного преследования предприятия обязаны прилагать следующие документы:

а) Акт ревизии соответствующего предприятия (магазина, столовой, базы, складов и т. п.), где обнаружены растрата или хищение материальных ценностей.

В акте, в итоге сверки натурных остатков материальных ценностей с книжными данными, должен быть назван точный размер недостачи с обозначением, за какое время, где и у кого именно установлена недостача.

Если существующий учет позволяет, то должно быть указано — по товарам или по деньгам установлена недостача.

В акте также указывается — применена ли и из какого расчета скидка на естественную убыль товара.

Если акт не подписан бухгалтером предприятия, в котором обнаружена растрата или хищение (а при отсутствии бухгалтерии в предприятии — бухгалтером вышестоящего звена), то к акту должно быть приложено заключение бух-

галтера по существу акта, в частности, по вопросу о расхождениях между данными бухгалтерии и данными подотчетного лица.

б) Все документы, которые представлялись подотчетным лицом при сдаче им отчета, но не были приняты бухгалтерией, а равно документы, вызывающие сомнение в их подлинности или правильности, в частности, документы, которые содержат в себе подчистки, перечеркивания, недопустимые исправления и т. п., с объяснениями, почему эти документы не были приняты при сдаче отчета и в каком отношении они являются дефектными.

в) Объяснения лица, у которого была выявлена растрата или хищение, если эти объяснения были им даны.

В тех случаях, когда предприятие не имеет возможности представить объяснения подотчетного лица (в случае его отъезда или уклонения от явки), оно должно представить справку о том, что подотчетное лицо им своевременно вызывалось. Такой справкой, например, может служить копия письма, посланного подотчетному лицу.

§ 4. Заявления, направленные органам расследования (§ 1), должны быть подписаны руководителем вышестоящего звена, в состав которого входит предприятие.

§ 5. При наличии мелкой недостачи, происшедшей у данного работника впервые и притом вследствие неопытности, просчета или других действий работника, не содержащих признаков уголовного преступления,— уголовное преследование не возбуждается.

В этом случае руководитель вышестоящего звена, в состав которого входит предприятие, может наложить на виновного дисциплинарное взыскание и обязать его возместить понесенный от недостачи убыток в общегражданском порядке.

§ 6. Дела о растратах и хищениях следует передавать органам расследования немедленно после того, как совершение преступления организации или предприятию стало известно, но, во всяком случае, не позднее 10 дней с момента проверки (ревизии) предприятия или подотчетного лица.

§ 7. При получении заявления о возбуждении уголовного преследования (§ 1), орган расследования обязан разрешить вопрос о полноте представляемых материалов и, в случае надобности, немедленно дать необходимые указания подавшему заявление о дополнительном представлении материалов или производстве новой (или дополнительной) ревизии.

§ 8. Бухгалтерская экспертиза по делам о растратах и хищениях может назначаться только в процессе следствия, в случаях и порядке, установленных в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Стоимость экспертизы не должна относиться на счет организации или предприятия.

Возлагать на организацию или предприятие обязанность представления заключения экспертизы при возбуждении и расследовании дела категорически воспрещается.

§ 9. Расследование дел о растратах и хищениях в организациях и предприятиях торговли и общественного питания должно быть закончено органами расследования в 15-дневный срок с момента представления заявления (§ 1) со всеми необходимыми материалами (§§ 3 и 7).

В случаях необходимости продления этого срока, обязательно должна быть испрошена санкция вышестоящего прокурора.

§ 10. Органы расследования обязаны по каждому делу своевременно извещать заинтересованную организацию или предприятие о допущении ее в качестве гражданского истца или об отказе в этом, о передаче дела в суд или о прекращении производства по делу и т. п.

## УКАЗ ОБ АМНИСТИИ В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 20-ЛЕТИЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

В ознаменование 20-летия существования Рабоче-Крестьянской Красной Армии освободить из-под стражи и от других, связанных с приговором, дополнительных мер наказания всех военнослужащих, впервые приговоренных к лишению свободы на срок до трех лет включительно, кроме лиц, осужденных за государственные преступления, и снять судимость с условно осужденных военнослужащих.

Настоящую амнистию распространить также на военнослужащих, дела о которых находятся в стадии расследования по преступлениям, влекущим за собой наказание не свыше трех лет лишения свободы.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. Калинин**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. Горкин**

Москва, Кремль, 24 января 1938 г.

## ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР ОБ АМНИСТИИ В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ РККА И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

В связи с указом об амнистии, принятой Президиумом Верховного Совета Союза ССР в ознаменование двадцатой годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, предлагается принять к руководству:

1. Амнистия распространяется на военнослужащих РККА, Военно-Морского Флота, войск пограничной и внутренней охраны НКВД.

Амнистия не распространяется на работников военизированных организаций (милиция, гражданский воздушный флот, Осоавиахим, военизированная охрана и др.).

2. Осужденные впервые к лишению свободы на срок до трех лет включительно, кроме осужденных за государственные преступления, подлежат освобождению из-под стражи и от других, связанных с приговором, дополнительных мер наказания.

Освобождение из-под стражи производится распоряжением администрации лагерей или других мест заключения (тюрем, колоний). Администрация мест заключений выдает освобожденному на руки удостоверение по прилагаемой форме.

3. Не подлежат освобождению лица, имеющие более одной судимости, а также осужденные за государственные преступления (ст. ст. $58^{1}$—$59^{13}$ Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующих ст. ст. УК других союзных республик.

4. Администрация мест заключения обязана немедленно сообщать вынесшим приговор судам о применении амнистии к тем лицам из числа освобожденных, в отношении которых в качестве дополнительной меры наказания судебным приговором применено поражение в правах. Судебные органы, получив такое сообщение, выносят определение о снятии поражения в правах.

О снятии поражения в правах суд немедленно сообщает амнистированному.

5. Если лицу, освобожденному из-под стражи по амнистии, при вынесении приговора была назначена в качестве дополнительного наказания конфискация имущества и эта мера не была реализована к моменту его освобождения, то суды, вынесшие приговор, обязаны по заявлению освобожденного выносить определения о снятии конфискации имущества.

6. В отношении тех из осужденных, подлежащих освобождению по амнистии, которые были лишены военных званий, администрация лагерей и других мест заключения представляет списки в Главное Управление лагерей НКВД СССР для направления их через Главную Военную Прокуратуру в соответствующие органы для отмены этого лишения.

Главная Военная Прокуратура представляет эти списки соответственно Народному Комиссару Обороны Союза ССР, Народному Комиссару Военно-Морского Флота Союза ССР или Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР для отмены лишения этих лиц военных званий.

7. Администрация лагерей и других мест заключения обязана при освобождении из-под стражи лиц, которым судебным приговором назначены дополнительные меры наказания, разъяснить им, что амнистия освобождает их также и от этих дополнительных мер, и одновременно разъяснить им предусмотренный п. п. 4, 5 и 6 порядок оформления снятия дополнительных мер наказания.

8. Согласно указу об амнистии, подлежат прекращению следственные дела о преступлениях военнослужащих, кроме дел о государственных преступлениях в случаях, когда за совершенное преступление может быть по Уголовному Кодексу назначено лишение свободы на срок не свыше трех лет.

Производство по этим делам прекращается органами прокуратуры.

9. Применение амнистии по делам, находящимся к моменту опубликования указа об амнистии на кассационном рассмотрении судебных органов, производится кассационным определением об освобождении от наказания в силу акта об амнистии.

10. Амнистия снимает судимость со всех военнослужащих, приговоренных к условному наказанию. Снятие судимости происходит автоматически, и эти лица признаются не судившимися.

В случае их обращения с ходатайством о выдаче официальной справки, суды по месту обращения этих лиц обязаны, основываясь на документальных данных об условном осуждении, выдать справку о снятии судимости на основании указа об амнистии.

11. Освобождение осужденных из-под стражи и от дополнительных мер наказания, прекращение следственных дел, применение амнистии в судебных инстанциях и снятие судимости с условно осужденных могут последовать только после официального опубликования указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии.

До этого времени проводится вся подготовительная работа.

12. Надзор за правильным применением указа об амнистии осуществляется органами прокуратуры.

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР **Ежов.**

Народный Комиссар Юстиции Союза ССР **Рычков.**

Прокурор Союза ССР **Вышинский.**

## О РАБОТЕ ПРОКУРАТУР МОСКОВСКОЙ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ

Прокуроры Московской и Ленинградской областей представили в Прокуратуру СССР доклады о работе по общему надзору. Начальники отделов общего надзора этих прокуратур сделали, кроме того, личные доклады Прокуратуре СССР о проделанной работе.

Из этих докладов, а также оперативных материалов, имеющихся в распоряжении Прокуратуры СССР, видно, что работа прокуратур Ленинградской и Московской областей по общему надзору за последнее время значительно улучшилась.

В Ленинградской Прокуратуре увеличилось количество протестов по общему надзору при некотором улучшении их качества; улучшилась работа по обобщению материалов и сигнализации о важнейших нарушениях закона; отмечается инициативность и оперативность в работе; проведена большая работа по руководству периферией путем дачи ряда практических указаний о порядке опротестования незаконных постановлений, о технике составления протестов с приложением примерных образцов протестов по различным случаям нарушения закона; проведена значительная работа по устранению извращений в штрафной политике.

Московская Областная Прокуратура улучшила свою работу по проверке обязательных постановлений, надзору за состоянием законности в промышленности, внедрению плановости в работу райпрокуроров и организации групп содействий.

Обоими прокуратурами проведена значительная работа по надзору за соблюдением избирательного закона.

Однако организация и практика работы по общему надзору отстают от требований, предъявляемых партией и правительством.

По ряду районов имеет место непонимание всего политического значения работы по общему надзору, как одного из мощных средств борьбы за революционную законность, отсутствие инициативы и должной решительности в работе с различными нарушениями советских законов, а также отсутствие необходимой настойчивости в устранении этих нарушений.

Прокуратура Союза ССР отмечает в работе отделов общего надзора обоих прокуратур следующие отдельные недостатки:

а) указания Прокурора Союза ССР от 16/VIII-37 г. о работе по общему надзору недостаточно усвоены районными прокурорами и недостаточно реализуются в обоих областях. В Ленинградской области до сего времени не обсуждался цирку-

ляр от 16 августа на совещании райпрокуроров, в Московской области он был обсужден лишь по прямому указанию Прокуратуры Союза через три месяца после его издания;

б) в обоих прокуратурах наблюдается несвоевременное опротестование райпрокурорами незаконных постановлений;

в) недостаточно внимания уделяется надзору за законностью в промышленности, особенно по Ленинградской области;

г) в Московской Областной Прокуратуре слабо поставлена работа по обобщению материалов о нарушениях соцзаконности и сигнализации об этом Прокуратуре Союза;

д) в Московской Областной Прокуратуре слабо поставлена работа по анализу состояния революционной законности в районах;

е) Ленинградская Областная Прокуратура недостаточно борется за внедрение плановости в работу райпрокуроров и проверку выполнения планов их работ.

Исходя из изложенного, предлагаю Ленинградскому и Московскому областным прокурорам:

1) Усилить работу отделов общего надзора по реализации постановления Январского пленума ЦК ВКП(б) в области борьбы с необоснованными увольнениями с работы и отказами в приеме на работу. Обязать отделы общего надзора не только добиваться восстановления неправильно уволенных на работе и полной их реабилитации, но и выявления и привлечения к ответственности клеветников и перестраховщиков.

2) Усилить надзор за законностью в промышленности (борьба с нарушениями законов о труде, с обсчетами рабочих, с задержкой заработной платы, с нарушениями законодательства о технике безопасности, борьба с прогулами). Обязать отделы общего надзора и райпрокуроров систематически проверять приказы трестов и предприятий, имеющие принципиальный характер и касающиеся значительных групп рабочих и служащих ведущих промышленных предприятий области и районов.

3) Обеспечить в дальнейшем систематическую и своевременную проверку всех обязательных и протокольных постановлений местных органов власти с точки зрения их законности в точном соответствии с указаниями Прокуратуры Союза ССР и наблюдать за своевременным рассмотрением протестов органами, в которые они принесены.

4) Принять меры к систематическому снабжению райпрокуроров законодательными материалами и справочной литературой. Обеспечить райпрокуроров методическими указаниями по борьбе с отдельными видами нарушений.

5) Обеспечить своевременное рассмотрение жалоб. Улучшить работу, особенно в Московской Облпрокуратуре, по анализу жалоб и обобщению вытекающих из них вопросов.

6) Продолжить работу по наблюдению за пересмотром в отделах облисполкомов и рик приказов, циркуляров и инструкций, изданных лицами, осужденными за к. р. преступления.

7) Добиться издания Ленинградским и Московским облисполкомами сборника действующих обязательных постановлений.

8) Усилить работу с юрисконсультами в целях получения от них сигналов о нарушениях социалистической законности.

9) Усилить работу по борьбе с фактами нарушений советской и колхозной демократии.

10) При проверке и обобщении материалов по нарушению устава с.-х. артели обратить внимание на выявление спекулятивных тенденций, в пригородных колхозах Московской и Ленинградской областей (организация колхозами мастерских с преобладанием наемной рабочей силы, организация лжеартелей по извозу и т. п.), и на факты нарушений норм, установленных для личного подсобного хозяйства колхозников (повышение нормы наделения приусадебной землей, двухкоровность и т. д.).

11) Развернуть работу групп содействия.

12) Усилить связь с районной и областной печатью. Обязать отделы общего надзора контролировать работу райпрокуроров по заметкам о нарушениях соцзаконности.

13) Московской Областной Прокуратуре обратить особое внимание на изучение и обобщение материалов о нарушениях социалистической законности, в целях своевременной сигнализации об этом, а также на обобщение работы райпрокуроров, показывая образцы положительной работы и разбирая допущенные ошибки на конкретных примерах. Рекомендовать дать районным прокурорам образцы примерных протестов по отдельным видам нарушений.

14) Московской Областной Прокуратуре проверить практику применения закона от 11/IV-37 г., в частности практику взимания штрафов.

Кроме изложенного выше, считаю необходимым поставить перед областными прокурорами задачу дальнейшего усиления инициативы отделов общего надзора в постановке перед Прокуратурой СССР вопросов, требующих урегулирования в законодательном порядке или в порядке опротестования нарушающих законов инструкций и приказов центральных ведомств и учреждений.

**Прокурор Союза ССР А. Вышинский**

28 марта 1938 г. № 304.

---

# СОДЕРЖАНИЕ


Стр.

Передовая — Задачи прокуратуры в навигацию 1938 года . . . . . 1
**А. Герцензон** — Посягательства на социалистическую собственность и их юридическая квалификация . . . . . 4
**А. Трайнин** — Общее учение о должностных преступлениях . . . . . 12
**С. Шарлот** — Прокуратура ж.-д. транспорта в борьбе с крушениями и авариями . . . . . 21
**Н. Дурманов** — Обзор изменений «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик» (1924 — 1937 г.) . . . . 26
**Ю. Позан** — Правовое положение женщины в буржуазных странах и в СССР 36
**Гураль** — Несколько критических замечаний о работе Московской городской прокуратуры . . . . . 43
**М. Савицкий** — Некоторые вопросы применения амнистии к XX годовщине РККА . . . . . 46
**А. Карп** — Стабильность советского закона . . . . . 48
**Р. Веселкин** — Об участии профсоюза работников суда и прокуратуры в выборах Верховного Совета СССР . . . . . 50
**Л. Шейнин** — Генеральша Апостолова . . . . . 54

**Обмен опытом**

Некоторые итоги работы территориальных прокуроров по борьбе с крушениями на ж.-д. транспорте . . . . . 57
Расследование убийств . . . . . 59
О роли прокурора в надзоре за законностью постановлений общественных и товарищеских судов . . . . . 63
К вопросу о материальной ответственности работников . . . . . 65
Судебное признание как доказательство в гражданском процессе . . . . 67
О регрессных исках органов соцстраха . . . . . 69
Инкубационный период . . . . . 70
О весовых недостачах грузов, перевозимых по ж. д. . . . . 70
Освобождает ли усыновление ребенка от обязанности его родителей доставлять ему содержание . . . . . 71
О «моральных» интересах . . . . . 72
О следователе и условиях его работы . . . . . 73
Бюрократическое творчество . . . . . 74
**Судебно-надзорная практика прокуратуры Союза** . . . . . 75

**По союзным республикам**

РСФСР:

Злостный неплатеж алиментов . . . . . 82
Участие прокуратуры Новочеркасска в избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР . . . . . 85
На страже социалистической законности . . . . . 87

ССР Грузии:

О некоторых итогах работы прокуратуры Абхазской АССР за 1937 г. . . 88

Азербайджанская ССР:

Кировабадский народный суд . . . . . 90

**Право, процесс и судоустройства в капиталистических странах**

Законодательство капиталистических стран о шпионаже . . . . . 91
**Официальный отдел** . . . . . 98



ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР — Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Рукопись поступила в издательство 11/IV 1938 г. — Сдано в производство 11/IV 1938 г.
Подписано к печати 3/V 1938 г. 6½ п. л. 16,73 авт. лист. Формат 70×107 Ю—4п.; № 57 В одном бум. листе 213 000

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. 6 ГУМ, пом. 28. — Технический редактор П. Рушковс

Уполномоч. Главлита РСФСР № Б—42848. — Зак. № 447. — Тираж 25000

18-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.